

Р. М. КАВО

ГОРОДА
ЗАПАДНОЙ
СИБИРИ

МОСКВА · 1949

Р. М. КАБО

ГОРОДА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

*Очерки историко-экономической географии
(XVII—первая половина XIX вв.)*

Государственное издательство
географической литературы
Москва. 1949

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая читателю работа имеет целью рассмотреть процесс возникновения, развития и размещения русских городов Западной Сибири. Изложение этого процесса начинается с конца XVI и начала XVII в., когда впервые появляются в Сибири русские города. Работа по своему содержанию имеет *историко-географический характер*.

Город есть одна из форм размещения материального производства и расселения людей, участников производства. Формы же расселения непрерывно изменяются под влиянием роста производительных сил и изменения производственных отношений, и в ходе этого развития в большей или меньшей степени приспособляются к потребностям хозяйственной жизни. Одной из форм такой связи расселения с хозяйством является географическая концентрация неземледельческого населения в отдельных пунктах, из которых это население по своему *географическому положению* может обслуживать потребности производства, основанного на географическом разделении общественного труда.

Общезвестно, что марксистское историко-географическое изучение заключается в том, чтобы «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

¹ Ленин В. И. Сочинения, 3-е изд., т. XXIV, стр. 364.

Исторический подход дает возможность показать, как изучаемые явления и процессы, характерные для каждой исторически-определенной ступени, *необходимо* развиваются из условий предыдущей ступени и, в свою очередь, своим развитием создают новые условия, которые *передвигают* изучаемые явления на следующую новую историческую ступень. Исторический подход открывает путь к пониманию явлений на основе изучения начала и пути их развития; только он делает возможным в каждом изучаемом явлении вскрыть следы его возникновения и пройденного пути. Имея в виду все эти соображения, изучение должно вестись по историческим эпохам или ступеням.

Развитие городов происходит в обстановке целого комплекса местных географических, социальных, экономических, этнических и других условий. Взаимно обуславливая существование друг друга, город и окружающие его условия накладывают друг на друга печать своего влияния, в результате чего каждый город приобретает ряд свойств, отличающих его от городов, которые развиваются в составе других комплексов. Следствием этих сложных взаимовлияний и являются как раз географические различия некоторых, конечно, специфических свойств этих городов. Этим определяется та особенность географического подхода, которая заключается в раскрытии в изучаемых городах и черт сходства, и черт различия («от места к месту»).

Как и история, экономическая география рассматривает свои объекты во всех их связях и опосредствованиях. Поэтому географическое изучение отличается многократным подходом с разных сторон к изучаемому объекту для выяснения взаимоотношений его, во-первых, с каждым отдельным влияющим на него фактором и, во-вторых, со всей совокупностью этих факторов. Установить и объяснить конечный итог всех этих перекрещивающихся влияний можно только путем анализа действия каждого отдельного фактора и одновременно действия всех их вместе. Этот анализ должен вскрыть, какому именно «преломлению» подвергается изучаемый объект со стороны каждого влияющего фактора. «И нужно очень хорошо знать законы этого «преломления»..., чтобы мысль после всех блужданий вышла точно к объекту исследования. Нетрудно убедиться при этом, что она пойдет к

нему с разных сторон, покажет его исследователю одновременно в разных ракурсах, в разных аспектах»¹.

Поэтому подлинно экономико-географическое изучение городов, как и любого другого общественного объекта, будет всегда отличаться многосторонностью подхода.

Но специфика его заключается в том, что такой подход применяется для выяснения тех *особых свойств* (социально-экономических, культурно-бытовых и планировочно-топографических), которые приобретает отдельный город или территориальная группа городов под влиянием местных условий, обязательно включающих и влияние положения города в системе общественно-географического разделения труда.

Поскольку эти специфические особенности являются проявлениями одного и того же способа производства, одного и того же со стороны главных условий, постольку знание последних абсолютно необходимо для понимания движущих сил развития городов. Но поскольку эти главные условия благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам обнаруживают в своем проявлении «бесконечные вариации и градации»², постольку одного знания общих закономерностей недостаточно. Специфические особенности городов можно понять только путем анализа именно местных условий.

Только знание основных закономерностей исторически данного способа производства и знание всех частных закономерностей, вытекающих из воздействия на объект местных условий, могут привести к цели изучения историко-экономической географии городов.

Цель же эта — изучение *развития городов, каждого в своем именно месте, как звеньев общественно-географического разделения труда и в зависимости от исторически сменяющихся способов производства.*

Переходя теперь к сжатой характеристике приемов исследования исторического материала, автор должен предупредить, что он далек от мысли придавать им универсальное значение, пригодное для любого исследования городов. Ее, эту характеристику, следует рассматривать не как «методическую инструкцию», а как краткий отчет

¹ Щуккин И. С. Некоторые мысли о сущности и методике комплексного физико-географического районирования территории. «Вопросы географии», 1947, Сборник третий, стр. 86.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XIX, ч. 2-я, стр. 353.

об избранном автором «маршруте» в направлении к сформулированной выше цели, имеющем значение только в применении к материалу рассматриваемого в книге исторического периода.

Исторический материал, характеризующий экономическую географию городов на каждой исторической ступени развития, автор стремился подвергнуть анализу, отдельные стадии которого, как ему кажется, последовательно вытекают одна из другой и в своей совокупности охватывают все главные стороны вопроса.

На *первой стадии* задача состояла в том, чтобы, исходя из особенностей *социально-экономической структуры* Западной Сибири, как территориально-политической и экономической части России, установить историческую обусловленность городов. Эту задачу можно разрешить, вскрывая все те экономические и внеэкономические процессы, которые привели к появлению и развитию населенных пунктов, концентрирующих неземледельческое население. Среди этих градообразующих процессов центральную роль на первых ступенях развития играли внеэкономические факторы (оборона, принуждение, выколачивание ясака и т. д.); на следующих — процессы образования внутреннего рынка для капитализма, который возникает еще в недрах феодального общества.

Но социально-экономическая обусловленность городов выражает только основную закономерность развития их на данной исторической ступени и способна объяснить нам развитие системы городов, но не может объяснить их географическую *локализацию*. Она, далее, способна вскрыть самые общие черты того экономического типа, к которому относятся города изучаемой территории (торговые, промышленные, кустарно-ремесленные и пр.), но она не в состоянии объяснить облика отдельных городов.

Социально-экономическая структура общества и порождаемые ею закономерности развития городов для каждой исторической ступени имеют еще слишком общий характер для того, чтобы служить достаточным объяснением географической локализации городов. Это объяснение нуждается в анализе причинных связей и отношений, свойственных развитию каждого отдельного города, что приводит нас к следующей стадии исследования.

Задача этой *второй стадии* заключается в том, чтобы проанализировать причины, от которых зависит развитие каждого города на конкретном занимаемом им месте и территориальное расположение городов друг относительно друга.

Первый шаг в этом направлении состоит в восстановлении важнейших черт *экономико-географической структуры* Западной Сибири на каждой отдельной ступени и положения района в территориальной системе хозяйства всей страны. Разрешение этой задачи потребовало анализа условий производства, сложившихся в различных частях Западной Сибири. Необходимо было выяснить, как, под влиянием развития товарного производства и других факторов (внеэкономического принуждения, принудительной специализации хозяйства и т. д.), происходила экономическая дифференциация хозяйственной территории, как расширялась сфера общественно-географического разделения труда и формировалась территориальная организация производительных сил в пределах района. Выяснив поставленные здесь вопросы, можно было получить представление о взаимном географическом положении тех местностей в пределах района, которые являлись очагами производства и находились в экономических сношениях друг с другом. Выяснение территориальной организации производительных сил Западной Сибири дало возможность установить важнейшие условия для развития отдельных городов в зависимости от их географического положения.

Когда мы анализируем причинные связи и отношения, обуславливающие территориальную систему городов, наша мысль обычно идет от внешних форм процесса возникновения и развития городов к внутренним связям и закономерностям. Она исходит от города как от правного пункта анализа и стремится определить его многосторонние отношения к условиям его существования, прежде всего, к условиям местности, на которой расположен город, т. е. определить его *топографическое положение*.

Затем она переходит к тем транспортным линиям, на которых находится город, и стремится определить его отношение к путям, по которым совершается передвижение товарных масс и людей между районами и городами, т. е. его *транспортно-географическое положение*. Наконец, она обращается к тем хозяйственным территориям

и городам, к которым ведут эти транспортные линии, стремясь определить отношение каждого изучаемого города к этим хозяйственным территориям и к этим городам, т. е. его *экономико-географическое положение*.

Все эти частные отношения можно объединить в общем понятии *географического положения*, которое включает ряд указанных определений.

Между тем действительное взаимоотношение закономерностей, которые получают выражение в понятиях топографического, транспортного, экономико-географического положения, обратно тому, каким оно нам представляется. Наиболее общая закономерность вытекает из экономико-географического положения (т. е. из взаимного отношения хозяйственных территорий), затем уже и в зависимости от первого выступает значение транспортно-географического положения (т. е. взаимного отношения транспортных линий) и последнее место занимает определение топографического положения. Отсюда мы в праве сделать тот вывод, что исследование закономерностей, обуславливающих территориальную систему городов, должно идти от общих закономерностей к частным.

Только ведя исследование этим путем, мы в состоянии обнаружить, как социально-экономическая обусловленность в определенных географических и исторических условиях большого района, как бы намечает те места, в которых возникли города.

В связи с разбираемым вопросом необходимо остановиться на точке зрения тех, кто, подобно целому ряду немецких географов (Коль, Гассерт, Гейслер), пытался в разное время построить целую «теорию образования и роста городов» на основе географических особенностей одного только их местоположения (бухты, судоходные реки, почвы, формы земной поверхности) ¹.

¹ Сводя географическое изучение городов к изучению их положения на земной поверхности, сторонники этого направления различаются в одном только отношении. В то время, как одни, более ранние авторы (Коль, Ратцель) считали самой важной частью описание *макроположения* города, положения к крупным линиям рельефа («Из различных причин концентрации населения самая важная — устройство и форма земли», писал Коль), другие (Шлютер, Гайслингер, Гейслер) придавали первенствующее значение *микрорасположению* городов, особенностям их топографического рисунка. Главная задача, — пишет Шлютер, — описать «формы чувственно воспринимаемой картины» городов.

Этой «школе» и тем, кто разделяет ее вульгарно-географические воззрения, совершенно чуждо понимание историчности городов, в смысле существования особых законов их развития, зависящих от исторической ступени развития общества. Развитие городов эта «школа» ставит в непосредственную связь с удобствами топографического положения. Так как авторы этого направления исходят из неправильной предпосылки, что города возникают под влиянием географических условий данного места, то они с тщательностью регистрируют влияние мельчайших географических особенностей ландшафта на образование городов ¹.

Нетрудно обнаружить порочность такого понимания причины развития города. Во-первых, расширение хозяйственных связей и успехи транспортной техники отодвигают на задний план роль местных природных условий в развитии городов. Значение этих условий все более и более уменьшается. Города часто развиваются успешно в неудобных местах при изменении неблагоприятных условий деятельностью общества. Во-вторых, города развиваются в данном именно месте потому, что взаимное положение хозяйственных территорий и связывающих путей превращает соответствующие поселения путем как бы «отбора» в пункты, выполняющие городские функции. Условия местоположения имеют поэтому значение не сами по себе, но лишь в той степени, в какой они облегчают взаимную связь между хозяйственными территориями и экономическими центрами.

В-третьих, наконец, города являются не пассивными объектами своего географического положения, но активными участниками жизни общества, изменяющими свое положение. При этом, новое экономико-географи-

¹ Приведу только один пример. Гейслер в своей книге «Немецкий город» дает схему для классификации городов по их положению на местности. Он классифицирует города: а) по их положению над уровнем моря, б) по отношению к рельефу, в) по их положению в долине реки, г) озерному расположению и т. д. Города, расположенные в долине реки, он в свою очередь подразделяет на города, имеющие расположение поперечное, наискось от рек, охватываемые рекою. Каждая из этих групп снова подразделяется на подгруппы. Например, города, охватываемые рекою, различаются между собою: имеющие расположение петельное, при котором река, обтекая город, оставляет свободной только одну сторону; имеющие расположение шпорное, при слиянии рек, в остром углу и т. д.

ческое положение города возникает в результате изменения не только внешних условий (взаимного отношения хозяйственных территорий, путей сообщения), но и внутреннего экономического развития городов. Раз изменилась экономическая структура города, неизбежно изменится его экономико-географическое положение.

Следовательно, в одном случае на внутренние условия экономического развития города оказывает воздействие его географическое положение, в другом — само географическое положение оказывается под воздействием этих внутренних условий.

Закономерности, определяющие реальное размещение городов по территории, связаны друг с другом в определенную систему. Система эта начинается основной закономерностью, выражающей социально-экономическую обусловленность городов, и замыкается частной закономерностью, выражающей отношение города к географическим условиям. Среди частных закономерностей существуют и такие причинные связи и отношения, которые являются привходящими, второстепенными и которые кажутся «случайными». Но, поскольку эти второстепенные и «случайные» связи имеют вполне объективный характер, они должны быть вскрыты и проанализированы наряду с основными причинами. Следует помнить, что «экономическое движение, как необходимое, прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей...»¹. География городов представляет собой сложное и многообразное явление, в котором переплетаются и взаимодействуют различные закономерности. Так как историческая география городов изучает те исторические ступени, когда процесс градообразования не находится под общественным контролем и совершается стихийно, то на этом широком историческом поле мы наблюдаем во множестве такие взаимоотношения, один полюс которых — необходимость, другой же — случайность. При этом «случайные» связи и отношения являются формами проявления социально-экономической необходимости.

Задача третьей стадии анализа состоит в выяснении процесса изменения всех признаков города в зависимости от исторического развития городов и географического

положения, непрерывно изменяющегося в ходе этого развития. Эти признаки могут быть объединены в следующие группы: признаки экономические, демографические и территориальные.

Экономические признаки города определяются в основном теми отраслями хозяйства, которые разместились в нем, и характером его экономических связей с другими городами и районами.

Демографические признаки зависят от численности и состава (социального, профессионального, национального и т. д.) населения и свойственного ему образа жизни.

Территориальные, или материально-планировочные, признаки зависят от конфигурации города, приуроченности его отдельных частей к отдельным элементам ландшафта, от особенностей кварталов, улиц, площадей и построек, их взаимного положения и т. д.

Из этих трех основных элементов, слагающих город, экономические признаки города (хозяйственная деятельность населения и экономические связи города) наиболее быстро реагируют на изменение общественного способа производства; во вторую очередь меняется уклад жизни населения; в последнюю очередь — материальные элементы города. Изменение первого звена всегда ведет к изменению прочих звеньев. Одна и та же материально-вещественная основа города часто служит базой, на которой происходит формирование новых социально-экономических свойств.

В центре экономико-географического изучения городов Западной Сибири лежит комплекс социально-экономических признаков (свойств) города (занятия, социальный и профессиональный состав населения, производство, торговля, транспортные предприятия и т. д.). Задача изучения этого комплекса заключается в том, чтобы проследить, как изменяются социально-экономические свойства города, как под их влиянием изменяется уклад жизни населения и материальные элементы города. Города продолжают оставаться там, где они первоначально возникли, но их социально-экономическое содержание непрерывно изменяется, притом резкие скачкообразные перемены приурочены к моментам перехода от одного общественного строя к другому и непосредственно зависят от коренных сдвигов в системе общественно-геогра-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XXVIII, стр. 245.

фического разделения труда, от проведения новых путей, связывающих между собой города и районы¹.

География городов при таком понимании освобождается от механической концепции, которая сводит задачу изучения исключительно к распределению и перераспределению городов в пространстве, а понятие размещения часто сводит к одному пространственному признаку, отодвигая на второй план или даже вовсе не замечая внутренней природы изучаемого объекта, его качественную определенность и свойства, которые выражают эти качества. Между тем города, не меняя места, резко изменяют свои качества и свои свойства. Центр тяжести изучения нужно перенести на социально-экономические свойства, характерные для городов, которые развиваются только там, где для них существуют достаточные географические и экономические условия, и тогда, когда появляется в этом социально-экономическая необходимость.

При таком понимании география городов может подвергнуться очень резким переменам даже при одном и том же их местоположении, что и характерно для Западной Сибири. Изменение географии городов есть прежде всего процесс смены одних социально-экономических признаков другими.

В истории крайне редки случаи, когда населенный пункт сразу возникает как «экономический» город. В обществе, в котором общественные процессы не находятся под его сознательным контролем, «экономические» города являются продуктами стихийно складывающегося социально-экономического развития: они не всегда возникают как города, но развиваются в города. Подобный же характер имеет и процесс упадка городов. И в этом случае происходит непреднамеренный процесс экономического угасания некоторых городов, хотя они продолжают сохранять материальные атрибуты городского поселения, которые превращаются в этом случае в своеобразные «реликты».

¹ То совершенно верное наблюдение, делаемое географами и историками, что многие города возникали после разрушения на том же месте, означает, однако, что по существу это разные города, отвечавшие разным социально-экономическим потребностям и отличавшиеся разными свойствами.

* *
*

«Очерки историко-экономической географии городов Западной Сибири» в центре исследования ставят *экономическую географию* городов и только попутно и вскользь касаются вопросов демографической географии и материально-планировочной микрогеографии городов.

За исторический период, со времени появления первых русских городов и до наших дней, на территории Сибири феодальная общественная формация сменялась капиталистической, капиталистическая — социалистической. В соответствии с этим историко-географическое изучение городов должно быть разделено на три эпохи или периода, что не исключает деления каждой эпохи, в свою очередь, на отдельные стадии.

«Очерки» задуманы автором из трех частей. Первая часть охватывает период с конца XVI в. до середины XIX в., т. е. период возникновения первых русских городов в Западной Сибири и их первоначального становления как центров хозяйственной жизни; вторая часть работы будет посвящена периоду капиталистического развития, вслед за которой последует третья часть, охватывающая послеоктябрьский советский период развития Западной Сибири и ее городов.

Предлагаемая вниманию читателей первая часть «Очерков» опирается на ряд источников и других материалов различной ценности и различного достоинства. Переходя к характеристике использованных источников и литературных материалов, следует прежде всего отметить, что автор сознательно уклонился от соблазнительной задачи — ввести в научный оборот новый архивный материал, считая, что разыскивание и анализ его увеличит в сторону от задач, стоящих перед ним как географом. Он широко пользовался историческими работами Г. Ф. Миллера, П. Н. Будицкого, С. В. Бахрушина и др., в которых богатый архивный материал был впервые подвергнут анализу, давшему существенно важные для истории Сибири выводы и обобщения. Работы этих историков, заложившие основы исторических знаний о Сибири, составляют такую важную ступень в ее познании, что последующие исследователи имеют возможность не повторять, а продолжать начатое ими дело, отправляясь от той

черты, до которой они довели свои исследования на основе первоисточников.

Однако автор не уклоняется от нового прочтения ряда уже известных первоисточников, поскольку из них можно извлечь новые факты, ускользнувшие от внимания исследователей, не ставящих перед собой экономико-географической цели.

Напомним еще раз, что цель работы заключалась в освещении процесса возникновения и развития русских городов Западной Сибири, *каждого в своем именно месте*, в зависимости от их географического положения. Историко-географическое изучение городов требовало знания их экономической жизни в различные периоды исторического развития, связанного теснейшим образом с процессами заселения и хозяйственного освоения Западной Сибири русским народом.

Поставленные задачи определили и характер тех материалов, которыми преимущественно интересовался автор, привлекая их для обработки.

Центральное место должны были бы занимать, по вполне понятным причинам, опубликованные архивные материалы, которые освещают внутреннюю жизнь городов, состав населения, занятия и т. д. К этому кругу источников относятся: выпуски «Русской исторической библиотеки» (особенно тт. II и VII), изданные Археологической комиссией; «Памятники Сибирской истории XVIII в.» (кн. I и II); «Исторические акты XVII ст. (материалы для истории Сибири)»; «Обозрение столбов и книг Сибирского приказа» Н. Н. Оглоблина (тт. I—IV); «Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией» (тт. IV и V); «Сибирские летописи» и др. Однако перечисленные источники, как показало их изучение, содержат сравнительно мало материала с точки зрения поставленной цели. В этом отношении выгодно отличаются от них сборники материалов, относящихся к истории некоторых отдельных городов. «Сибирь в XVII в. Сборник старинных рукописей о Сибири», «Томск в XVII в. Материалы для истории города», «Тобольск. Материалы для истории города XVII—XVIII вв.». В этих сборниках находим извлечения из педат и дозорных книг и т. д., относящихся к разным периодам и дающих много очень ценных сведений о внутренней жизни городов.

Второй круг источников составляют показания различного рода путешественников XVII и XVIII вв., в путевых записках которых находим более подробные или, наоборот, краткие заметки о том или ином посещенном городе, но эти заметки, даже беглые, имеют для нас большое значение как свидетельства очевидцев. К кругу таких источников относятся: «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г.»; «Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII в.». К этому кругу относятся известные описания П. С. Палласа, М. Фалька, И. И. Лепехина и др.

Третий круг источников составляют опубликованные различные статистические данные, полученные при производстве переписей («ревизий») или в результате исчисления населения, относящиеся главным образом к XVIII и XIX вв. Сюда относятся: «Статистико-финансовая картина Сибири в 1698—1700 гг.» П. М. Строева, «Списки населенных мест Российской империи», изданные Центральным статистическим комитетом МВД по Томской и Тобольской губерниям; население России по ревизиям, произведенным в XVIII и в первой половине XIX в., особенно ревизии 1-я (1718 г.), 5-я (1794 г.), 9-я (1851 г.), 10-я (1858 г.), «Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительственных и других достоверных источников» (1810 г.) и т. д.

Четвертый круг источников составляют карты Сибири, планы отдельных городов. Этих работ немного. Центральное место среди них занимает такой великолепный источник, как «Чертежная книга Сибири» С. Ремезова.

Далее идет широкий круг литературных произведений, которые содержат материал первоисточников в обработанном виде. В этом круге особое место занимает «История Сибири» Г. Ф. Миллера (тт. I и II) и дополняющие ее: «Сибирская история» И. Фишера, «Заселение Сибири и быт первых ее насельников» и другие произведения по истории Западной Сибири П. Н. Буцинского, труды С. В. Бахрушина: «Очерки по истории колонизации Сибири», «Ясак в Сибири в XVII в.» и др. Названные труды не только обобщают огромный архивный материал и освещают экономическую жизнь Западной Сибири XVII в., и отчасти XVIII в., но и дают ряд ценных сведений о воз-

ликновении и экономическом развитии отдельных городов.

К этим трудам примыкают такие произведения, как «Историческое обозрение Сибири» (тт. I и II) П. А. Словцова, ценные сведения и меткие мысли которого сохраняют до сих пор свое значение; извлечения из «Свода законов Российской империи», сделанные В. К. Андреевичем в его «Истории Сибири» (ч. I—IV), «Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири» И. В. Щеглова. В связи с этими трудами следует упомянуть отдельные статьи П. М. Головачева, подлинного пионера в деле научного изучения сибирских городов; А. И. Григорьева, автора очень серьезного исследования «Устройство и заселение Московского тракта». Новый архивный материал извлечен В. И. Шунковым и обработан в его труде «Очерк по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в.» и др.

Много интересных и важных фактических данных находим в известном труде М. Чулкова «Историческое описание Российской коммерции» (особенно в тт. III и VI). Сведения о городах Сибири для конца XVIII в., подытоженные в известном «словаре» А. И. Шекатова, а для середины XIX в. у А. Г. Гагемейстера («Статистическое обозрение Сибири», ч. I—II) и у И. Завалишина в «Описании Западной Сибири» (ч. I—II).

Далее идут многочисленные описания отдельных городов, почти всегда компилятивные. Эти описания часто содержат весьма ценные сведения об экономической жизни городов первой половины XIX в., которые не могут быть ныне получены другим путем. Сюда относятся такие работы, как «Материалы по истории и статистике Омска» (ч. I—II) И. Я. Словцова, А. Андрианова «Томск в прошлом и настоящем», ряд статей Н. Абрамова о Тюмени, Кургане и других городах, Н. Кострова «Историко-статистическое описание городов Томской губ.» и многие другие статьи и книги.

Свое критическое отношение к названным первоисточникам и литературным произведениям автор выразил в соответствующих местах монографии.

В заключение с чувством глубокой благодарности отмечаю оказанную мне помощь ценными советами и указаниями Н. Н. Баранского, И. А. Витвера, Н. И. Ляликова, В. В. Покишиевского и Ю. Г. Саушкина.

I. ГЕОГРАФИЯ ПЕРВЫХ РУССКИХ ГОРОДОВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Движение русских за Урал. Значение первых русских городов как опорных пунктов завоевания и рассадников русской колонизации. Предшественники русских городов на территории Западной Сибири: хантыйские, маньсийские и татарские городки. Факторы географического размещения первых русских городов. Основание городов: Тюмени, Тобольска, Пельма, Березова, Сургута, Нарыма, Томска и др.

С очень давних времен русские люди были знакомы с северо-западной частью Сибири, примыкающей к Уралу, известной под названием «Югры» или «Югорской земли». Летопись конца XI в. рисует оживленную торговлю новгородцев с народностями, жившими по обеим сторонам Северного Урала. В XIII в. Югра включается, хотя и непрямо, в состав новгородских владений.

Во времена Герберштейна (в начале XVI в.) русские, повидимому, часто бывали в Югорской земле за сбором ясака и по торговым делам. По его сведениям, племена маньсей (вогулов), хантов (остяков) и ненцев были данниками Московского государства. Известная русским называть при впадении Тобола в Иртыш в конце XV века называлась Сибирской землей и отличалась от Югорской¹.

В XVI веке ряд перемен в экономической жизни страны и, особенно, повышение спроса на мех соболей и бел-

¹ Головачев П. М. Очерк заселения Сибири в XVI и XVII ст. СПб., 1906, стр. 3.

ки со стороны внешнего рынка привели к тому, что вся добывавшаяся в пределах европейского Севера пушнина стала поглощаться все возрастающим внутренним и иностранным спросом.

С середины XVI в. направление торговых связей все более отклоняется на Север, где местом торговли с Англией, а позднее с Голландией, становится пристань Св. Николая, потом город Архангельск в устье Северной Двины.

Близость пункта вывоза к местам добычи, с одной стороны, повышение спроса на пушнину, с другой, — должны были вызвать быстрое истребление зверя в северных лесах. Естественно, что в связи с этим усиливается продвижение за Урал по тем путям, которые были еще раньше проложены новгородцами.

Проникновение на территорию Западной Сибири было сильно облегчено падением Казанского царства в 1552 г., открывшим более близкие и короткие пути в Сибирь, но воспользоваться этими путями было практически невозможно, так как на путях русского наступления за Урал преградою лежало «Сибирское царство» или «Сибирский юрт», государственное образование сибирских татар, кочевавших по рекам Тоболу, Ишиму и Иртышу. Обломок Чингисхановской империи, образовавшийся одновременно с выделением Казанского и Крымского ханства в XV в., «Сибирский юрт» представлял плохо спаянный конгломерат территорий, находившихся под властью татарских, хантыйских и маньчжурских князьков. Политический центр «Сибирского юрта» находился на берегах Иртыша, вблизи устья Тобола.

Московское правительство, взявшее в конце концов в свои руки руководство движением русской колонизации за Урал, преследовало при этом две задачи. Первая заключалась в том, чтобы создать достаточно надежную защиту восточной окраины государства, граница которой в это время проходила по Северному Уралу. Вторая, более важная, задача состояла в получении возможно большего количества ценных мехов, которыми покоренные народы Севера уплачивали дань (ясак), возложенную на них завоевателями.

В колонизационной деятельности московского правительства подчинение сибирских народностей для сбора ясака ценными мехами имело решающее значение. Ясак

был той притягательной силой, которая побудила московское правительство перейти за Урал и захватить всю территорию к востоку от него до Тихого океана. «Ради сбора ясака строились в тайге укрепленные ясачные зимовья, превращавшиеся затем в остроги и города, поощрялись и поддерживались безумные по смелости и жестокости военно-промышленные предприятия служилых людей и частных капиталистов»¹.

Но Сибирь в этот период становится не только частью Московского государства, в которой строятся острожки, посылаются воеводы, действуют военные люди, но она одновременно частное владение царя, доходное предприятие государевой казны.

Служилые люди в Сибири в соответствии с этим не только представители московской власти, но и царские агенты по сбору «мягкой рухляди» в царскую казну; они не только стремятся раздвинуть границы государственной территории, но они прежде всего радеют о прибыли государевой казны. Сибирь вначале в меньшей мере часть государства, в большей — царская вотчина, которая только по мере заселения приобретает облик русской земли, утрачивая характер частной колонии, становясь частью Московского государства.

Завоевательное движение, руководимое неутомимым стремлением к получению «мягкой рухляди», сравнительно быстро прошло по территории Западной Сибири, направляясь на восток. Оно оставило на территории Западной Сибири небольшое русское население, сосредоточенное, главным образом, в построенных завоевателями военных городках и острожках.

Уже в 1585 г. московский царь сообщает цесарю, что его люди «Царство Сибирское взяли», а московский посол, желая пустить пыль в глаза иноземцам, так описывает это царство:

«Обь — река великая, в ширину есть верст на пятьдесят, а города по ней государи наши велели поставить, и ныне поставлено городов с семьдесят»².

Не случайно здесь речь идет о «городах», причем число их неимоверно раздуто. Это была скорее программа

¹ Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в., Новосибирск, 1927, стр. 1.

² Памятники дипломатических сношений, т. I, стр. 922 и 923.

того, что собиралось делать в Сибири московское правительство.

Совершенно естественно, что возникшие в период завоевания Сибири города были необходимым и наиболее действенным средством для достижения стоящих перед пришельцами чисто военных целей. Эти цели нашли свое глубокое отражение в размещении городов, в их внешнем виде, в составе первоначального населения и лишь под этими наложениями, которые были обусловлены военными задачами, образовались зародыши новых экономических функций, которым предстояло в будущем развиться и подчинить своему влиянию всю жизнь города.

Чем был город в этот период первоначального освоения Сибири?

На этот вопрос может быть дан более полный ответ, если вспомнить, что русские города на территории Западной Сибири имели предшественников еще до русского завоевания в виде хантыйских, маньсийских и татарских так называемых «городков» и что их географическое местонахождение оказало влияние на размещение русских городов. Прилагаемая в конце книги карта характеризует сеть древних хантыйских, маньсийских, татарских городков и новых русских городов, созданных в качестве опорных пунктов в процессе первоначального заселения Западной Сибири. Это последнее обстоятельство заставляет нас сделать небольшой экскурс в прошлое для того, чтобы получить представление о характере этих поселений, которые именовались «городками», предшествуя в некоторых случаях русским городам в местах их возникновения. Уже в книге Большого Чертежа, первоначальное составление которого относится к XVI в., следовательно, до момента завоевания Сибири, при описании реки Оби и ее притоков, упоминается ряд «городов»: «От устья (т. е. Оби) вверх Обдорские города. А выше Обдорских городов — Югорские. А выше Югорских — Сибирские». Интересующий нас вопрос получил освещение, по крайней мере в отношении хантыйских и маньсийских городков, в интересном исследовании С. В. Бахрушина¹.

В этой работе, посвященной хантыйским и маньсийским княжествам в XVI—XVII вв., автор убедительно до-

казал, что еще до прибытия русских в Западную Сибирь у хантов и маньсеев намечались признаки зарождения феодальных отношений и начали складываться примитивные формы государственности. Уже в XV в. ханты и маньси были организованы в небольшие княжества, возглавлявшиеся «князцами». Первоначально власть племенных князьков покоилась на принципе родовых связей, но постепенно они присваивают право заставлять своих соплеменников работать на себя. Они получают от них «поминки», подати и ясаки с покоренных соседей, они овладевают промысловыми угодьями (охотничьими и рыболовными); в их руках скапливаются значительные средства в виде, прежде всего, больших запасов пушнины. Таким образом, русские обнаружили у хантов и маньсеев первые признаки примитивного феодального строя. Центрами этих маленьких княжеств являлись городки, укрепленные валами и палисадами¹.

Ермаку и его казакам пришлось шаг за шагом отвоевывать территорию по нижнему течению р. Оби у хантыйских князьков, оказывавших упорное сопротивление в своих укрепленных городках². Многие из этих городков сохранились и тогда, когда эти княжества попали в зависимость от татарских ханов, и продолжали существовать и в XVII в., когда русские окончательно овладели Западной Сибирью.

С. В. Бахрушин познакомил нас с характером этих городков, на развалинах которых возникли впоследствии некоторые русские города. Вот перед нами древняя резиденция кодских князей, так называемый Кодский городок. Первоначально укрепленный пункт, при русских он утратил значение крепости и был только усадьбой правящих князей. Здесь в своей столице жил кодский князь, окруженный многочисленной несвободной челядью³.

Столицей Обдорского княжества, раскинувшегося в тундре, окаймляющей Обскую губу, был первоначально Пулноват-ваш (Носовой), на месте которого впоследствии был основан русский Обдорский городок.

Из шести городков Ляпинского княжества только на

¹ Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., Л., 1935, стр. 35.

² Там же, стр. 37.

³ Там же, стр. 55.

¹ Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., Л., 1935.

месте одного — Сугмут-ваш (Березовый городок) — впоследствии возник русский город Березов.

Центром и оплотом Белогорского княжества служил городок у слияния Иртыша с Обью и, судя по городищу, описанному Г. Ф. Миллером, он был «выкопан в горах высоких» и представлял сильное укрепление. У его стен под начальством белогорского князя Самары сражались с казаками восемь князьков¹. На развалинах Самаровского городка вырос Самаровский ям. Сургут был построен на территории Сургутского хантйского княжества, вблизи того места, где находилась резиденция князя. Центром Пелымского маньсийского княжества в XV в. был городок, стоявший при слиянии рек Пелыма с Тавдой, служивший местопребыванием местных князей. Аналогичные явления наблюдаются на всей территории, населенной хантами и маньсями.

Эти городки, прежде укрепленные, или остатки этих городков, служили местопребыванием (столицей) местных князей, центрами племенного объединения и в некоторых случаях религиозными центрами (например, близ столицы Пелымского княжества находилась священная лыственница, пользовавшаяся почитанием у коренного населения).

По данным С. Ремезова, водворившимся в Западную Сибирь татарам, принадлежало большое количество укреплений, которые он называет городами. Приведем здесь некоторые из них: Касымтура (у впадения р. Вагая в Иртыш), Куллары (на Иртыше), выше устья р. Тавды стоял «город опасный Кучумов ясаула Алышай», охранявший «на Тоболе место узкое»; у устья р. Туры находилось укрепление на холме Цымырлы, несколько выше устья Туры «заставный Кучумов городок»; выше по Тоболу стоял татарский город Явлу-тура; на месте города Кургана — татарское укрепление, названное «Царево городище»; близ устья р. Ишима при впадении в Иртыш — укрепленный город Кизыл-тура и т. д.

Один из тюменских ханов Махмет, местопребыванием которого был татарский город Чимги-тура (на месте города Тюмени), перенес свою резиденцию с р. Туры на Иртыш. Махмет выбрал для своего пребывания довольно высокое место на восточном берегу Иртыша и приказал

¹ Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., Л., 1935, стр. 70.

его укрепить¹. Г. Ф. Миллер, приводя этот рассказ, добавляет, что этот старый татарский город, известный под названием «Сибирь», тобольскими татарами в то время назывался «Искер»².

Этот город-крепость, остатки которого находятся в 17 км от нынешнего города Tobольска, и был резиденцией последнего из татарских ханов Сибирского юрта — хана Кучума.

Вся правая нагорная часть иртышского берега, на котором ныне расположен город Tobольск, во время владычества татар в Сибири, называлась горой Алафейской (от татарско-арабского слова «алагфалы», что значит «коронный», иначе «ханский» — в переводе «ханская гора», т. е. земля, принадлежащая хану). «На этой Алафейской горе на протяжении трех десятков верст были разбросаны города властителя Сибири, его сыновей, родственников и жен., но резиденцией хана стал Сибирь, находившийся на мысу у речки Сибирка»³. Все эти «города», о которых пишет автор, были, вероятно, укрепленными городками (Сузун-тура, Бицик-тура, городок на Чувашском мысе и др.), защищавшими подступы к Искеру. Эти укрепления, составлявшие одно целое, находились в вершине треугольника, который сторонами своими (Тобол с Турой и Иртыш с Омью) очерчивал основную часть царства Кучума. От этой вершины татарские владения тянулись к северу узкой полосой по обоим сторонам Иртыша, прорезая землю, населенную хантами и маньсями⁴.

В последний раз Искер (Сибирь) видел в своих стенах Кучума, когда он в 1581 г. после боя у Чувашского

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, 1937, стр. 195.

² «В Ремезовской летописи этот город называется Кашлык, но это название, как я слышал, не употребляется ни у одного народа». Миллер, там же — «Слово Искер слито из двух татарских слов: «иски» — древний и «ер» — земля, т. е. искер по-русски может быть передан словом «городище», место, где когда-то был город». В. Пигнатти «Искер (Кучумово городище)». Ежегодник Tobольск. губернии, музея, вып. XXV, 1915, стр. 2. Если толкование автора верно, то можно допустить, что слово «Искер» прилагалось тобольскими татарами к развалинам города после его запустения. У русских он получил название «Кучумово городище».

³ Пигнатти В. Искер (Кучумово городище). Ежегодник Tobольского губернии, музея, вып. XXV, 1915, стр. 2.

⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, 1937, стр. 477.

мыса с Ермаком и его казаками, в котором потерпел поражение, бежал туда со всеми своими приближенными. «И прибеже окаинный во град Сибирь и взя себе мало нечто от сокровищ своих, и вдашася невозвратному бегству, а град Сибирь оставиша пуста»¹.

Взятие Искера (Сибири) предредило судьбу Западной Сибири, оно отдало ее во власть Московского царя. В этом заключалось историческое значение этого городка на высоком берегу Иртыша, ставшего одним из главных памятников покорения Сибири.

Что же представлял собою татарский Искер (Сибирь)? Посетивший его развалины историк Сибири Г. Ф. Миллер описывает их следующими словами: «Высокий восточный берег реки Иртыша имеет там большую, чем обычно, высоту. Как это вообще бывает в тех местах, где река, протекая, подмывает берег, так и здесь часть горы обвалилась, и потому берег подымается здесь со стороны реки почти перпендикулярно. Наверху реки, если смотреть по течению реки, имеется буерак, по которому течет небольшая речка, которая по имени города носит по-русски название Сибирки... (Это место — Р. К.) представляет небольшую круглую гору, которая по уступам была укреплена тройным валом и расположенными между ними рвами, причем один вал был выше другого... Внутреннее пространство имеет, приблизительно, 50 сажень в диаметре. Из этого можно заключить, что, кроме хана, его семьи и людей, там могли жить только немногие знатные татары, если не предполагать, что это место в то время было значительно больше... От домов или постоянных жилищ не осталось там никаких следов, кроме некоторой неровности почвы в разных местах, почему и можно заключить, что здесь когда-то стояли жилища. Если это так, то они были сделаны из дерева, на манер татарских построек в Сибири, или, по бухарскому обыкновению, построены из необожженных кирпичей, так как от них не осталось никаких следов. В некоторых местах сохранились ямы, которые могли служить погребями»².

Со времени Г. Ф. Миллера никто детально не описывал Искер, за исключением уже цитированного автора,

В. Пигнатти, производившего в 1915 году раскопки. В своей статье, посвященной древней столице Сибирского ханства, автор высказывает свои предположения о плане города. Площадка, на которой находилась крепость, представляет собой треугольник, ограниченный с одной стороны искусственным рвом, с другой, — р. Иртышем, с третьей — оврагом речки Сибирки. Ров с совершенно отвесным со стороны крепости скатом делал ее неприступной. Но площадь крепости была мала, поэтому нельзя допустить, что здесь находился город и могло жить значительное количество людей. «Вернее, что здесь жил властитель, его приближенные, прислуга и стража, здесь же во время вражеских нападений собирались войска»¹.

Строения были сооружены из хвойного леса, имели печи или чувалы, сложенные из кирпичей. Остатки слюды, найденные в раскопках, указывают на то, что постройки имели окна. На площадке бывшей крепости находились мастерские, которые могли обслуживать крепость во время осады. Вблизи крепости, по ту сторону рва, вероятно, и был расположен город в истинном значении слова. На основании своих раскопок В. Пигнатти приходит к выводу, что Искер (Сибирь) не был лишь военной крепостью, что он включал и непосредственно прилегающее к нему поселение, что это был город, в котором была развита торговая жизнь. На существование некоторых видов промышленности указывают такие предметы, как шилья, долота, топоры, формы для литья металла, искусные поделки из железа, куски металлических сплавов.

Когда дружинники Ермака заняли Искер (Сибирь), они «богатство же от золота и серебра и новолоки златых и камене драгоценное и драгие куны и соболи и бобры и лисьи драгоценные велмы множество взяша и по себе разделиша» (Строгановская летопись). Ремезовская летопись дополняет этот рассказ о разграблении казаками столицы Кучума: «егда... внидоша во град в Сибирь и видов оставшаго имения и богатства множество и хлеба... глаголаша с нами Бог»².

¹ Пигнатти В. Искер (Кучумово городище). Ежегодник Тобольского губернского музея, вып. XXV, 1915, стр. 16.

² Цитировано по Пигнатти В., там же, стр. 18.

¹ Сибирские летописи. Изд. Археологической комиссии. СПб., 1907.
² Миллер Г. Ф. История Сибири. т. I. 1937, стр. 232—233. То же повторяет и И. Фишер в своей «Сибирской Истории», стр. 131—132.

* *

После того как выяснен характер хантыйских, маньчжурских и татарских городов, можно прийти к тому выводу, что русские города явились совершенно новыми социальными образованиями на территории Западной Сибири, начавшими непрерывный исторический процесс трансформации, в котором изменялись в тесном взаимодействии их внешняя форма и внутреннее экономическое содержание. Однако строители этих городов — служилые люди Московского государства — при выборе мест для своих укреплений очень часто сооружали их на местах старых городищ, которые своими топографическими условиями в наибольшей степени соответствовали потребностям новых строителей. В этом — и только в этом — можно усмотреть историческую связь между туземными и русскими городами. Теперь мы можем вернуться к выяснению поставленного выше вопроса: чем были русские города в период первоначального освоения Сибири?

Под натиском завоевателей Сибирское царство распалось, и открылся путь в долину р. Иртыша. Но для того чтобы закрепить в своих руках завоеванную страну и держать в подчинении ее население, необходимо было водворить русское население в специально устроенных укрепленных поселениях. Распылению сил туземного населения необходимо было противопоставить сосредоточение сил в укрепленных пунктах, и в этом было найдено реальное решение вставшей с первого дня перед завоевателями задачи: обладая небольшим количеством вооруженных людей, покорить и подчинить в короткий срок разбросанное по огромному пространству коренное промысловое население. Централизация правительственных агентов в городах давала им огромное преимущество, не говоря уже о том чисто военном превосходстве, которое имели над своими противниками вооруженные силы Московского правительства.

Города помогали русскому населению укрепиться в завоеванной местности и вслед затем разбросать широко вокруг себя поселки, деревни, починки и займки, которые, подобно разветвленным корням дерева, должны были упрочить положение города.

В том и заключалось своеобразие размещения первых городов Западной Сибири, что они были первыми рас-

садниками русского населения. С течением времени каждый город превращался в центр известной группы русских поселений, которые были связаны с ним, как со своим источником. Таким образом города, возникшие в конце XVI и в течение XVII в., служили вехами, указывающими на области предстоящего русского расселения и русской оседлости.

* *

Географическое размещение первых русских городов Западной Сибири сложилось под влиянием факторов, различных по своему характеру и по степени своего влияния. Ни один из них в отдельности, но только в совокупности они проливают свет на закономерности размещения первых сибирских городов.

Движение русских за Урал шло из северных областей Московского государства (Поморье и др.).

До середины XVI в. кратчайший путь из Московской Руси в Сибирь через Среднее Приуралье был закрыт сперва Булгарским ханством, а затем возникшим на его развалинах Казанским.

В XVI—XVII вв. главная дорога за Урал шла через город Устюг Великий по рекам Югу и Лузе через Лальский городок на Каме в Пермскую землю, в Кайгород, Соликамск и Чердынь. Устюг лежал в узле двух особенно оживленных в исходе XVI в. путей, шедших из центра страны в ее единственный порт (Архангельск) и в ее новую провинцию (Сибирь); он служил складочным местом для товаров, идущих в Сибирь и из Сибири¹.

В последнюю четверть XVI и в начале XVII в. в Сибирь по этому пути, в новоустроенные чисто военные города, посылались в большом числе чиновники и ратные люди; вербовалось и передвигалось население, отправлялись всякого рода запасы и оружие². В областях, через которые пролегал этот путь, шел «прибор» людей на службу в Сибирь, и наряду с вербовкой охотников производилось и принудительное переселение в Сибирь.

Сибирь оказалась тем резервуаром, куда вливалось население северных областей Московского государства,

¹ Платонов С. Ф. Очерк по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., изд. 2-е, 1901, стр. 11.

² Там же, стр. 14.

вовлеченное в поток напряженного движения на Восток, причем решающая роль принадлежала выходцам из поморских городов: Устюга Великого, Сольвычегодска, Каргополя, Холмогор и др.

«Сибирь обыскана, добыта, населена, обстроена, образована все устюжанами и их собратией... Устюжане дали нам земледельцев, ямщиков посадских, соорудили нам храмы и колокольни, завели ярмарки, установили праздник Устюжских чудотворцев»¹.

Об этом значительном движении населения преимущественно из поморских городов по северным путям говорят многочисленные дела по жалобам поморских воевод о том, что в результате этого движения в поморских городах «учинилась великая пустота».

Несмотря на принимаемые меры против побегов поморских крестьян и посадских людей в Сибирь, население Поморья, Вятского и Пермского краев продолжало по-прежнему свою гигантскую работу заселения Сибири, двигаясь по проложенным путям, пересекавшим Урал между 57 и 63 параллелями и приводившим их в нижнее течение рр. Тобола и Иртыша. Этими дорогами служили все реки обоих склонов Урала, сближавшиеся между собой своими истоками.

Сюда, в эти северные области Западной Сибири, русских приводила основная цель, которую преследовала в первую очередь колонизация — *подчинение московской власти сибирских народностей и получение с них ясака в виде ценной пушнины*.

Совершенно естественно, что эта цель заставляла первых колонизаторов интересоваться только теми географическими районами, которые обладали необходимыми ресурсами пушнины (соболя, горностая и др.) и должны были заступить место областей, лежащих к западу от Урала с их начавшими иссякать пушными богатствами. Этими ресурсами обладали в сказочном изобилии таежные полосы и в более ограниченной степени полосы тундры. До тех пор, пока завоевателей продолжала притягивать в Сибирь пушнина, у них не было основания стремиться на юг в степную часть Западной Сибири, где к тому же им противостоял более многочисленный, органи-

зованный и хорошо вооруженный противник в лице ко-чующих казахов орд.

Эти экономические и отчасти военные соображения и привели, повидимому, к тому, что русская колонизация и порожденные ею города в первоначальный период колонизации не вышли за южные пределы таежной зоны, и там, где кончалась лесная полоса, обрывалась волна колонизации.

Важное значение имели гидрографические условия Западной Сибири, так как *направление русской колонизации было тесно связано с направлением рек*.

Перейдя «Камень», русские следовали на своих утлых суденышках и плотах по рекам, и только на междуречных волоках приходилось им прорубать себе пути в девственных лесах.

Достаточно уже беглого взгляда на карту Сибири, чтобы убедиться в наличии исключительно выгодных гидрографических условий. Обь — Иртышский бассейн, один из трех великих речных бассейнов, перерезывающих с юга на север Сибирь, пересекает всю территорию Западной Сибири, начинаясь на его юго-восточной окраине, в горах Алтая, и завершая свое течение на северо-западной окраине у побережья Карского моря.

В центральной части этой территории реки Обь и Иртыш образуют гигантскую дугу, которая в полосе, заключенной между 55 и 60° с. ш., своими левыми притоками (реки Тура, Тавда) на западе вступает в связь с левыми же притоками Камы, а на востоке своими правыми притоками (реки Кеть, Чулым) с бассейном Енисея. Придерживаясь направления рек Иртыша и Оби, русская колонизация неуклонно распространялась вверх и вниз по их течению, сопровождая свое движение в глубь материка основанием новых городов и острогов.

Движение русских за Урал из северных областей Московского государства, стремление подчинить сибирские народности, жившие в таежной полосе, гидрографические условия Обь—Иртышского бассейна — все эти факторы в совокупности обусловили пределы той территории Западной Сибири, которую стремились захватить и закрепить за собой пришельцы. Однако эти факторы не могут объяснить выбора строителями городов тех именно точек, в которых они были построены и продолжали затем развиваться. Для того чтобы получить ответ на

¹ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири, 1889, ч. I, стр. 79.

этот вопрос, необходимо обратиться к некоторым другим условиям, которые, как указывают несомненные факты, принимались во внимание первоначальными строителями.

Среди условий, определивших географическое размещение городов, немаловажное значение имел *характер расселения коренного населения Западной Сибири*. Значение этого фактора становится вполне понятным, если вспомнить, что русских завоевателей привлекало сюда не сам по себе земельный простор Сибири, а добываемая его населением в лесах и тундрах пушнина. Местное население принадлежало в основном к трем этническим группам: тюрко-татарской, ханты-маньсийской и ненецкой.

Тюрко-татары заселяли южную часть таежной полосы и лесостепь по рекам Туре, Тоболу, Иртышу. В предгорьях Алтая и в долинах горной Алтая-Кузнецкой страны проживали родственные татарам тюркоязычные племена: шорцы, телеуты и др.

В северной части тайги, начиная от Уральских гор до Енисея, на огромном пространстве были разбросаны редкие стойбища хантов — по среднему и нижнему течению Оби и ее правым притокам, маньсеев — на Урале, между бассейном Камы и Печоры и по левым притокам Оби и Иртыша.

На севере в лесотундре и в тундре Ямала и Гыдана, как и в настоящее время, кочевали ненцы-юракы со своими оленьими стадами.

Все эти народности насчитывали в общей сложности незначительное население, к тому же оно сильно уменьшилось в результате продолжительных военных действий в период истребительного завоевания русскими Сибирского царства. «Несомненные исторические данные ясно говорят нам, что хотя русские начали основывать свои поселения за Уральским хребтом не в совершенно безлюдной стране, уже давно обитаемой племенами разного происхождения, тем не менее количество местного населения было слишком ничтожно, сравнительно с обширностью занимаемой им территории — это одинаково верно в отношении всего пространства, так и каждого уезда в отдельности»¹.

¹ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее засельников, 1889, стр. 14.

По вычислениям П. Н. Буцинского, в начале XVII в. количество ясачных людей в семи уездах¹ не превышало 3 000 человек. В это число не входили женщины, дети, старики и увечные. Все это небольшое по численности население жило вразброд и было рассеяно небольшими кучками, группировалось гнездами на небольших сравнительно площадях, между которыми простирались громадные безлюдные пространства. Такой характер расселения был обусловлен теми промыслами, которыми занималось население. Охота, рыболовство и оленеводство нуждались в больших промысловых территориях.

В поисках за ясачным населением и русские завоеватели разбрелись по огромному пространству, стремясь обосноваться в центре отдельных групп местного населения. Основанные ими городки и остроги закрепляли за ними всю ту группу местного населения, с которого собиралась дань. Они ставились с таким расчетом, чтобы поселки и стойбища коренного населения находились в пяти, двух, в одном «днице» от города, а днице пути заключало в себе 20—25 верст². В некоторых случаях местами построения русских городов и острогов служили юрты или укрепления местных князей. К их числу относятся, например, города: Тюмень, Туринск, Тобольск.

Но при устройстве первых опорных пунктов, острогов, принимались в расчет и другие соображения, связанные с *топографическими условиями выбранного места для постройки города*. Эти условия должны были обеспечить выгодное географическое и топографическое положение как для обороны, так и для наступления: «чтобы ясачные волости не отдавали», «чтобы место было не только «угоже» и крепко и рыбно», но и «пашенно, хотя не от велика», а «где стоять городу, то место высоко, вода не подмывает, а место от реки, и обе стороны не отмывает». Острог всегда ставился в удобном стратегическом пункте, при слиянии двух рек — какой-нибудь большой и ее маленького притока³.

¹ Верхотурском, Туринском, Тюменском, Пелымском, Березовском, Тобольском, Тарском.

² Забелин И. История русской жизни, т. I, 1876, стр. 567—568.

³ Головачев П. М. Очерк заселения Сибири в XVI—XVII ст., СПб., 1906, стр. 27. Каким требованиям должна была отвечать

Острог старались расположить так, чтобы одна сторона его стены, а иногда и несколько примыкали к реке, оврагу или болоту, дававшим городу естественную защиту. В большинстве случаев первоначальные города оказались на высоких крутоярах и буграх, укрепленных самой природой. Не забывали при этом, чтобы в новом поселении были места для пашни и сенокоса.

Исходя из этих соображений, первоначальные сибирские города основывали на местах старых городов, особенно если последние сохраняли остатки искусственных укреплений в виде рвов, насыпей и т. д. К числу этих городов относятся, кроме Тюмени и Тобольска, Верхотурье, Сургут, Березов. Считая города прежде всего пунктами обороны — при нападении отрядов Кучума и его наследников или при возмущении покоренных племен, — строители руководствовались практическими соображениями о том, чтобы город представлял возможные удобства в стратегическом отношении, остальные же условия будущего благосостояния и благоустройства жителей считали второстепенными.

Кроме того, постройку города приходилось выполнять сравнительно небольшому отряду, состоявшему первоначально из людей ратных, а не наемных. Большое число присылаемых ратных людей было занято военными операциями, и фактически на строительные работы выделялось совсем малое количество людей. Позднее эти силы постоянно освежались и увеличивались дополнительными отрядами и привлечением к строительству местных ясачных татар и хантов. Первоначально приходилось обходиться небольшими силами, притом вся обстановка покорения и подавления местного населения

местность, где предполагалось построить острог — это видно из переписки в связи с намерением построить острог у Ямышевского соленого озера в 1626 г. Местность эта должна была иметь почву, пригодные для пахоты, сennie покосы, близкий лес и рыбные ловли. После ознакомления с местностью головы казаков Грозы и сына боярского Черкасова, которые не только собрали нужные сведения, составили описание и «чертеж», но и привезли образцы почвы, было решено острог не ставить, так как «пашенных мест нет и пашни завести и хлеба на служилых и на жилищных тутошних людей напашать негде, и всяких угольев мало, и лесу хороющего нет, и с калмыцкими людьми торгу чаять небольшого, и в том остроге прибыли чаять мало» («Русская историческая библиотека» т. VIII, стр. 343).

требовала скорейшего окончания работ. Вот почему строители производили свои работы наскоро, как попало, второпях. Этим объясняется, что уже через несколько лет в ряде возведенных городов приходилось повторять работы чуть ли не заново. Не прошло и четырех лет со времени основания города Пельма, как воевода уже доносил, что башни в остроге все развалились, а ров засыпался. Через десять лет со времени основания города Тюмени пришлось выдать жалованье тюменским жителям «за городовое строение». Неудивительно, что первые города, строившиеся «без расколки домов, без линий, без всякого понятия о градском зодчестве» (П. А. Словоцков), состояли из «лачужек, землянок и изб»¹, а их улицы «были затоплены грязью, завалены навозом и падалью»².

«Город рубили всей ратью по раскладке, назначая бревен по пять на человека. Местных жителей тоже заставляли рубить бревна по 15 или по 10. После рубки и подвозки их отправляли скорее по домам. К строительству города не допускали чужих, из боязни, чтобы не сметили, сколько всего пришло к ним ратных людей»³.

Следовательно характер расселения местного коренного населения и цель, ради которой явились сюда русские, обусловили редкость и разбросанность русских поселений. Являясь в первый период единственными пунктами русской оседлости, города и остроги оказались редкими островками, разбросанными среди дремучих лесов и малопроходимых болот, опоясанными редкими стойбищами и поселками коренного населения и огромными безлюдными пространствами.

* *

Начало основания русских городов в Западной Сибири относится к тому времени, когда, после периода реконсцировки, в течение которого местные «городки» только брались с боя, а острожки не закладывались, и

¹ Небольсин П. Покорение Сибири, СПб., 1849, стр. 111—

² Шашков С. С. Очерки нравов старинной Сибири. «Отечественные Записки», 1867, X, стр. 697.

³ Забелин И. История русской жизни, т. I, 1876.

после первых неудач, московскому правительству пришлось на основании полученного опыта применить методы закрепления за собою завоеванной территории. Стало очевидно, что положительный результат может дать только планомерное покорение обширной территории путем закрепления важнейших коммуникаций, ведущих в Сибирь.

В последней четверти XVI в. путь в Сибирь шел по р. Туре, поэтому, с целью закрепить его, правительством было приказано в 1586 г. воеводам Мясному и Сукину, имевшим под своим начальством отряд стрельцов, построить на этой реке, на развалинах старого татарского городка Чимги-тура, первый русский город в Сибири, названный Тюменью¹. Через татарский Чимги-тура шел по реке Туре древний, еще со времени Булгарского царства караванный путь из Казани за Урал, связывавший татарское Поволжье с центрами Средней Азии через Казахские степи.

Нельзя поэтому считать случайным совпадением то, что год основания Тюмени был вместе с тем и годом основания города Уфы (1586 г.), постройка которого «на дороге» мотивировалась тем, что из этого города «казанским людям многим ходить в Бухары, башкиры, тюменские и уфимские татары; им пользовались зауральские кочевники для набегов на пограничные русские области; впоследствии этим путем в экстренных случаях посылались государевы гонцы»².

Имея большое значение как русское поселение, закрепляющее этот важный путь, Тюмень, построенная

¹ Первым русским поселением, первым «городком» на территории Западной Сибири был построенный Мансуровым в 1585 г. «Городок Обский большой» на правом берегу р. Оби, при впадении в нее Иртыша, (Головачев П. М. Очерки заселения Сибири в XVI—XVII ст. СПб., 1906, стр. 10). Этот городок просуществовал девять лет и был разрушен в 1594 г. В нем не было постоянного населения, а жили «годовальщики», присланные из Тобольска для удержания в повиновении обских хантов и сбора с них ясака. Просуществовав короткое время, он послужил исходным пунктом для продвижения русских вверх по р. Оби.

² Бахрушин С. В. Очерки по колонизации Сибири в XVI и XVII вв., 1928, стр. 107.

³ Титов А. Сибирь в XVII в. «Сборник старинных русских статей о Сибири», 1890, стр. 14 и 44.

близ места старого татарского городка Чимги, оказалась в центре заселенной татарами местности, простиравшейся по рекам Туре, Исети, Тоболу.

Для основания города Тюмени было выбрано место на правом высоком берегу Туры, в местности, покрытой плодородной пахотной почвой. Природными укреплениями служили высокие обрывистые берега реки Туры и ее притока, Тюменки, между которыми расположился город, и глубокие, труднопроходимые овраги (буераки), которыми изрезан правый берег. Берега и буераки создавали природные укрепления с трех сторон, оставалось укреплять тыном четвертую сторону, расположенную вниз по течению реки Туры.

Местное татарское население жило оседло в своих юртах, занималось земледелием и скотоводством. Воеводы нового города прежде всего занялись покорением татар, принуждая их к уплате ясака¹.

Основание Тюмени на недалеком расстоянии от столицы сибирских ханов определило следующий шаг: дождавшись новых служилых людей, которые прибыли в 1587 г., письменный голова Данила Чулков, по предписанию из Москвы, отправился с этими людьми на Иртыш и заложил вблизи центра Сибирского ханства Кашлык (Искер) русский город: первоначально был основан небольшой острог на правом берегу Иртыша напротив устья р. Тобола, состоявший из деревянного укрепления и нескольких построек для служилых людей. Именно Тобольску, благодаря его географическому положению, суждено было стать местом пребывания главных воевод и позже губернаторов всей Сибири.

Город Тобольск оказался в центре «Сибирского юрта». Вначале ему отводилась исключительно стратегическая роль — следить за действиями татар и принимать против них соответствующие меры. Но благодаря своей близости к городу Тюмени, который защищал его тыл и коммуникации с западом, Тобольск стал новым опорным пунктом для продвижения по Иртышу, превратившись в исходный пункт наступательного движения по этой важнейшей водной магистрали, открывавшей пути на север и на юг. Путь через «Камень» в Сибирь шел через Чердынь, вверх

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, 1937, стр. 274.

по р. Вишере, откуда через водораздел к р. Лозье, впадавшей в Тавду, и далее по Тавде до Тобола и Иртыша.

В целях закрепления этого пути было решено построить город на р. Лозье в том месте, где она становится судоходной. Построенный в 1590 г. Лозьвинский городок и служил связью между бассейнами Камы и Иртыша. Здесь предполагали строить суда для служилых людей, продовольственных и боевых припасов, которые по окончании ледохода можно было отправлять дальше по воде.

Новый городок на Лозье должен был также служить опорным пунктом, обеспечивающим более исправное и правильное получение ясака с живущих в тех местах маньсеев и покорение других маньсеев, живущих поблизости. Действительно, из Лозьвинского городка было начато покорение маньсийского княжества Пелыма на р. Тавде, которое со своим многолюдным и воинственным населением служило долгое время серьезной преградой русской колонизации¹. Чтобы удобнее покорить и держать в повиновении пелымских и верхне-кондинских маньсеев, московское правительство сочло необходимым построить при р. Тавде новый русский город. Воеводы Горчаков и Никифор Тарханиотов, которым был дан этот наказ, спустились в 1593 г. из Лозьвинского городка по р. Тавде вниз, решили остановиться около устья р. Пелым и заложить городок, который называли Пелымом, по имени этой реки. Вскоре после построения этого городка к нему были приписаны все маньсийские волости по рр. Тавде и Пелыму, Сосьве и верхней Лозье, которые до того платили ясак отдаленному Тобольску.

Для сбора ясака с населения, обитавшего в низовьях Оби, в том же 1593 г. тем же воеводою Никифором Тарханиотовым в силу данного ему наказа был построен новый русский городок Березов.

Г. Ф. Миллер пишет, что под этим названием «подразумевается тот остяцкий или вогульский городок, на месте которого построен впоследствии город Березов. Высокый Пудовольный мыс находится в нескольких верстах выше города по реке Сосьве; на нем-то и стоял этот ста-

рый городок. На этом мысе видны остатки двух различных городков, но не известно, были ли они обитаемы в одно и то же время или один после другого. Остатки называли их Сугмут-ваш, вогулы — Халь-уш, что дало повод для образования русского названия, так как по-остяцки сугмут, и по-вогульски хал означает березу»¹.

Город был заложен на левом возвышенном берегу р. Сосьвы в 20 верстах от ее впадения в Обь. Река Сосьва в своей нижней части течет почти параллельно с Обью, вследствие чего низкие места, расположенные между обеими реками, ежегодно заливаются при половодье. Только северный возвышенный берег Сосьвы, не подвергающийся наводнениям, был избран поэтому для постройки города. Водное сообщение города с р. Обью поддерживалось по одному из протоков, которые прорезывают низкие места.

Город Березов был построен в центре маньсийских и хантыйских волостей. Река Сосьва до самых истоков была заселена маньсями; на р. Казыме, впадающей в Обь против Березова, проживало много хантов. Это давало возможность держать в повиновении обских хантов, югорских маньсеев и хантов, уже плативших ясак, наложить ясак на ненцев, кочевавших в разных местах в низовьях р. Оби, и, наконец, следить за торговлей, которую вели торговые люди, пробиравшиеся сюда из-за Урала для торговли с жителями приобского Севера².

В низовьях Оби ненцы только недавно были обложены ясаком. На р. Полуде, в шести верстах от его впадения в р. Обь, построен был в 1595 г. острожек Обдорск. У русских город носил название Носового городка. Цель его постройки заключалась в том, чтобы собирать ясак с ненцев и хантов, которые в известное время приходили в этот городок для сдачи своего ясака казакам, присылаемым из Березова. Эти же служилые люди должны были собирать и десятинную пошлину с торговых и промышленных людей, которые пробирались древним путем через «Камень» с Печоры в Сибирь для обмена своих товаров на мягкую рухлядь.

Одновременно с Пелымом и Березовом, построенными в целях покорения маньсийских и хантыйских племен,

¹ Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., Л. 1935, стр. 155.

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, М., 1937, стр. 270.

² Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников, 1889, стр. 173.

в низовьях Оби шло продвижение русских от Обского городка, находившегося при впадении Иртыша в Обь. Вверх по Оби сборщики ясака столкнулись с нарымскими хантами, составлявшими так называемую Пегую (пеструю) орду. Управиться со стоявшим во главе Орды князем Воней, имевшим до 400 человек войска, из отдаленного Обского городка было невозможно, поэтому правительство Федора Ивановича распорядилось уничтожить городок и вместо него построить новый поближе к Пегой орде. Воеводам был дан наказ «ставить город в Сургуте». По словам П. Н. Буцинского¹, Сургутом называлась целая область. Город Сургут был основан в 1594 г. на том месте, где стоял небольшой городок хантыйского «князца», на правом берегу р. Оби при впадении речки, которая после основания городка стала называться Сургуткой.

Николай Спафарий, посланный русским правительством в Китай и проезжавший в 1675 г. через Сургут, указывает, что город этот построен «прежде всех иных городов сибирских, для того что многие остяки живут в Сургуцком уезде болши дву тысяч и для ради покорения их и собрания ясака от них». Далее он приводит дополнительные сведения о расселении хантов в районе Сургута. «Около Сургута по рекам волости остяцкие: на реке Югане 3 волости, в Балыке реке волость, в Пиму реке волость, в Травьюгане реке волость же и всего около Сургута в стороне 11 волостей, а в волости остяков бывает по 40, и по 50, и по 60, и по 70, и по 80 человек, а больше не живет»².

Город представлял собой небольшое укрепление с воротами и башнями. В первый период своего существования Сургут был рассадником служилых людей, которые, по словам Н. Спафария, посылались «во все Сибирские города: в Томской, в Енисейской и во иные, потому что множество было в Сургуте служилых людей». Отсюда они делали набеги от Ледовитого океана на севере до р. Кеть на юге. Это свое военное значение Сургут сохранил еще и в первой половине XVII в.

В то время как русское продвижение успешно разви-

валось на севере, не встречая серьезного сопротивления со стороны разрозненных и немногочисленных племен, на юге русской оседлости шла напряженная борьба с Кучумом, который, удалившись со своими сторонниками вверх по Иртышу, продолжал производить набеги на отдаленные ясачные волости, подчиненные Тобольску. Наиболее отдаленная Ялынская волость, с которой брали ясак, отстояла от Тобольска в 15 днях пути. Из Тобольска трудно было оказывать защиту отдаленным татарским волостям, которые должны были платить двойной ясак, т. е. московскому царю и Кучуму.

Непрерывная борьба с последним принуждала завоевателей подвигаться вверх по р. Иртышу и в конце концов заставила принять решение о постройке нового русского города на Иртыше — Тары, в центре самой людной татарской волости.

О возникновении Тары И. Фишер в «Сибирской истории» пишет, что в Тобольске «собралось великое множество всяких людей, татар, полоненных поляков, литвинов, черкасов и казаков, которые вместе с московскими стрельцами 1500 человек составляли... Пришел на назначенное место, нашли они, что места около реки Тары низки и к разведению пашен не удобны, ниже от наводнений довольно безопасны. Чего ради выбрали они речку Агарку, которая далее к низу, в 40 верстах от устья реки Тары, с западной стороны в Иртыш впадает. Устье этой речки хотя и на низких луговых местах, но едва с версту от берега реки Иртыша весьма возвышается земля; и так избрано сие место, и строение нового города в 7102 (1594) году счастливо окончено»¹.

Главная цель постройки города состояла в том, чтобы, как писалось в наказе, «Кучума царя потеснить» и «соль устроить» (соль Ямышева озера). К городу Таре были приписаны и платили дань все «верхние» татарские волости по р. Иртышу и те улусы к востоку от Иртыша в Барабе, которые были присоединены в результате походов, предпринятых из города Тары.

Одновременно с тем, как на Иртыше власть московского правительства распространялась на новые татарские юрты плательщиков ясака, тот же процесс происходил и вверх по р. Оби, в местности к востоку от Сургута.

¹ Буцинский П. Н. К истории Сибири, 1893, стр. 3.

² Путешествие через Сибирь из Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. СПб., 1882.

¹ Фишер И., Сибирская история, 1774 г., стр. 179—180.

Здесь, по словам Н. Спафария, «остяков много и звериного промыслу много ж, наипаче горностая, которые в Сибирском государстве нигде таких добрых и великих не рождаются, кроме березовских и нарымских». Так как новые земли лежали вдали от Сургута и отсюда не было возможности держать население этих земель в полном подчинении, пришлось построить в 1598 г. новый городок Нарым (Нарым, по-хантыйски — болотистая местность). После нескольких переносов с одного места на другое Нарымский острожек обосновался на р. Оби при болотистом устье р. Кеть. Нарымские служилые люди, подвигаясь по р. Кеть вверх, скоро обложили ясаком жившее в этой местности хантыйское население. И здесь, с целью держать в повиновении хантыйские кочевья, был построен в 1602 г. Кетский острог или городок Кетск. Далее между Кетью и Енисеем шел значительный волок. Поэтому повыше Кетска на р. Кеть позднее был построен Маковский острог (1618 г.).

Маковский острог по своему положению оказался близко к волоку, ведшему из бассейна Оби в бассейн Енисея. Н. Спафарий своим острым зрением путешественника отметил в этом месте две любопытные особенности. Острог сам по себе небольшой («дворов с 20»), но «дошанников и каюков зело множество, разбитых и целых, потому что здесь пристанище великое государевым людям. А с полверсты от острогу есть слобода торговых людей, и тут анбаров множество построено для ради того, что торговые товары свои тут кладут и после того ходят через волок». Дорога через волок «зело грязна», но построено множество мостов. Зато, пройдя через волок и приближаясь к Енисейску, путешественник попадал в местность, где Н. Спафарий с восхищением отмечал «множество деревень... и места еланые зело хорошие и хлебобродные».

Между 1606 и 1610 гг. Кетский острог был перенесен ближе к устью р. Кеть, чем облегчалась доставка в острог хлебных и других припасов. В остроге жил караул, состоявший из 20 годовальщиков, присылаемых из Сургута, других жителей в нем не было. «А жилых торговых людей,— читаем мы в именных списках,— за все годы... нет ни одного человека»¹.

¹ Буцынский П. Н. К истории Сибири, 1893, стр. 26,

В амбарах внутри острога хранились порох, свинец, хлеб и др. В этот же период происходит важная перемена в путях, ведущих из Московской Руси, повлекшая за собой некоторые перемены в размещении городов.

Московское правительство для своих сношений с Сибирью пользовалось дорогой, идущей мимо Чердыни, затем р. Вишерой и ее притоками на р. Лозьву и р. Тавду. Эта трудная и далекая в 2 000 верст дорога приводила к Лозьвинскому городку и в Тобольск. В 1597 г. соликамский посадский человек Артемий Бабинов «проведал» более близкую и удобную дорогу в Сибирь от Соликамска. Эта новая дорога всего только в 500 верст шла от Соликамска через верховья р. Яйвы и некоторых других рек на р. Косву, по северному берегу этой реки и по притоку ее Кырье. Затем, перевалив через Урал, дорога выходила на р. Павду, впадавшую в р. Лялю, пересекала последнюю и тянулась по речке Мостовой, относящейся уже к системе р. Туры. При новом направлении дороги, важнейшим пунктом в бассейне верхней Камы делался город Соликамск, а Чердынь оставалась в стороне. В Зауралье Бабиновская дорога сделала непущим Лозьвинский городок, и он был скрыт, просуществовав таким образом всего несколько лет, а жители его были переведены в Верхотурье.

Историку Г. Ф. Миллеру, посетившему эти места в 40-х годах XVIII в., маньси, живущие при р. Лозьве, показывали то место, где когда-то стоял Лозьвинский городок, о котором свидетельствовали остатки бывших здесь укреплений и домов.

Одной из причин оставления городка служило не только перемещение пути на юг, но, повидимому, плохое состояние водного пути по р. Тавде.

Г. Ф. Миллер пишет: «Указывают при этом, что так как берега повсюду сильно поросли лесом, то на них нет даже узкого бечевника, отчего происходило большое промедление при ходе вверх по реке, так как почти везде при этом суда приходилось тянуть бечевой или итти завозом, что сильно задерживало движение и делало путь по Тавде очень трудным. Это, очевидно, и явилось причиной, что в дальнейшем стали искать более удобных сообщений»¹.

¹ Миллер, Г. Ф. История Сибири, т. I, 1937, стр. 277.

Вместе с прокладкой нового пути явилась необходимость в основании города на р. Туре у конца этой новой дороги. На том месте, где находился в древности маньсийский городок, который пермяки называли Нером-Карра, и был построен в 1598 г. город Верхотурье.

Воевода С. Шестаков так описывает городище Нером-Карское, избранное для постройки города: «от рек от Туры по берегу крутово камени горы от воды вверх выотою сажен с 12 и болши, а сажениями не меряно, а та гора крута утес, и того места по Туре по реке по самому берегу 60 сажен болших,... место то добре крепко, никоторым и дела влести не можно». При постройке города правительство преследовало не только экономические, но и политические цели — создать в крае неприступную крепость «для береженья от калмыцких и иных орд»¹.

Подтверждением того, что городу придавалось вначале исключительно стратегическое значение, служит тот факт, что Верхотурье в первое время не имело ни посада, ни острога². Все маньси, жившие отчасти по р. Туре, к северу или к югу от нее, зависевшие от Лозьвинского городка или от далекой Чердыни, были приписаны к Верхотурию.

Большой и оживленный правительственный тракт, шедший через Верхотурье и вниз по Туре, приводил к ранее построенному городу Тюмени. Тяжесть подводной повинности по этому пути была непосильна жившим вдоль него маньсям.

В ответ на жалобу последних на «нужду и убытки и от служилых обиды великие» были приняты меры к поселению вдоль тракта ямщиков, которые обязывались ставить даром подводы, но зато получали пашенные земли, с которых не должны были платить податей.

В 1600 г. от московского правительства тюменским головой Яновым была получена грамота, которая предписывала ему между Верхотурьем и Тюменью в Епанчи-

новом юрте¹ основать ям и государеву пашню, а для защиты ямщиков и пашенных крестьян построить острог.

Главные мотивы, побудившие правительство строить новый город на р. Туре, как это видно из грамоты, заключались в постройке ямской слободы на полдороге между Верхотурьем и Тюменью, развитие здесь хлебопашества и защита среднего течения р. Туры от ногайцев, угрожавших с юга. Около того места, где находился юрт хантыйского князька Епанчи, при впадении речки Ялынки в р. Туру, был построен в 1600 г. Туринский острог, который в просторечии назывался Епанчиним.

Таким образом, в результате постройки трех городов: Верхотурья, Туринска и Тюмени р. Тура, главная коммуникация, соединявшая бассейны Иртыша и Камы, была закреплена в руках правительства и тем самым вновь завоеванный край прочно был связан с центром Московского государства. В этом заключалось основное значение этих городов в первоначальный период продвижения русских в Сибирь.

Одновременно с постройкой города Туринска на Крайнем Севере Западной Сибири сложились обстоятельства, которые привели к постройке нового города в местности на р. Таз, населенной ненцами-юраками, чем и завершилось покорение всего побережья Обской губы.

Отправным пунктом для распространения на восток сделался город Березов, откуда служилые люди начали «проведывать» места, лежащие по р. Туре и Тазу. Эти места были хорошо известны поморским промышленникам с Северной Двины и Печоры, которые в поисках соболей и для торговли часто «ходили» в эти места к жившим здесь ненцам. Приходившие сюда «вымичи, и пустозерцы, и многих государевых городов торговые люди и дань с них имали воровством на себя, а сказывали на государя, а в государеву казну не давали»². Именно это обстоятельство послужило поводом к принятию решения о постройке на р. Таз городка, который должен «ненцев («самоядь») от торговых и от всяких людей и ото всяких

¹ Описание путешествия в Сибирь, примечание М. П. Алексеева «Историч. архив», т. I, 1936.

² Трапезников В. Очерки истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения XV—XVII вв., «Изв. Архангел. общ. изуч. Русского севера», 1911, № 17, стр. 443—444.

¹ «В одном из «хронографов» в статье «О сибирском царстве» сказано «Турина остров, его же зовут Епанчино по сей ныне. В прежнее время тут жил вогульский князек, именем Епанча». Прим. Алексеева в «Сибирь в известиях западно-европейских писателей-путешественников», 1932.

² Миллер Г. Ф., История Сибири, т. I, 1937, стр. 388.

обид беречь чтоб им нужи и тесноты ни в чем ни от кого не было, и жили бы они в государеве царском жалованье в тишине и в покое, и торговали б с торговыми людьми в государеве остроге повольно»¹. Главное же заключалось в том, чтобы «им ясак по вся годы платить без ослушания». Городок был назван Мангазеей по имени одного ненецкого рода² и был он основан в 1601 г. на месте промышленного зимовья в качестве укрепленной фактории в 200 верстах от устья р. Таз между впадающими в нее речками Островкой и Ратилихой. В городке были воеводский двор, съезжая изба, таможенная изба, гостиный двор, амбары, лавки, тюрьма.

Мангазея послужила исходным пунктом для дальнейшего продвижения в глубь территории, лежащей далее на восток. Самая близкая дорога вела с р. Таз по р. Турхану к его устью и оттуда вверх и вниз по р. Енисею.

В то же время произошло новое продвижение русских от вновь построенного Нарымского острожка вверх по р. Оби. Поводом послужила челобитная главы одного из татарских родов, еуштинцев, который, добровольно отдавшись «под царскую высокую руку», бил челом о постройке города в его вотчине на р. Томь³.

В наказе строителям города, сургутскому голове Писемскому и тобольскому голове — Тыркову, точно и определенно указывались цели, ради которых строился город. Первая и главная — собирание ясака: «и как де город поставят, и те де ево ясачные будут под государево царского высокою рукою и ясак учнут платити». Вторая — построение и объясачивание народностей, живущих по соседству: «А как де в Томи город станет, и так де городков кочевные волости все будут под государево царского высокою рукою и ясак с них имати мочно». В наказе были поименованы все народности, которых следовало привести «под высокую царскую руку». Это — чап-

¹ Мяллер Г. Ф. История Сибири, т. I, 1937, стр. 398.

² Бунинский П. Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645 г.), 1893, стр. 3. Д. А. Нучин (Гор. Мангазея и Мангазейская земля, «Землеведение», 1903 г., т. IV, стр. 35—42) считал, что это название всей окрестной земли.

³ В восьмидесятых годах прошлого столетия остатки еуштинцев проживали, по сведениям Лучшева, недалеко от Томска, на левом берегу Томи в селении Юштинские юрты (см. А. Лучшев, Историч. сведения о заселении и географич. обзор Томской губ., 1886).

ские или джагатские татары, которые в то время жили где-нибудь в Барабинской степи и были под властью Кучума, а после изгнания последнего из Сибири перенесли свой улус в верховья р. Оби; енисейские киргизы, жившие по рекам Чулыму, Июсу и Абакану; телеуты или теленгуты, кочевавшие к западу от р. Оби, и др.

Город Томск был построен в 1604 г. на р. Томь в 60 верстах от места впадения ее в р. Обь. Для постройки города был избран «знатный вышины пригорок». В первое время после своего основания Томск представлял небольшой, слабо защищенный острожек, охраняемый больше своим положением на высокой и крутой горе, чем инженерными сооружениями его строителей¹.

Благодаря своему положению в узле водных путей, ведущих в Мариинскую и Кузнецкую тайгу, в лесостепную Барабу, в предгорья Алтая, Томск вскоре после постройки оказался базой для дальнейшего наступления на юг и юго-восток, для завоевания всей котловины верхнего течения р. Томи — окружающих ее гор Кузнецкого Ала-тау, Шории и Салаира.

Однако благоприятные условия положения Томска не могли быть быстро использованы для дальнейшего продвижения на юг, где предстояло столкнуться с новой и довольно сложной природой и общественной средой.

Все названные выше тюркские племена, оказавшиеся в близком соседстве от Томска, находились в большей или меньшей зависимости от могущественных Алтын-ханов, западных монголов, центр которых находился на Алтын-Норе (оз. Улса). Дальнейшему продвижению из Томска на юг в направлении верховьев Оби и Томи мешали монголы, которым все эти племена платили дань. К тому же к югу от Томска изменялся и характер местности. Река Обь и ее приток Томь собирают свои воды в Алтайском и Салаиро-Кузнецком горных массивах. Следовательно, предстояло преодолеть и природные препятствия. С другой стороны, повышенный рельеф местности к югу от Томска являлся причиной того, что тайга низменности смыкалась с горной тайгой; тайга затрудняла враждебные действия воинственных кочевников, привыкших действовать в открытой степной местности, и облег-

¹ Томск в XVIII в. Материалы для истории города со вступительной и заключительной статьями прив.-доц. П. М. Головачева и картой окрестностей Томска конца XVIII в., стр. 164.

чала продвижение русских отрядов. Последние к этому времени имели уже большой опыт военных действий по водным путям, пересекающим сибирскую тайгу, против разрозненных мелких групп, плохо вооруженных, живших среди лесов и болот.

Новая сложная обстановка, в которой должно было совершаться дальнейшее продвижение, а также слабость сил, сосредоточенных в Томске, требовали подготовки и вызвали длительный перерыв в дальнейшем продвижении. События так называемого смутного времени в центральных областях Московского государства, имевшие своим отголоском многочисленные восстания покоренных племен в Западной Сибири и борьбу с ними, сделали обстановку еще более сложной и приостановили на время распространение русской колонизации.

Продвижение на юг вверх по р. Томи имело своим непосредственным объектом небольшой народ кузнецких татар (шорцы).

Целый ряд попыток подчинить шорцев и собирать среди них ясак разбивался о стойкое сопротивление не только шорцев, но и верхненеисейских киргизов, в подчинении которых шорцы находились. Но сила огнестрельного оружия разбила сопротивление шорцев, а чтобы окончательно укрепиться в «новой ясачной землице», томские воеводы поставили здесь в 1618 г. на утесе правого берега р. Томи против устья р. Кондомы Кузнецкий острог с постоянным составом служилых людей и своим воеводой.

Датой основания города Кузнецка завершается период, самый обильный по количеству построенных русских городов в Западной Сибири, который в общей сложности занял 32 года, если считать началом его год основания Тюмени (1586 г.). В течение длительного периода город Кузнецк оставался крайним опорным пунктом Московского государства, выдвинутым на юг.

Стремлению продвинуться вверх по Иртышу к югу от города Тары не дано было осуществиться в течение всего XVII в., хотя попытки в этом направлении делались неоднократно. Еще в начале XVII в. передовым партиям казаков-землепроходцев удалось проведать о нахождении выше впадения р. Оми озер, насыщенных поваренной солью. В 1626 г. было повелено тобольским воеводам проведать, можно ли построить ост-

рожек при Ямышевском озере. Разведка убедила московское правительство, что в этой далекой степи нет условий для постоянной оседлости. Правительство указало не ставить острога, а посылать ежегодно ратных людей и суда по соль «перед прежними годы с прибавкою». Но одновременно признавалось необходимым продвинуться южнее, хотя бы до устья Оми, «для калмыцкого бережения», чтобы пресечь набеги под самую Тару и для грабежа барабинских ясачных татар¹.

Указом 1628 г. на имя тобольского воеводы велено было произвести поиски вверх по Иртышу и устью р. Оми для подтверждения полученных в Москве сведений, что «от Тарского города вверх по Иртышу на устье р. Оми острог поставить мочно, место хорошо и угроже и лесу де близко много и только де на Омском устье острог поставить, и из того де острога оберегати наши ясачные волости ясачных людей мочно и перевоз через Иртыш на Омском устье у Калмыцких людей отнять мочно и ясачным людем будет бережение великое от калмыцких людей»².

Однако напор кочевых народов с юга оказался гораздо сильнее, чем предполагали в Москве. На много лет они обосновались как здесь, так и вдоль линий озер, тянувшихся от Иртыша к р. Ишиму. Но память о том, что при устье надлежит быть русскому поселению, не заглохла.

После неудавшейся попытки прочно обосноваться в устье р. Оми в «Чертежной книге Сибири» тобольского боярского сына Семена Ремезова, появившейся через много десятков лет, прописью в том месте, где теперь стоит город Омск, написано: «край Калмыцкой степи — пристойно вновь быти городу».

Подытожим наиболее существенные выводы этой главы.

¹ Катанаяев, Г. Историческая справка, о том, как и когда основан город Омск (к 200-летию юбилею города). «Вестник Омского городского общ. управления», 1916, № 7, стр. 3.

² Калмыками тогда назывались племена ойратов (западных монголов), объединенных в Ойратско-Джунгарское государство, окончательно разгромленное Китаем в 1755—1757 гг. Это название было дано ойратам тюркскими народами. Не следует смешивать этих калмыков с ойратами (алтайцами), исконными жителями Горного Алтая, которые усвоили это название в связи с их вхождением в качестве вассалов в состав Ойратско-Джунгарского государства.

Географическое размещение первых городов, основанных русскими в Западной Сибири, было обусловлено взаимным географическим положением тех территориальных областей, которые служили местами выхода (Поморье в Европейской Руси) и местами водворения русского населения (таежная часть Западной Сибири). Распространяясь по рекам Обь—Иртышской системы, русские строили города по пути своего продвижения в местах наибольшего сгущения местного населения, облагаемого данью. В полном соответствии с назначением этих городов служить опорными пунктами покорения и подчинения сибирских народностей, военными лагерями среди враждебного населения, при выборе местности для постройки городов тщательно оценивались и взвешивались топографические условия с точки зрения возможностей защиты от нападений неприятеля (возвышения, крутые спуски, изгибы рек и т. д.).

В целом основанные в Западной Сибири города и укрепления представляли собою систему, хорошо приспособленную к осуществлению задачи расширения русской государственной территории на восток и закрепления ее за московским правительством.

II. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ РУССКИХ ГОРОДОВ В XVII В.

Город XVII в. — военный лагерь. Территориальное устройство города. Состав и численность городов. Первоначальные элементы хозяйственной жизни городов: сбор ясака, земледельческое заселение ближайшей к городу местности, появление ремесел, торговли. Пути движения грузов между городами. Хозяйственная жизнь отдельных городов.

Первые русские города, построенные в Западной Сибири в конце XVI и XVII вв., были аванпостами, военными лагерями среди покоренного населения¹. Каждый город находился всегда в состоянии боевой готовности. Например, Томск в течение XVII в. подвергался нападениям и опустошениям в 1609, 1614, 1624, 1630, 1654, 1674, 1680, 1682 и следующих годах².

Недаром царские грамоты воеводам городов предписывают всегда помнить об угрожающей опасности и быть готовым отразить ее. Царская грамота тюменскому воеводе (1636 г.) предписывала ему: «жил бы еси на Тюмени

¹ Словцов П. А. по своему обыкновению очень выразительно определил в немногих словах атрибуты первоначального сибирского города: «А где город, там правление воеводское, снаряд огнестрельный и монастырь, кроме церкви» (Словцов П. А., Историческое обозрение, Сибирь, т. I, стр. 32).

² В 1612 г. среди покоренного населения наблюдалась «шатость и смута великая». Шли слухи, что в «Московском государстве царей уже не стало», а остались «только бояре», что «руссские люди на Москве меж собой секутся». Этот момент показался наиболее удобным для восстания, так как он свидетельствовал, по их мнению, о слабости русских (см. Гневушев А., Сибирские города в смутное время, Киев, 1912).

с великим бережением, по городу и по острогу учинили караулы крепкие, и проезжие станицы с Тюмени Тюменских служилых людей, до которых мест пригоже, посылал по часту, а про Кучюмовых внучат и про калмыцких воинских людей, а про наших изменников про Тарских и про Уфинских татар велел вестей проводить накрепко, чтоб... на слободы и на наши ясачные волости безвестно не пришли и дурна над городом никакого не учинили и слобод и ясачных волостей не повоевали»¹.

Грамота тобольским воеводам (1709 г.) указывала на необходимость приведения в оборонительное положение как самого города Тобольска, так и слобод и острогов. «Потому ж и в Тобольску служилым людям быть с ружьем и запас всякой ко всякому случаю был во всякой готовности, и около города чтоб также было в крепости»².

Эти предписания воеводам жить «с великим береженьем» являются более или менее точным выражением того состояния военного положения, в котором находились города XVII в. и которые, с другой стороны, нашли свое отражение в частых жалобах служилых людей, несших тяжелую службу в городах Сибири. Так, например, томские служилые люди жалуются в 1700 г. на киргизов и телеутов за то, что они «воровски» приходят под деревни и слободы «деревни жгут, скот отгоняют и на пашнях людей убивают, и ни на какие промыслы ходить не дают и на промыслах вверх по Томи реке промысленных и ясачных людей разоряют и убивают»³.

В записке кузнецкого воеводы Дубровского томскому воеводе кн. Кольцову-Масальскому (1682 г.) мы читаем: «а, я, господине, июля с 3-го числа сию в осаде, и в остроге, и около посаду живу с великим опасением и оттого Кузнецким всяких чинов людям от караулов, и от проезжих сторож, и от многих дальних скорых посылок великая нужда и беспокойство, и по сне число на полях хлеб не жат, и в новый год не сеяно, и сена не кошены, и оттого Кузнецкие жители раззорились без остатку»⁴.

¹ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией, т. II, 1875, № 159.

² Памятники Сибирской истории XVIII в., книга 1 (1700—1713 гг.), 1882, № 84.

³ Григорьев А. И. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров. «Изв. Инст. исследований», № 6, Труды ист. и этногр., № 1, стр. 14.

⁴ Материалы для истории Сибири, вып. 2-й, 1897, стр. 16—17.

Состояние постоянной опасности, угрожавшей городам, длилось более короткое время на севере, где русским удалось сравнительно быстро и энергично покорить хантов и маньчжур, но оно затянулось на юге, юго-западе и юго-востоке, где русские города (Тюмень, Тара, Томск, Кузнецк) в течение всего XVII в. выдерживали непрерывный натиск со стороны кочевых народностей. Эти города только в первой половине XVIII в., т. е. после того как линия укреплений была вынесена далеко на юг, оказались глубоко в тылу и могли считать свое положение более или менее безопасным.

Состояние тревоги и осады всесторонне отразилось на характере заселения и на жизни городов. Оно не только задерживало заселение русскими вновь занимаемой территории, но и заставляло первых русских насельников селиться в городах или поближе к городам и острогам в надежде на защиту.

* *

*

Первоначально «городом» называлось не все городское поселение, а только внутренняя его крепость, обнесенная «городнями», т. е. двойными бревенчатыми стенами с насыпанною между бревнами землею; наружное же поселение, или «посад», обносилось через известное расстояние другим укреплением — «острогом», т. е. новой стеной, надолбами, рвами, окружавшим ту часть города, которая лежала за стенами первоначального ядра или собственно «города». Эта новая часть города «острог» был окружен стенами, которые в зависимости от местоположения окружали его с двух или трех сторон в виде подковы¹.

В городе, служившем как бы кремлем, находились военные запасы, жили воеводы, строилась первая церковь и была тюрьма для заложников (аманатов). В «остроге» или «посаде» жила часть гарнизона, «промышленные» люди, а где заводилась пашня, то и «пашенные» люди. Деревянные стены, окружавшие посад, подобно городням, имели ворота и башни во углах, были также укреплены рвами и «надолбами» (столбами из толстых бревен, поставленных тесно друг подле друга в несколько рядов).

¹ Дмитриев А. Верхнетурский край в XVII в. Сборн. «Пермская старина», стр. 39—40. Кузнецов Е. Начало русских городов. Исторический набросок. «Тоб. губ. вед.», 1893, № 10, 11, 14, 21, 26.

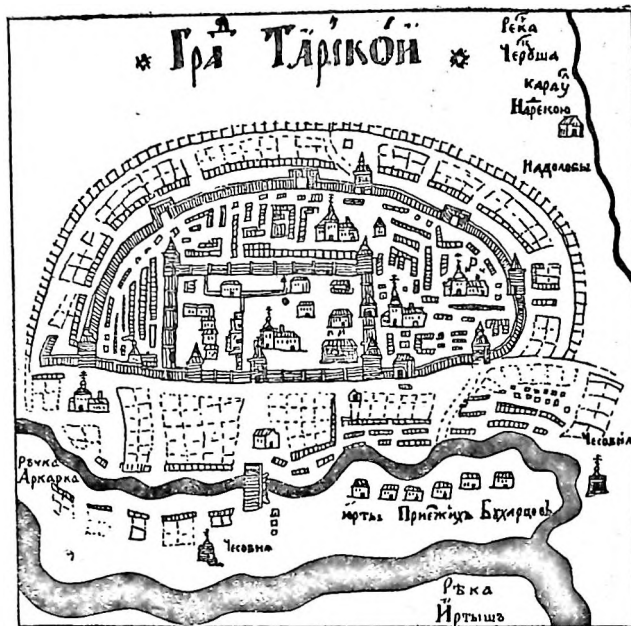

Рис. 1. Схематический план города Тары из «Чертежной книги Сибири» С. Ремезова.

Отдельные «остроги», построенные независимо от городов, представляли собою укрепления меньших размеров, с менее значительным гарнизоном. Разросшись благодаря возникшему посаду, они превращались в города (рис. 1).

Началом города Тюмени служила крепость, которая в документах того времени называлась «городом». Она была заложена при впадении речки Тюменки в реку Туру, так что одною стороною она прилегала к возвышенному берегу Туры, двумя другими к Тюменке, с четвертой — со стороны посада — шел ров в 1,5 сажени шириной. Вдоль р. Туры укрепления не было. С этой стороны город был защищен рекой и крутым яром (осыпью).

Судя по описанию, относящемуся к 1624 г.,¹ «город» был обнесен стенами с шестью глухими и двумя «проезжими» двухъярусными башнями. В «городе», кроме двух церквей, были: государева съезжая изба, избы караульные у «проезжих башен» подле ворот, десять торговых житниц, несколько амбаров, из них один амбар соляной, другой — с погребом, с торговым «питьем», третий — денежный; там же находилась окруженная тыном и врытая в землю изба, служившая тюрьмой для заложников (аманатов). Кроме воеводского и архиепископского, всего было семь дворов стрельческих и других.

«Острог» был расположен пониже города и также окружен стенами. Стены острога были опоясаны рвом и укреплены «надолбами». Одна из четырех башен на стенах острога была «проезжая» с воротами. В остроге на посаде был государев гостинный двор с лавками торговых людей и «полками» для торговли мясом и рыбой. Население Тюмени было сосредоточено преимущественно в посаде, где было около 300 дворов стрельцов, казаков, посадских и других людей.

За р. Тюменкой вверх по Туре находилась третья часть города — Ямская слобода с 26-ю дворами ямщиков, живших около своих пашен. В ближайших окрестностях за острогом расположились кузницы, стояли мельницы, находились рыбные ловли, «перевесья».

На плане «града Тоболеска» (рис. 3), составленном С. Ремезовым, отчетливо выделяются обе части города: нагорная — на возвышенном берегу и нижняя подгорная часть. «Город» и «острог» в нагорной части были окружены деревянной стеной с башнями, одна из них — Спасская с часами в северо-восточном углу.

Внутри «города» находились: приказная палата, боярский двор, пушечный амбар и погреб для «зелья», конюшни и разные служебные здания. За стенами «города», но также на горе, лежал участок, отгороженный валом и рвом с наугольными башнями. Западная сторона города поднималась над рекой крутым яром. В этой части города находились приказы конных и пеших казаков, стрельцов, гостинный двор, таможня, воеводский двор и дьячий двор.

¹ «Дозорные книги», кн. 5 в Сборнике материалов для истории города Тюмени в XVII в., 1903.

Нижняя подгорная часть пересекалась многочисленными речками: Курдюмкой, Пилигримкой и другими с перекинутыми через них мостами.

Из верхнего города в нижний спускалась пешеходная лестница, которая подходила к воде близ той части берега Иртыша, к которой приставали суда. Недалеко от этого места стояли: соляные амбары, хлебные житницы, амбары с припасами, купеческие амбары, а рядом с ними торговая баня, кабак, пивоварня и «рыбное торговалище». Здесь, в нижнем городе, сосредоточивалась экономическая жизнь города. Сюда приставали суда с солью, хлебом и другими припасами, здесь шел торг этими товарами. Параллельно берегу тянулась татарская часть города, состоящая из юрт, где останавливались караваны с товаром из Джунгарии, из Средней Азии.

В нижней подгорной части, недалеко от впадения реки Монастырской в Иртыш, стоял Знаменский монастырь с двумя церквами и монастырскими помещениями внутри ограды. Это был первый монастырь в Сибири, имевший земельные угодья и приписанных к нему крестьян, крепостным трудом которых он широко пользовался.

С. Ремезов делит улицы города на горные и подгорные, те и другие на продольные и поперечные. Продольные улицы тянутся с севера на юг. В названиях улиц запечатлелись либо фамилии служивых людей (среди других и улица Ремезова), либо названия церквей (Софиевская, Троицкая), монастыря (Знаменская), либо, наконец, топографические особенности местности (Береговая, Валовая, Еровая и др.).

На противоположном левом берегу Иртыша лежали покосы боярские, детей боярских, дьячих, подьячих, конных казаков. В отдалении от города к югу были расположены пашни татарские и татарское кладбище. На восточной окраине города стояли кирпичные сараи.

Небольшой *Томский* «город» был построен на конце мыса, которым оканчивалась Воскресенская гора (рис. 2), и обнесен стенами с тремя башнями — одной глухой и двумя «воротными»¹. В первое время после основания Томск представлял собою небольшой слабо защищенный

Рис. 2. Вид города Томска (со старинной миниатюры)

острожек. В нем находились: съезжая изба, воеводские хоромы, церкви, государевы житницы и погреба для хранения зелья и собранной пушнины. Постройки ставились фасадами внутрь города. Задние стены их составляли городское укрепление. Непосредственно к «городу» примыкал «острог». Острог был окружен стенами с несколькими башнями. Вначале город строился только на Воскресенской горе, но потом постройки появились и внизу. Во время посещения Г. Ф. Миллера он разросся до берегов р. Томи. На «чертеже» С. Ремезова от Томского «города» показаны пунктиром дороги: одна из них вела из Томска в город Кузнецк, другая через Барабу в город Тару (рис. 7).

В остальных городах мы встречаем те или иные вариации того же типа укрепленного лагеря, в котором под защитой стен, рвов и башен с пушками и пищальями жили его обитатели, всегда готовые к оборонительным и наступательным боевым действиям.

* * *

Совершенно естественно, что первоначальное население этих городов и острогов по своему составу соответствовало основному назначению города — покорению вра-

¹ Томск в XVII в. Материалы для истории города. Роспись Томскому городу и острогу, стр. 21—26. Для города избрали «знатной вершины пригорок... с речной стороны, где всход на сей пригорок всех других мест круче».

жедебного населения в огромной стране. Первое место поэтому в населении городов принадлежит «служилым людям», т. е. детям боярским, стрельцам, конным и пешим казакам и т. д. Эти люди, помимо чисто военных обязанностей, выполняли разнообразные административные задания. Например, дети боярские являлись одновременно полицейскими, сборщиками всякого рода сведений, исполняли обязанности интендантов и даже дипломатов. В те времена не было строгого разграничения функций, все же на первом месте в деятельности служилых людей стояли обязанности воина. Из них составлялись военные гарнизоны сибирских городов. Концентрация служилых людей в немногих городах давала возможность правительству удобно распорядиться немногочисленными отрядами, перебрасывая, например, стрельцов и казаков из одного города в другой.

Численность служилого населения в том или ином городе всегда находилась в зависимости от его стратегического положения или от его административного значения.

Такие города, как Тюмень, Тара, Томск, которым вследствие их пограничного положения долгое время угрожала опасность со стороны непримиримых наследников Кучума, совершенно неизбежно успливали свои гарнизоны и находились всегда в боевой готовности. Имеющиеся сведения по Тюмени показывают увеличение количества служилых людей в течение первой половины XVII в. В 1624 г. разных служилых людей, исключая воевод, голов и подьячих, было только 222 чел.¹ Но в связи с внешней опасностью число их к 1645 г. выросло до 790. Кроме того, военную службу отправляли и татары, которых в 1645 г. было 108 чел.²

К 1680 г. число служилых людей опять увеличилось, причем резко обозначилась дифференциация их по роду службы; дети боярские, подьячие, пешие и конные казаки, стрельцы. В 1700 г. ряды служилого населения значительно поредели сравнительно с 1680 г. В частности боярских детей вместо 67 осталось лишь 12 чел.³ Быстрый отлив служилых людей из Тюмени можно объяснить, во-первых, тем, что местность перестает быть пограничной и

¹ Будицкий П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников, 1889, стр. 98.

² Там же, стр. 100.

³ Тюмень в XVII в. Материалы для истории города, стр. 103.

Г Р А ДЪ Т О Б О Л Ё С К Ы

Рис. 3. План города Тобольска из «Чертежной книги Сибири С. Ремезова».

исчезает угроза со стороны соседних «немирных инородцев», и, во-вторых, войнами, которые вел Петр I в самом конце XVII в., и готовившейся войной со Швецией, в связи с чем была отозвана часть служилых людей из Тюмени на запад.

Первыми насельниками города Томска были строители, служилые люди из Тобольска, Сургута и Березова. В 1627 г. служилых людей было 481 чел., в 1635 г. — 628 чел., в 1699 г. — 1 143 чел.¹.

В городе Таре служилых людей всегда было много, так как город находился на границе русской оседлости, и была постоянная угроза набегов.

В городе Тобольске правительство, учитывая его положение, держало всегда значительный гарнизон, часть которого в случае надобности перебрасывалась в другие места. Кроме того, город Тобольск с 1590 г. являлся главою других сибирских городов, что потребовало увеличения количества служилых людей для выполнения разнообразных административных обязанностей. В 1629 г. управление Сибирью было разделено на два разряда или области: Тобольскую и Томскую. Томск был объявлен вторым областным городом, или, как писалось, велено Томску «сидеть своим столом», причислив к его ведомству Нарым, Кетск, Енисейск, Красноярск, Кузнецк с зависящими от них острогами и зимовьями. В разряде Тобольском остались Верхотурье, Пелым, Туринск, Тюмень, Тура, Сургут, Березов и Мангазея с малыми острогами и зимовьями². Служилые люди таким образом были не только основателями и строителями сибирских городов, но на протяжении всего XVII столетия они составляли преобладающую часть населения. Они же составляли основное экономическое ядро городской жизни.

Средства к существованию за свою службу служилые население городов получало извне в виде хлебного и денежного жалования и, следовательно, не отдавало взамен каких-либо продуктов труда. Эти средства, доставляемые извне, были впоследствии дополнены местными ресурсами по мере развития земледелия и ремесла. Но в первый период существования городов сред-

¹ Город Томск, 1912, стр. 8.

² Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных Сибири (1032—1882 гг.), Иркутск, 1883, стр. 84.

ства потребления, а среди них главное значение имел хлеб, доставлялись из Вятского края и Поморья. Размеры хлебного привоза определяли величину населения города, но в свою очередь зависели от состояния путей сообщения. Этим, между прочим, можно объяснить, что западные города (Тюмень, Тобольск), связанные лучшими и более короткими путями, могли сосредоточить в своих стенах более многочисленное население, чем северные и восточные города (Березов, Томск, Кузнецк).

Остальная часть населения городов появилась постепенно в связи с развитием хозяйственной жизни городов.

Какова была хозяйственная жизнь городов Западной Сибири в первое столетие их существования?

В литературе по этому вопросу мы встречаем взгляды, наиболее определенным образом выраженные П. М. Головачевым в сборнике «Томск XVII в.». Сибирский город в XVII в., по его мнению, немногим отличался от сибирской деревни. «Город в хозяйственном отношении так тесно сливался с деревней, что трудно отличить, где кончалась последняя и где начинался первый»¹. Такую точку зрения нельзя признать правильной. Смешать сибирский город с деревней нельзя не только потому, что первый имел большее количество населения, но и по его внешнему виду (стены, рвы, валы, ворота, башни и др.). Он отличался от деревни составом населения, преобладанием, как мы видели, служилого населения, кормившегося на средства государственной казны. Наиболее существенным отличием города от деревни было то, что сибирский город, оставаясь по типу военным и административным центром, начинал сосредотачивать по преимуществу такие виды хозяйственной деятельности, которые являются характерными для населения городского типа, причем эти новые хозяйственные черты успели определиться к концу XVII в., т. е. ко времени, к которому относится характеристика П. М. Головачева².

¹ Томск XVII в. Материалы для истории города со вступительной и заключительной статьями прив. доц. П. М. Головачева и картой окрестностей Томска конца XVII в., стр. 3.

² В другой своей статье («Желательный тип сборников материалов для истории сибирских городов XVII в.» в журнале «Народ. Просвещ.», 1905) П. М. Головачев, приводя ряд фактов, характеризующих особенности развития сибирских городов в XVII в., при-

Эти черты формировались постепенно, они связывались друг с другом и в целом создавали неповторимый образ сибирского города в период первоначального освоения территории колоссальной страны горстью пришельцев.

Однако процесс формирования подлинного экономического города встречал в Сибири немалые трудности, связанные с общими условиями развития хозяйственной жизни в этой стране. Крайне напряженная обстановка, вызванная сперва завоеваниями, а потом приведением местного населения в состояние беспрекословного подчинения, отдаленность Сибири от Московской Руси, разбросанность и оторванность самих завоевателей друг от друга — выдвигали такие задачи, которые могли быть решены только неслыханными жертвами как со стороны завоевателей, так в особенности со стороны коренного населения.

Служилое население, находясь в беспрестанных «посылках», было обременено тяжелой службой, посадское же население было подавлено непосильными оброками, поставкой хлеба со своих полей, всякими службами и посылками (десятинной, отъезжей и др.). Эти условия задерживали развитие хозяйственной жизни городов, а следовательно, и процесс постепенного превращения военного города в экономический. Потребности населения были очень ограничены и сводились к простейшим предметам, которые оно изготовляло само и удовлетворялось привозом извне. Однако, несмотря на подавляющую силу условий, которые тормозили экономическое развитие, в недрах сибирского города появлялись слабые ростки собственных городских функций, причем характерной особенностью этого процесса было то, что возникновение хозяйственных функций было как раз связано с ролью города как военного лагеря среди местного населения, отчуждавшего в пользу царской казны и агентов московского правительства часть добываемой им пушнины.

Из сибирских городов отправлялись экспедиции служилых людей либо для «проезды» и объяснения

ходит к выводу, что для общего уразумения сибирской жизни в XVII в. необходимо начать с города, так как в нем, как в фокусе, лучше всего сконцентрировались элементы сибирского общества XVII в. и нашли наиболее яркое и полное выражение основные проблемы тогдашней общественной жизни.

«новых земель», либо для защиты занятых русскими хозяйственных угодий. Среди тех чисто экономических вопросов, вокруг которых вращались жизненные интересы городского населения, преобладающими были такие, как сбор ясака; распределение хлебного, соляного и денежного жалования среди служилого населения; оброки, платимые посадским населением за свои промыслы и ремесла; пошлины и десятины, вносимые торговыми людьми с привозимых товаров и при покупке местных товаров; налоги с «государственной пашни», которую обязаны были пахать «пашенные» люди.

Однако среди перечисленных функций важнейшей был сбор ясака с местного населения (рис. 4). Ясак платили мехами или в городе, к которому ясачные были приписаны, или к ним посылались сборщики, которые разъезжали по становищам в сопровождении целовальников из торговых людей для контроля. Города служили местом концентрации благ, собираемых при помощи «законного» ясака, и тех благ, которые отбирались у местного населения воеводами и их приближенными путем всяких поборов и прямого грабежа¹.

¹ В связи с этим следует привести одно интересное наблюдение П. М. Головачева. Он пишет, что «враждебное отношение города к другому ведет свое происхождение от тех времен XVII столетия, когда из каждого города отправлялись экспедиции для объяснения новых инородцев, причем интересы разных городов часто сталкивались между собою, так как эти экспедиции горожане устраивали для собственного обогащения». «Главным объектом их эксплуатации в уездах был инородец, которого они непрерывно, город перед городом, старались обобрать». «Сибирь в Екатерининской комиссии. Этнод по истории Сибири XVIII в.» М., 1889, стр. 27, 30.

Действительно город с городом вел борьбу и за право обложения коренного населения и за выгоды, получаемые от торговли с ним или с соседними народами. Например, между Томском, с одной стороны, Кузнецком и Красноярском, с другой, шел долгий спор о том, кому должны платить дань тубинские и кузнецкие ясачные волости. «Наглость томских жителей, — пишет И. Фишер, — простиралась столь далеко, что они «за велико ставя провинциальный свой город, называли кузнецкого воеводу рабом томского, а кузнецких козаков своими кыштымами или подданными» (Фишер, И. Сибирская история, 1774, стр. 481).

Город Тобольск настаивал, чтобы торговые караваны из Джунгарии принимать в Тобольске, а не в Таре и в Тюмени, стремясь присвоить в свою пользу связанные с этой торговлей выгоды, несмотря при этом на то, что калмыки выражали недовольство и даже негодовали против запрещения продавать товары там, где им выгодно. (Фишер И. Сибирская история, 1744, стр. 431).

Рис. 4. Приход в русский город местных жителей с ясаком.

Второй элемент хозяйственной жизни городов был тесно связан с их ролью в земледельческом заселении Западной Сибири и в развитии хлебопашества. Обычно служилые люди и духовенство, жившее в городах, получали в стороне от города «отъезжие поля» для заведения хлебопашества, обрабатываемые наездом из города. Получали земельные участки пашенные крестьяне, ямщики и посадские люди. На первых порах эти выселки на «отъезжих полях» отпочковывались от городов,

и последние служили их рассадниками. Впоследствии в связи с большим приливом населения поселки вне городов стали возникать самостоятельно.

С течением времени города окружались различными выселками, починками, деревнями, слободами, вследствие чего они становились административными и хозяйственными центрами известной группы населенных мест.

Согласно «Дозорной книге» 1624 г., по городу Тюмени русские поселки разместились к этому времени по всему почти течению р. Туры и некоторых ее притоков. Своим основанием они были обязаны обитателям города Тюмени. В огромном большинстве случаев это были хутора, основанные жителями на своих пашнях, состоявшие из одного двора, реже из двух и редко из трех дворов и больше.

В Тобольском уезде уже в первые годы обитатели города Тобольска — служилые люди, посадские, крестьяне и духовные лица — начинают заниматься хлебопашеством и основывать на своих пашнях деревни.¹ Обитатели других городов, не исключая служилых людей, принимались за хлебопашество, одни добровольно, другие по принуждению, осваивая дикую землю под пашни и устраивая на пашнях поселки. В связи с хлебопашеством многие обитатели городов переселялись на свои пашни и таким образом начиналось заселение уезда.²

Хлебопашеством занимались почти все слои городского населения. Служилые люди обрабатывали свои пашни с помощью половников, гулящих людей, военнопленных, извлекая из этого значительные выгоды.

Подготовка земли из-под леса для распахивки требовала от крестьянского населения огромных трудов. Земельные участки служилых людей были незначительны. При малолюдности обширных пространств Сибири среди служилых людей не могло зародиться слоя крупных феодалов-землевладельцев, обстоятельство, оказавшее огромное влияние на последующий ход социально-экономического развития края.³

¹ Буцинский, П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников, 1889, стр. 100—114.

² Крупное значение города как рассадника сельских поселений освещено в литературе трудами П. Н. Буцинского, В. И. Шупкова и других, на основании солидного фактического материала.

³ Это, однако, не значит, что крепостного права не существовало в Сибири. Крепостнические отношения в Сибири сложились в связи

Занимались хлебопашеством и посадские люди, которые совмещали эти занятия одновременно с торговлей, промыслами и с другими разнообразными государевыми службами, к которым многие из них привлекались в качестве целовальников, таможенных голов, земских старост и т. д.

Все они распахивали значительное количество земли и косили много сена. «Сельское хозяйство во второй четверти XVII века составляло главное занятие сибирских посадских людей в «пашенных» городах и доставляло главные средства к жизни»¹.

Об успешном развитии земледелия в Западной Сибири свидетельствует тот факт, что в середине XVII в. хлебное жалование, выдававшееся служилому населению натурой, стали заменять в ряде городов (Томск и др.) денежным жалованием, очевидно, потому, что в этих городах в то время хлеб можно было уже легко купить. Занятие сельским хозяйством накладывало свою печать на облик городов. Так, воеводы «пашенных» городов доносят в Москву, что город «летом совершенно пустеет, потому что городские жильцы, и служилые, и посадские люди, и крестьяне живут по своим деревням, на своих пашнях»².

Третьим элементом хозяйственной жизни городов становится промышленная обработка сырья, организованная в форме ремесла. В таких городах, как Тюмень, Тобольск, Томск, с течением времени усиливается промысловый элемент, вызванный ростом населения, часть которого существовала отчасти за счет денежного жалования, получаемого от казны. В городах появляются: кожевники, мыльники, кузнецы. Среди владельцев кузниц и мельниц встречаются, кроме посадских, пашенные крестьяне, конные и пешие казаки, стрельцы.

Наконец, четвертым и впоследствии самым важным элементом хозяйственной жизни города была торговля. Развитие торговли является выражением первоначальных элементов возникающего в Западной Сибири общественно-географического разделения труда.

с возникновением монастырей и особенно в связи с развитием горнодобывающей промышленности. Об этом см. ниже.

¹ Буцинский, П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников, 1889, стр. 256.

² Там же, стр. 258.

Обратимся с этой точки зрения к торговле, которая зародилась и развилась в городах Западной Сибири вскоре после их возникновения. Каковы были источники тех материальных благ, которые, превращаясь в товары, обрещались на местных рынках Западной Сибири? Этим источникам было несколько. Основными были: местное население, добывающее пушнину; русские крестьяне, доставлявшие хлеб и другие сельскохозяйственные продукты; Московская Русь, снабжавшая Западную Сибирь вначале хлебом, а затем промышленными изделиями.

Хлеб, как и соль, на первых порах не являлся предметом торговли. Почти весь XVII в. Сибирь снабжалась вначале преимущественно, а впоследствии частично, тем хлебом, который собирался в виде оброка с крестьян уездов: Устюжского, Пермского, Вятского, Сольвычегодского, Соликамского и Верхотурского. Главным же образом под влиянием острой потребности в хлебе и принятых правительством мер начало развиваться собственное земледелие вблизи городов. Местная сибирская администрация стремилась использовать крестьянский поток, приливавший из-за Урала, путем устройства государственной десятинной пашни и сбора оброчного хлеба, но в основном пашня непрерывно росла в зависимости не от деятельности воевод, а за счет увеличения так называемой «собинной» части пашни, обгонявшей рост государственной десятинной пашни¹.

Развитие хлебопашества в южных уездах сделало в короткое время такие успехи, что оно не только удовлетворяло потребности населения своего уезда и города, но ежегодно стало снабжать разными хлебами такие северные города, как Тобольск, Пелым, Березов.

В связи с этим города официально подразделялись на «пашенные» и «непашенные». К «пашенным» городам, т. е. вывозящим хлеб в другие города, относились Верхотурье, Туринск, Тюмень, Томск. Остальные города принадлежали к «непашенным», т. е. к нуждающимся в привозном хлебе.

По данным В. И. Шункова в 1674 г. более 90% казенного хлеба всей Сибири от Урала до Тихого океана давали всего четыре уезда: Верхотурский, Тюмен-

¹ Шунков, В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв., 1946, стр. 137—138.

ский, Туринский, Тобольский¹. Территория названных уездов в XVII в. была основным хлебопроизводящим районом Сибири. Это обстоятельство отмечал проезжавший в конце XVII в. Избранд: «и эту область следует предпочитать другим, не столько по значительному числу ее жителей, сколько по плодородию почвы и количеству хлеба, которое там хорошо произрастает».

П. Н. Буцинский приводит некоторые данные, показывающие, сколько было собрано хлеба по разным городам и сколько его оставалось в житницах за удовлетворением местных потребностей.

Так, например, в 1628 г. в Верхотурье в государевых житницах после выдачи хлебного жалования оставалось еще значительное количество хлеба, из которого большую половину отобрал верхотурский воевода, отослав в другие сибирские города. В 1640 г. из Верхотурья было отправлено в Тобольск местного хлеба 15 тысяч четвертей².

В Туринском уезде земледелие процветало: одной государственной пашни в 1645 г. отработано 442 десятины³. Туринск в это время за удовлетворением местных потребностей только с государевых десятин отправлял в Тобольск и Пелым ежегодно по 10 и 15 тысяч четвертей разного хлеба⁴.

Хлебопашество в Тюменском уезде давало значительное количество разных хлебов. Местного хлеба хватало на местные потребности, и тысячами четвертей отправляли в другие «непашенные» города и, кроме того, в царских житницах оставался значительный запас.

В Тобольский уезд прилив крестьянского населения был довольно слабый; почвы там не отличались плодородием. Поэтому количество местного хлеба всегда было недостаточно даже для покрытия местных потребностей, которые вследствие прилива нового населения, особенно служилых людей, безостановочно росли. В этом уезде расход хлеба всегда превосходил приход.

¹ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв., 1946, стр. 9.

² Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников, 1889, стр. 56.

³ Там же, стр. 78.

⁴ Там же, стр. 78.

Одним из мотивов постройки города Тары было «за-
весть в Таре пашню», и хотя около Тары было много пло-
дородной земли, тем не менее земледелие здесь долго не
удавалось. П. Н. Буцинский объясняет неудачу первых
опытов земледелия плохим подбором людей. Число
крестьян в 40-х годах XVII в. в Таре было такое же,
как и в 1625 г., но количество обрабатываемой ими
земли уменьшилось. Старые крестьяне умерли или убе-
жали, а на оставшиеся земли «прибрать» было некого.
В течение всей первой половины XVII в. хлебопашество
находилось в зачаточном состоянии. Местного хлеба не-
хватало. Ежегодно приходилось посылать служилых лю-
дей за хлебом в Тобольск или Тюмень. Хлеб привозный
и местный поступал в государственные житницы и затем
выдавался в виде хлебного жалования служилым людям.
Но впоследствии, по мере развития местного земледелия,
хлеб начинает поступать в каналы товарного обращения.

Уже в первой половине XVII в. начинает развиваться
хлебный рынок в Западной Сибири. Верхотурский, Тю-
менский и Туринский уезды, лежавшие на главном ожив-
ленном пути из Руси в малопашенные и непашенные про-
мысловые районы, были естественным местом закупки
продовольственных припасов. Заметным явлением в жиз-
ни Западной Сибири становятся поездки в эти уезды
«хлеба себе купить»¹.

В связи с тем, что хлеб служил предметом обмена на
мягкую рухлядь в северных городах (Березов, Мангазея),
закупка хлеба для этой цели нередко вызывала в местах
производства дороговизну. В 1622 г. тобольские служи-
лые люди «били челом», жалуюсь на то, что «езды из
поморских городов в Сибирь торговые и промышленные
люди и закупают на Верхотурье многие хлебные запасы
и отвозят на продажу в Мангазею, и там богатеют, а
оттого в сибирских городах хлеб живет дорого и служи-
лым людям в хлебной дороговизне живет нужда великая»².

К концу XVII в. земледелие Западной Сибири, создан-
ное русским крестьянством, оказалось в состоянии раз-
решить задачу хлебоснабжения своего края. Больше того,
пашенные уезды Западной Сибири давали хлебные избыт-

ки для снабжения Восточной Сибири. В 1685 г. с помор-
ских городов была снята повинность поставлять хлебные
запасы. Сибирь с этого года должна была обходиться
своим хлебом¹.

Среди «непашенных» городов такие, как Пелым, Березов, отчасти Сургут, Нарым благодаря значительному
ясачному населению в этих северных уездах, доставляли
много пушнины. В том значении, которое имел охотничий
промысел в хозяйственном быту маньшей и хантов, отра-
зилось влияние природной среды обитаемой ими террито-
рии. Но в то время, как у приобских хантов основным
источником средств существования служило рыболовство,
а охота имела значение главным образом для уплаты
государева ясака, хозяйство маньшей базировалось пре-
имущественно на лесных промыслах, в первую очередь на
охоте².

Продукты охоты и у хантов и у маньшей шли, кроме
уплаты ясака, на мену. Торговля в форме натурального
обмена играла заметную роль в хозяйстве у маньшей и
березовских хантов, что объясняется их местожитель-
ством — первых на перевалах через Урал, а маньшей на
реках, «входящих», как пишет С. В. Бахрушин, в состав
«чрезкаменного» пути, которым ходили русские поморы
и коми». Близкое соседство и давнишние связи с нен-
цами, кочевавшими вокруг Обской губы, а также за-
уральскими, с одной стороны, и с русскими покупателями
пушнины, — с другой, делали их естественными посредни-
ками между теми и другими и втягивали в оживленные
сношения³.

Войкарский городок в Обдорин служил даже местом
оживленной ярмарки, куда, по первому зимнему пути,
березовские и пустозерские ненцы приезжали к ясачным
хантам⁴.

Пушнина в своей основной массе забиралась у мест-
ного производителя по принуждению, после чего она
поступала в государственную казну и отправлялась на
запад, где в руках правительства становилась очень важ-

¹ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в
XVII — начале XVIII вв., 1946, стр. 229.

² Акты исторические, т. III, № 107.

¹ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в
XVII — начале XVIII вв., 1946, стр. 151, 173.

² Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в
XVI — XVII вв., Л., 1935, стр. 13.

³ Там же, стр. 13, 14.

⁴ Там же, стр. 13.

ным валютным товаром. Только небольшая часть пушнины, минуя этот канал, поступала в руки профессиональных торговцев. Последние, несмотря на суровый запрет выменивать у жителей дорогих соболей и лисниц, успевали обходить рогатки и вывозить на Русь самую лучшую мягкую рухлядь¹. Поэтому торговля мехами носила преимущественно контрабандный характер.

Очень рано важным источником торговли становятся так называемые «русские» товары, т. е. привозимые с запада, не только из северных, но и из центральных областей Московского государства.

Судя по данным о торговле «русскими» товарами в городе Томске, приведенными Г. Н. Потаниным в его статье «Привоз и вывоз товаров города Томска в половине XVII столетия», можно заключить, что среди этих товаров преобладали шитые изделия (рубашки ярославские, штаны, азымы, зипуны, кафтаны) и материалы для них (сукно сермяжное, ярославская крашенница, холст). В Сибири не производился лен до конца XVIII века. Сначала употребляли на белье русские холсты, потом дешевые бумажные китайские материи, а с 1792 г. после временного прекращения торговли с Китаем в Кяхте, Сибирь заменила китайские материи своим сибирским холстом. Далее среди привозных с запада товаров мы встречаем металлические изделия (топоры, ножи, конские удила, цепи, пилы, котлы и тазы) и предметы домашнего обихода (пуговицы, булавки, зеркала, гребни). Интересно отметить, что Тюмень, которая впоследствии сделалась центром промыслов по обработке дерева, в XVII в. снабжалась с запада различными деревянными изделиями.

Местные жители покупали названные предметы или в обмен на продукты сибирского происхождения или за счет денежной доли получаемого жалованья.

Были еще две категории товаров, источники которых находились за рубежом: соль Ямышевского озера и различные товары, шедшие из Бухары.

До Ямышевского озера, лежащего вверх по Иртышу, далеко за тогдашними пределами русских владений, удалось впервые добраться тарским воеводам. Когда именно начали посылать за солью к Ямышевскому озеру, точ-

ных сведений нет. Впервые такой поход к озеру упоминается в 1601 г., но кончился он неудачно.

О добыче соли рассказано в «Истории о Сибири»¹, написанной, как предполагают, известным Юрием Крижаничем, пробывшим в Тобольске в ссылке с 1661 по 1676 гг. «Тобольский воевода ежегодно высылает вверх по Иртышу флот из сорока или более парусных судов в землю калмыков к Соленому озеру, находящемуся недалеко от реки. Путь этот совершается в четыре месяца... Как только Московитяне достигают этого места, они производят залп из пушек и снова их заряжают, затем производят огонь из ручных пищалей; отсалютовав таким образом Тайше, Московитяне дают заложников и, получив таковых же от калмыков, в тот же день воздвигают на берегу укрепление и ставят на нем пушки, чтобы иметь защиту в случае вероломства. Добыв из озера соль, они нагружают ею суда и затем вступают в торг меновой, так как на этих ярмарках деньги не в употреблении. Московитяне привозят с собой товары всякого рода, Калмыки же в обмен предлагают рогатый и вьючный скот, свои сласти и китайский табак; продают также рабов и рабынь — своих свойственников, собственных детей... Наконец, по погрузке судов солью и завершении торга, производится обмен заложников с обеих сторон...» Доставленная в Тобольск соль поступала в государственный склад и оттуда рассылалась по городам Сибири для выдачи служилым людям «соляного» жалованья.

Ямышевская ярмарка имела немалое значение для торговых сношений Тобольска с внутренней Азией. Выгодная меновая торговля с джунгарами и бухарцами всегда привлекала на ямышевскую ярмарку много русских торговцев из Тобольска, Тары и даже Томска.

Торговля со Средней Азией существовала у местного населения еще до падения Сибирского царства. Бухарские караваны во времена Кучума пересекали степи, направляясь в столицу Сибирского царства. После разгрома Кучума, сопровождавшегося временным разрывом старых торговых связей, весь край, который ранее снабжался изделиями из Средней Азии, испытывал нужду в восстановлении нарушенных связей. «Ведь не случайно,

¹ Буцацкий П. Н. К истории Сибири, 1893, стр. 6.

¹ В сборнике старинных рукописных статей о Сибири «Сибирь в XVII в.».

что именно к 90-м годам XVI века... относится челобитная сибиряков, в которой они как милости просят, чтобы к ним приходили из Бухары торговые люди с товарами»¹.

Своеобразием исторической обстановки, сложившейся в Западной Сибири, объясняется предоставление бухарским купцам исключительно выгодных и льготных условий торгова в новых сибирских городах: Таре, Тобольске и Тюмени. Им разрешался беспрепятственный проезд в указанные города Сибири, был разрешен беспошлинный торг за городом — «в посаде или за посадом, где будет пригож». Та же беспошлинная торговля предоставлялась приезжим бухарцам и во всех прочих сибирских городах без всякого стеснения сроков их пребывания до тех пор, пока «они товары свои не продадут».

Бухарские купцы нередко оставались на постоянное жительство в Тобольске, Тюмени, Таре.

«Кажется нет народа, — пишет историк Г. Ф. Миллер, — более способного к торговле, чем бухарцы. Их караваны пересекают всю Азию и этому не препятствуют ни громадные безводные пустыни, ни почти неизбежный в таких дальних путешествиях недостаток в продовольствии, ни опасность подвергнуться столь обычным здесь нападениям разбойничьих народов. С целью привлечения бухарцев в Сибирь было приказано, в случае их приезда, сразу же освобождать от платежа таможенных пошлин и оказывать им почет и дружбу, ни в коем случае не допускать жалоб и исков с их стороны. Города Тобольск, Тюмень, Тара, а в последующие годы и Томск, благодаря удобству их расположения для торговли с этими народами, стали не только часто посещаться большими торговыми караванами бухарцев, но многие жители Большой и Малой Бухары стали селиться в названных городах»².

Упомянутый выше Ю. Крижанич, описывая меновой торг с джунгарами на берегу Иртыша после окончания добычи соли, указывает, что при этих торгах всегда присутствуют бухарские купцы, но здесь они не производят торгова, а со своими товарами отправляются на московских судах в Тобольск.

¹ Чулошников А. Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI—XVII вв. в сборн. «Материалы по истории Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана». М., 1933, стр. 70.

² Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, 1941, стр. 12—13.

Бухарские купцы, имевшие связи не только со Средней Азией, но и с Китаем, привозили разнообразные товары: из Бухары — хлопок, бумажные ткани, окрашенные в разные цвета, которые московитяне называют «китайками», сафьяны, шелк, пряности, чай, табак, пригоняли лошадей, верблюдов, овец; из джунгарских степей привозили на продажу «женок и парней». Они ездили в Казань, в поморские города, откуда вывозили «русские товары». Бухарские купцы служили торговыми посредниками не только между Сибирью и рынками Московского государства и Средней Азии, но и между отдельными пунктами Сибири¹.

* * *

Выяснив в общих чертах те области, которые служили источниками хлебных, соляных и других грузов, передыгавшихся в разных направлениях между сибирскими городами, обратимся теперь к выяснению тех основных путей, по которым эти перевозки совершались.

То, что нам известно об условиях и причинах возникновения первых русских городов в Сибири, делает ясным, что размещение последних руководилось расселением местных жителей по линиям главных речных путей. Но водные пути могли служить для перевозок в течение только части года. Кроме того, снабжение городов хлебом и припасами, вывоз пушнины и, наконец, военные соображения требовали устройства сухопутных сообщений между городами. Поэтому проведение дорог идет по кратчайшему расстоянию между существующими наиболее значительными пунктами. Не случайно вновь устроенные тракты получили свое название по городам. Тракты привлекают новое население, которое расселялось вдоль них, и в этом сказывается косвенное влияние взаимного положения городов на размещение внегородского населения.

Некоторое значение для перевозки грузов, особенно хлеба, имели водные пути. Вначале хлеб из Московской Руси свозился в город Верхотурье, но по мере развития земледелия в уездах Туринском и Тюменском, привоз хлеба с запада уменьшался, и к 40-м годам XVII в. эти уезды сами явились поставщиками главной массы хлеба

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, 1941, стр. 549.

в другие сибирские города. Ежегодно по р. Туре сплавлялись сотни тысяч пудов одного хлеба. Для его сплава требовалось множество лодок и дощаников. Кроме того, суда требовались под соль и для перевозки людей в летнее время. Потребность в судах заставляла завести судное дело, в первую очередь в Верхотурье, а затем и в других городах по р. Туре: в Туринске и Тюмени. Однако главная судовая верфь попрежнему находилась под Верхотурьем. С 1641 г. суда строились и в дер. Меркушиной, расположенной ниже Туринска на 70 тогдашних верст. Сплавливать хлеб на больших судах было затруднительно из-за большого количества мелей на р. Туре. От этой деревни река становится глубже, мелей нет. Сюда, повидимому, был перенесен из Верхотурья центр судостроения. Основание здесь судового дела способствовало быстрому развитию этой деревни и превращению ее в село. Так как плотников было мало, то эта повинность возлагалась на служилых и посадских людей, на ямщиков, но преимущественно на крестьян. Повинность постройки судов была, пожалуй, самой тяжелой. От нее более всего бегали сибирские жители, а туринский воевода доносил в Москву, что много из тех людей, которых он приставил к судовому делу, «давлились и резались до смерти от того судового дела».

Но как бы то ни было, водные пути в летнее время служили подспорьем к сухопутным и не изменяли общей схемы расположения главных линий сообщения.

Выявлению этих главных линий сообщения помогает документ под названием «Роспись городам и острогам», напечатанный в сборнике документов «Сибирь в XVII в.», изданием А. Титовым¹.

Мы уже знаем, что длинная и неудобная дорога в Сибирь через Чердынь просуществовала недолго, и в 1597 г. был открыт более короткий южный путь. Он начинался в Соликамске на Каме, заканчивался в городе Тобольске и представлял собой пучок дорог, шедших из Вятского края и Поморья. Пересекши Урал с северо-запада на юго-восток, этот путь приводил к Верхотурью. Дорога просуществовала до 1763 г. На восточной оконечности, связывая запад и восток Западной Сибири, она отделяла от себя в разные стороны несколько длин-

¹ «Роспись» составлена не позднее 1640 г.

ных путей сообщения, сухопутных и водных, для передвижения по которым пользовались лошадьми и собаками, стругами и лодками. Эти первоначальные пути были в высшей степени неудобны, так как передвижение людей, а тем более грузов, совершалось крайне медленно и отнимало несколько недель, а иногда и месяцев.

В одном «Описании» того времени мы читаем: «Зимним путем из Тобольска до Самаровского Яму, до Сургута и до Нарыма и от Нарыма до Томского пути на нартах и на собаках ход, а лошадьми тем местом дороги нет, потому что снега великие и лошадьми ездить невозможно»¹.

Сухопутное сообщение еще до 1640 г. связывало Тобольск с Тарой, а в экстренных случаях оно совершалось между Тарой и Томском. Поездка из Тары через «Барабинскую волость» (Барабу) степью до Томского города «тихим ходом» продолжалась месяц².

В конце XVII в. сухопутное сообщение между Тобольском и Томском и далее до Красноярска, повидимому, прочно установилось. В составленном С. Ремезовым «Чертеже всех Сибирских городов и земель» мы находим следующее указание: «от Тобольска города ездю 7 дней, от Тары до Барабы 2 недели, от Барабы до Томского 2 недели, от Томского через Чулым до Красного Яру 2 недели» и т. д.³.

Но южная сухопутная дорога через Тару на Томок на значительном расстоянии проходила почти по границе русских владений и не была безопасна от набегов. Только в 30-х годах XVIII в. эта дорога превращается в почтовую.

Обратимся теперь к внутренней хозяйственной жизни городов в течение XVII в., пользуясь для этого теми скудными данными, которые мы находим в источниках того времени.

«Воротами» в Западную Сибирь служил город *Верхотурье*, лежавший на западной оконечности главного пути (рис. 5). В 1601 г. построен здесь острог, гостиный двор и таможня для сбора пошлин с провозимых товаров. Все

¹ Сибирь в XVII в. «Описание новые земли, сиречь Сибирского царства», стр. 81. Издан Титовым.

² Там же, стр. 37.

³ Чертежная карта Сибири, составленная С. Ремезовым в 1701 г., изд. 1882 г. Археографическ. комиссией.

Рис. 5. Вид города Верхотурья (из книги Н. Витсена).
Перепечатано из книги «Сибирь в известиях иностранных
путешественников и писателей».

купцы, едушие с товарами в Сибирь и обратно, подвергались осмотру и должны были платить пошлину.

По «Росписи» с Верхотурья гоняли ямскую гоньбу по четырем дорогам: Соликамской, на р. Чусовую, в Туринский острог и на Пелым. Главный по весу груз, шедший через Верхотурье, был хлеб. В Верхотурье местные и московские торговые люди брали «подряды» по доставке хлеба в Сибирь и отсюда они доставляли его, главным образом, в Тобольск на своих судах, изготовляемых в Верхотурье¹.

О большом торговом движении через город Верхотурье, стоявшем на большой дороге, ведущей из Европейской Руси в Сибирь и обратно, свидетельствует ряд

данных, приводимых П. Н. Буцинским в его книге¹. Доходные статьи города за 1628 г. показывают, что самый крупный доход составляли сборы десятой пошлины с товаров и отъезжей пошлины с торговых и промышленных людей. Данные из «сметных книг денежных доходов и расходов» также показывают значительные сборы таможенных пошлин с проезжих людей.

С. В. Бахрушин, останавливаясь на особенностях географического положения города Верхотурья, стоявшего на самом оживленном пути в Сибирь, дает интересную картину хозяйственной жизни этого города.

«В течение зимних месяцев Верхотурье благодаря наезду купцов принимало вид оживленного торгового стана. В ожидании открытия навигации приехавшие с Руси торговые люди складывали товары на гостином дворе и в лавках у верхотурских посадских людей и слегка торговали; продавалась, впрочем, незначительная часть привезенных товаров, так как большинство торопилось ехать дальше в «собольиные места» на Енисей и на Лену», а на Верхотурье у торговых людей мягкою рухлядью торгов не бывает. Лишь отдельные торговцы обосновывались на долгое время в Верхотурье для скупки у вогулчей и у местных посадских людей и крестьян дешевой пушнины, преимущественно белки и лосиных кож. Сопровождавшие обозы извозчики пользовались случаем, чтобы привезти для продажи на Верхотурье несколько аршин сукна и тому подобную мелочь. Верхотурские служилые и посадские люди и крестьяне, со своей стороны, зимой возили к Соли-Камской возы «крупной и мелкой рыбы» (язей, щук и карасей) и из этих поездок привозили на Верхотурье соль и кое-какие русские товары. Несколько сот гулящих людей толпилось ежегодно на Верхотурской заставе; из них приезжие и торговые люди нанимали «рабочих людей» на свои суда и покручников на собольиные промыслы»².

Верхотурье имело также значение важной пристани, где шло изготовление судов для на грузки их товаром, шедшим из Европейской Руси в Сибирь. Здешний воевода часто получал приказание заготовить необходимое

¹ Оглобля Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1796 гг.), т. III, стр. 76.

¹ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников, 1889, стр. 58, 100, 101.

² Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1938, стр. 106—107.

количество дощаников. С этой целью сюда присылались плотники из московских городов, устраивались склады судового леса в уезде и там же строили дощаники и потом водою доставляли в Верхотурье.

К концу XVII в. значение Верхотурья стало ослабевать. В Москве узнали, что в Ирбитскую слободу¹ Верхотурского уезда приезжают на Богоявление из русских городов, минуя Верхотурье, и из сибирских низовых городов на ярмарку всякие люди и иноземцы «со всякими своими русскими и бухарскими съестными запасами и торгуют в той слободе беспощинно, а исторговався из той слободы со всякими товарами уезжают в русские и сибирские города безъявочно, так что пошлина пропадала»².

В 1695 г. было издано правительственное запрещение ездить в Сибирь и обратно с товарами иными путями, минуя Верхотурье. Велено было «смотреть того накрепко, чтобы кроме одного Верхотурья теми вышеупомянутыми дорогами (т. е. через Казань, через Уральский хребет, на Березов или Ирбит.—Р. К.) отнюдь никто не ездил»³. Тем же, кто проехал заповедными дорогами, угрожалось быть сосланными «на каторгу на вечное житье».

Город Туринск (Епанчин) лежал на половине дороги между Верхотурьем и Тюменью. От него уходили большие дороги на Тюмень водным путем по р. Туре «в дощаниках и в лодках» или лошадьми; другая на Пелым. Эти сообщения обслуживались туринскими ямщиками, которые должны были давать подводы и гонять водою до Верхотурья и вниз по Туре до Тюмени. Туринск служил защитой ясачных людей, живших в среднем течении р. Туры, так как Верхотурье и Тюмень вследствие своей отдаленности не могли бы оказать им защиту. Расположенный в «местах ужожи» с плодородными почвами Туринск был опорным пунктом для развития хлебопашества путем основания хуторов и деревень в своем уезде. Население самого города усиленно занималось земледелием, распахивая пашню и собирая сено в значительном коли-

честве. В царских житницах города после отправки хлеба в другие города оставался значительный запас¹.

Город Тюмень лежал в том месте на р. Туре, где большая верхотурская дорога смыкалась со старой «Казанской дорогой» через Уфимские степи. Он связывал древним караванным путем татарскую Казань с торговыми центрами Средней Азии. Приход русских порвал связь Казани со Средней Азией, и караванный путь бездействовал, но этим путем в половине XVII в. посылали на Уфу «для государева дела по вестям гонцов» лошадьми от юрта к юрту, зимой на лыжах².

Сообщение из Тюмени в Тобольск шло или по Туре вниз и р. Тоболом до Иртыша, или лошадьми от одной ямской станции до следующей.

Население Тюмени в 1624 г.³ состояло из служилых и неслужилых людей. Наиболее многочисленная служилая часть населения образовалась из конных и пеших казаков, стрельцов (всего 148 дворов). Во главе служилого населения стояли сотник, есаул, дети боярские. Но служилые люди были всегда на посылках, поэтому в Тюмени оставалось их мало, а на случай нападения «калмыков» иногда посылались в Тюмень подкрепления. Например, в 1635 г. были присланы из Холмогор стрельцы.

Неслужилая часть населения образовалась из тяглого, населения посадских и пашенных крестьян (всего 112 дворов). К посадскому населению следует отнести и тех людей, которые не имели своих дворов, а жили «в городе и в остроге у всяких людей по подворьям». Некоторые из них занимались промыслами: хлебники, мясники и т. д. Для выполнения такой важной государственной обязанности, как ямская гоньба, в 1601 г. в Тюмень были присланы ямские охотники, которые поселились «за острогом за речкою за Тюменкой», образовав Ямскую слободу. В 1624 г. их оставалось 26 дворов.

Ямская слобода, составлявшая часть города, играла важную роль в хозяйственной жизни города. Тюменские ямщики гоняли ямскую гоньбу от Тюмени до Тобольска

¹ Ирбитская (Ирбеевская) слобода была основана в 1632 г.

² Курц Б. Город Верхотурье в XVII в. Юбилейный сборник. Историко-географич. кружок при Киевском университете, стр. 334.

³ Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. I (1700—1732), 1882, № 70.

¹ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее сельняков, 1889, стр. 78.

² Сибирь XVII в. «Роспись сибирским городам и острогам», стр. 44.

³ Дозорные книги 132 г. (1624 г.) в сборнике материалов «Тюмень в XVII столетии», 1903.

и до Туринска по «государеву указу» и по подорожным. Для этого они держали сани и телеги, а для водного пути всякие гребные суда.

Обитатели Тюмени и Ямской слободы основали на своих пашнях ряд заимок и деревушек. В Тюменском уезде правительством собирало значительное количество хлеба: собранного в уезде хлеба было не только достаточно для покрытия местных расходов, но и возможно было тысячами четвертей отправлять в другие «непашенные города»¹. В царских житницах всегда находился значительный запас разного хлеба.

В течение XVII в. население Тюмени разрослось значительно: в конце столетия одних дворов было 604, лавок вместо 37 в 1626 г. стало 103². Правда, значительная часть дворов и лавок сгорела в 1695 г.

Изменился и состав населения: численность служилых людей, увеличивавшаяся в течение всего XVII в., к концу столетия стала уменьшаться, особенно в связи с войнами Петра I. Усилился промысловый элемент. Промысловой и торговой деятельностью занималось преимущественно посадское население, отчасти же служилые люди, ямщики. Строгого разделения занятий между служилым и неслужилым населением не замечается. С другой стороны, неслужилое население было обязано безвозмездно исполнять ряд казенных повинностей, преимущественно фискального характера. Из его среды вербовались «целовальники» для исполнения той или другой обязанности: караулить арестантов, доставлять казенный хлеб в Тобольск, участвовать в казенных постройках. Эти «верные службы» являлись значительным тормозом для хозяйственного развития города.

К концу XVII в. заметное место заняли местные промыслы. Немногие виды промышленной деятельности, появившиеся в городе, были связаны преимущественно с обработкой животного сырья. Из «Дозорной книги 1700 года» видно, что в Тюмени уже успели зародиться и достигнуть к этому времени некоторого развития такие промыслы, как котовый, кожевенный, мыльный, колокольный. Число кузниц увеличилось в связи с общим движением через Тюмень, Кожевенные и мыльные

¹ Будинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. 1889, стр. 102.

² Там же.

товары стали уже предметами вывозной торговли. Положение Тюмени на речном пути вызвало значительное развитие «дощаничного» (судового) дела, появились особые специалисты: «дощаничные установщики», «дощаничные смольники».

В городе преобладала мелкая торговля. Местные торговцы были, очевидно, перекупщиками, торговавшими из местных лавок. С «русскими» товарами являлись в город вологжане, устюжане, ярославцы. Это были преимущественно приказчики разных иногородних лиц.

Неизвестный иностранец, посетивший в 1666 г. Тюмень, пишет: «В общем это очень приятное место, где в изобилии продаются всякие съестные припасы и прежде всего всякое зерно, мука и прочее»¹.

Торговые обороты Тюмени, судя по таможенным книгам, не отличались особенным развитием и разнообразием, хотя и превосходили обороты многих сибирских городов того времени, за исключением, может быть, Тобольска.

Товары, которые обращались на Тюменском рынке, можно разбить на несколько групп²:

1. Шелковые и шерстяные ткани. Много продавалось сукна сермяжного, еще более льняных тканей, холста, крашенины, пестряди. Привозилось много готовой одежды (рубахи, шубы, рукавицы, сапоги).

2. Металлы: медь, железо, олово как в необработанном, так и в обработанном виде: котлы, тазы. В связи с развитием дощаничного дела привозились гвозди, скобы.

3. Местный рыболовный промысел вызвал ввоз приспособлений для ловли рыбы: «уды стерляжки и осетры», пражу для неводов.

4. Предметы домашнего обихода: гребни, иглы, ска-
терти, писчую бумагу, огниво, зеркала.

5. Производство деревянных изделий, чем впоследствии славился Тюменский уезд, еще не началось. Напротив, в Тюмень ввозились бадьи, братины, ставцы.

Ввозимые товары по своему составу были рассчитаны на удовлетворение простых вкусов малосостоятельных покупателей.

¹ Описание путешествия в Сибирь и далее в различные местности страны, Истор. архив, т. I, 1936.

² См. ст. Головачева П. М. Экономический быт Тюмени в XVII веке в сб. материалов «Тюмень в XVII столетии».

Город *Тобольск*, лежавший при впадении р. Тобол в р. Иртыш на правом берегу последнего, оказался крупным узлом в общей сложности десяти дорог (рис. 6).

Основные линии сообщений образовывали реки Иртыш и Тобол, расходившиеся тремя радиусами на север, юг и восток. Водные пути дополнялись несколькими сухопутными дорогами. Все они (водные и сухопутные), соединяясь в один узел, сообщали Тобольску положение естественного центра всей транспортной сети Западной Сибири.

Важнейшими направлениями были следующие: путь к Березову шел р. Иртышом, затем р. Обью — им «посылают из Тобольска в Березов хлебные запасы с служилыми людьми», а в зимнее время лошадьми от волости до волости. Путь к Сургуту теми же реками, по которым «государевы хлебные запасы посылают водяным путем в дощаниках до Иртыша устья, откуда вверх Иртышем-рекою (?) до Сургута»¹. Путь к Тарскому городу — лошадьми и р. Иртышом вверх «как посылают из Тобольска на Тару государевы хлебные запасы служилыми людьми, в дощаниках», путь к Ямышевскому соленому озеру от Тары р. Иртышом вверх «как посылают по соль Тобольских и иных сибирских городов Тобольского разряду служивых людей в дощаниках», несколько путей к острожкам Каурдацкому, Вагайскому, Тарханскому и др., построенным «для оберегания ясажных людей» к югу от Тобольска.

Своим выдвижением Тобольск, несомненно, обязан своему географическому положению в центре сообщений, связывавших между собою города и остроги Западной Сибири.

Это обстоятельство было вскоре учтено правительством, когда оно превратило Тобольск в политический и административный центр Сибири.

Когда перед правительством стала задача создать центральный орган для управления Сибири — этой «далней заочной государевой вотчиной», — таким центром был избран Тобольск, построенный в нескольких верстах от Кашлыка, унаследовавший от бывшей татарской

Рис. 6. Вид города Тобольска (из книги Якоба Сандра). Перепечатано из книги «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей».

столицы сложившиеся годами хозяйственные и административные отношения и связи. Созданный в Тобольске орган должен был контролировать работу всех других сибирских воевод, объединять их деятельность и давать ей общее направление. Правительство постепенно и настойчиво проводит политику объединения сибирских городов под верховенством Тобольска¹.

Сложившийся Тобольский «разряд» объединил первоначально все города Сибири, но в 1629 г. с образованием Томского «разряда» к Томску отошло несколько городов в восточной половине Западной Сибири. Однако и после этого Тобольск оставался первым городом Сибири и

¹ Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда в XVII веке, Ученые записки института истории, т. II, 1927, стр. 170.

¹ Сибирь в XVII в. «Роспись сибирским городам и острогам», стр. 17.

продолжал главенствовать над Томском, а тобольский воевода был в Сибири «первый воевода большой»¹.

Функции тобольского воеводы были весьма разнообразны. Он был главнокомандующим сибирскими военными силами: распоряжался ими и принимал меры к распространению власти московского государства на новые, еще не завоеванные территории. Он снабжал гарнизоны подведомственных ему городов всем необходимым: хлебом, деньгами и товарами, присылаемыми с Руси на жалование служилым людям. Тобольский воевода фактически руководил земледельческой колонизацией в пределах своего разряда. Вся мягкая рухлядь, отправлявшаяся в Москву, проходила через Тобольск, где ее пересматривали и переоценивали. Через территорию Тобольского разряда шли все пути с Руси в Сибирь и обратно, наблюдение за движением по этим путям находилось в руках тобольской администрации.

На должность старшего тобольского воеводы назначались лица очень знатного происхождения, часто из высших придворных чинов, родственники царской семьи².

В тесной зависимости от политических и административных функций Тобольска находились его хозяйственные функции. В Тобольск свозился хлеб из Европейской Руси, из «пашенных» городов по р. Туре (Верхотурье, Туринск, Тюмень) и отсюда он вывозился в «непашенные» города. То же самое происходило с солью, которая доставлялась водным путем с Ямышского озера и перераспределялась между городами для выдачи «соляного» жалования.

Тобольск был средоточием главных военных сил в Сибири, откуда отправлялись служилые люди в дальние места для завоевания новых земель, для обоснования новых народов, для строительства новых городов и острогов и защиты их от врагов. Так как редко кто-либо из них возвращался обратно, то было необходимо постоянное пополнение убыли.

Обитатели Тобольска — служилые люди, посадские и крестьяне — принимают участие в заселении Тобольского уезда, основывая на своих пашнях деревни вверх и вниз по Иртышу, по его большим и малым притокам.

¹ Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда в XVII веке, Ученые записки института истории, т. II, 1927, стр. 169—171.

² Там же, стр. 179.

Административная роль города усилила его притягательную силу. Население города пополнялось «гулящими людьми», по преимуществу ссыльными, которых раздавали крестьянам, а последние поселяли их в своих деревнях в качестве полонников¹.

В заселении уезда деятельное участие принимали тобольский мужской монастырь и архиепископы, которые приобрели массу земли, в том числе отнятой у татар пахотной земли, основывали деревни и расселяли на ней крестьян. Тобольский монастырь и архиепископ были единственными представителями крупного феодального землевладения в Сибири вплоть до времени появления Алтайской горной промышленности.

Вследствие того, что Тобольск по своему положению всегда имел большое количество служилого населения, которому надо было выдавать хлебное жалование, а также в силу малого плодородия почв, низкой урожайности и незначительных сборов местного хлеба, последнего не хватало для покрытия местных расходов, и поэтому Тобольск нуждался в привозном хлебе.

Тобольск был главным торговым центром. По вычислениям П. Н. Буцинского, на тобольском рынке в течение года (1640) продано разных товаров на 82 405 руб., а провезено товаров через Тобольск на 27 300 руб. Общая сумма пошлинных сборов в том же году достигла почти 8 000 руб. «Вышеприведенные цифры пошлинных сборов показывают, что в Тобольске в конце царствования Михаила Федоровича была «миллионная торговля», ибо тогдашняя ценность денег по крайней мере в десять раз превосходила нынешнюю»². Тобольский рынок, кроме значительного торгового оборота, отличался и другими особенностями. Сравнительно высокий удельный вес служилого населения в городе приводил к тому, что на этом рынке более покупали товаров, чем продавали³.

Первое место в торговле занимали бухарцы. Их торговые обороты достигали громадных по тому времени размеров: случалось, что в один месяц приезжие бухар-

¹ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. 1889, стр. 110.

² Там же, стр. 142. Напомним, что книга П. Н. Буцинского была издана в 1889 г.

³ Там же, стр. 141.

ские купцы распродавали своих товаров более, чем на 10 000 руб.¹

«Переписная книга 1698 г.» по Тобольску², содержащая перепись посадских людей, т. е. неслужилого населения, заключает материал о занятиях и источниках дохода 327 посадских людей (у них детей и братьев и племянников и внучат и пасынков 599 человек), все мужского пола). В этой книге мы находим частые указания на такие занятия: «шьют чоботное», «кормятца кузнечною работою», «делают кожвенное», «шьет портное», «кормятца серебряным мастерством», «кормятца кузнечною работою», «шьют шапки», «кормятца — покупают рогатый скот, бьют на продажу». Немало и таких приписок, как «кормятца работою», что указывает, повидимому, на людей, не имеющих определенных занятий, но живущих наёмом в самом городе или в «низовых городах».

В заключение приведу выдержки из «Описания путешествия в Сибирь неизвестного иностранца в XVII в. (1666 г.)», в котором описан Тобольск в том виде, в каком он предстал перед взором иностранца:

«Город на горе представляет собою крепость, укрепленную, однако, против набегов только стакетой из еловых деревьев, которые растут наверху палисадами, густо одно к другому, без травы и земляного вала; на вершине горы, прямо над рекой находится острог, сделанный только из дерева³; он имеет вокруг себя красивую деревянную стену, в которой бревно лежит на бревне, как на постройке избы; она достаточно высока: наверху ее находится крытая галлерея, в которой вырублены бойницы; внизу такой же системы постройки — стены с камерами, в которых теперь хранится казна; но если бы пришел неприятель, там могли бы поместиться солдаты; она также имеет 9 красивых деревянных башен с восьми углах, крепко построенных, двое ворот, обращенных к городу, и одни — к воде.

¹ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников, 1889, стр. 138.

² Тобольск. Материалы для истории города XVII—XVIII ст., М., 1885.

³ Постройка каменного города в Тобольске относится к 1699—1706 гг. Строителем его был сибирский летописец и автор чертежной книги Сибири Семен Ремезов. См. Андреев А. И. Очерки источниковедения Сибири, 1940 г.

В этом остроге нет других зданий, кроме государевых приказов или канцелярий и дворца, в котором живет воевода, и небольшой русской церкви, сделанных из дерева, а также отделанного камнем и похожего на погреб сооружения, в котором хранится а м у н и ц и я... Сюда сносят все сокровища, которые собираются для царя со всей Сибири, как то: соборей, черных, белых, красных и серых лисиц, бобров, рысей, белок и прочее, что идет из страны, так как каждая провинция ежегодно приносит то, что с нее следует... Когда наступает зима, все это добро должно быть на санях препровождено в Москву... Что же касается нижнего города, лежащего под горой, у реки, то он больше по размерам, и подобно верхнему городу имеет только одну большую улицу, проходящую через него, но также ряд маленьких улиц и узких переулков, так как дома очень тесно стоят друг к другу; одна сторона находится вдоль реки, а другая тянется полумясцем до самой горы... Этот нижний город совсем открыт, как местечко, и населен русскими, бухарцами и татарами.

Русские промышленяют здесь, главным образом, ловлею рыбы, которая водится в обеих реках... также промышленяют они разным зерном, продавая и перепродавая его, и другим барышничеством, так что можно сказать, всякий из них хочет поступить по-купечески. Здесь живут также многие ремесленники, как то: кузнецы, сапожники, портные, кожвенники и др., но заниматься земледелием никто из них не хочет...

Значительная часть этих людей состоит на государственной службе в качестве рейтеров (кавалеристов), солдат, стрельцов, конных и пеших казаков, которые получают каждый свое годовое жалование...

Татары также имеют в нижнем городе у реки свой собственный квартал, в котором они обстраиваются и живут; однако земли их находятся в этой области при деревнях вокруг города... Зимой некоторые из них живут в городе в своих юртах, которые они строят низкими, из дерева».

Город *Тара* — в течение рассмотренного времени был окраинным городом в полосе русской оседлости. Он чаще других сибирских городов подвергался вражеским нападениям. Такое положение города отразилось прежде всего на составе его населения. По данным 1624 г., приво-

димым П. Н. Буцинским, состав населения города Тары поражает отсутствием посадских людей и ничтожным количеством пашенных крестьян. Отсутствие первых объясняется тем, что город Тара был долгое время тупиком, здесь заканчивалась линия хозяйственных сообщений.

Незначительная торговля находилась в руках служилых людей и в особенности бухарцев. Последние, как мы знаем, попадали сюда на судах, привозивших с Ямышева озера соль.

Земледелие также находилось в руках служилых людей, некоторые из них на своих пашнях основали деревушки. Хлебопашество, несмотря на наличие плодородных земель, находилось в зачаточном состоянии до тех пор, пока граница русской оседлости не была отодвинута далеко к югу, что относится уже к началу следующего XVIII в.

Город Тара поэтому не числился среди «пашенных» городов и всегда нуждался в привозном хлебе. Он был начальным пунктом экспедиций, снаряжаемых вверх по Иртышу за солью.

Город *Березов* находился в центре богатой пушнинной территории, населенной хантами, маньсями и ненцами, платившими ясак. К нему шел путь из Тобольска, который далее направлялся на север, в Обдорское зимовье: летом по Оби, зимою нартами на собаках, которых гоняли ясачные ханты, а оттуда до Мангазейского городка водным путем в кочах. Этот путь сообщения скрещивался в городе Березове с другим, который, начинаясь на р. Енисее в Енисейском остроге, по Кети в обход Томска, пересекал Урал, выходил к Ижемскому слободу на р. Ижме, притоке р. Печоры. По этому пути посылались к государю в Москву «мягкая рухлядь», собирающаяся у населения по р. Енисею.

Весь край, в центре которого возник город Березов, был очень скоро окончательно завоеван. Население покорно вносило ясак «мягкой рухлядью».

Значение Березова как места сбора пушного товара было усилено устройством нескольких застав, не позволяющих проезжим русским торговцам проникать в Сибирь по другим дорогам, либо, наоборот, контрабандный вывоз на запад пушнины из Сургута, Томска и других сибирских городов и острожков.

Таких застав было несколько. Одна из них — Собская застава — была устроена (в 1618 г.) несколько выше устья р. Собы, впадающей в р. Обь; она запирала дорогу из бассейна Печоры, через короткий волок по р. Собы. Против Собской заставы на правой стороне р. Обь, при р. Полуде, несколько раньше был построен Обдорский острожек или Носовой городок, где происходил сбор ясак с ненцев и хантов, которые сами приходили в этот городок и приносили ясак. В Собскую заставу и Обдорск ежегодно посылались служилые люди и целовальники для сбора пошлин с торговых и всяких проезжих людей.

Еще один путь вел с запада через Урал по южной протоке южнее города Березова, соединявшей р. Обь с р. Сосьвой. Основанная здесь застава называлась Киртасской.

Устройство Собской заставы, Обдорского острожка и Киртасской заставы на сибирских дорогах, обходивших с севера и юга город Березов, подняли хозяйственное значение последнего. В Березов стекалась пошлина, собиравшаяся деньгами и натурой на заставах; с другой стороны, русские торговцы прямо проезжали в Березов, не задерживаясь на заставах. В Березове и отчасти в Собской заставе летом пребывало множество русских купцов или их приказчиков для меновой торговли с хантами, маньсями и ненцами. Здесь они сбывали местному населению разные дешевые вещи русского изделия, а взамен получали соболей и бобров. Отсюда часть товаров, привозимых русскими купцами, расходилась по другим сибирским городам и острогам. Мягкая рухлядь, собирающаяся в государеву казну, в виде ясак или для уплаты пошлин, отсылалась в Москву, все другие товары распродавались на месте.

Вполне понятно, что Березов являлся очень важным торговым центром, мало уступающим в хозяйственном отношении Тобольску, но все его значение было основано на торговле мягкой рухлядью.

Торговля служила источником значительных по тому времени поступлений в государеву казну таможенных пошлин. Отсутствие местного хлеба делало необходимым привоз его из Тобольска.

Город *Мангазель* — был городком, оказочная слава которого промелькнула метеором в первой половине XVII в.

Известность Мангазен объясняется ее положением в местности между Обской губой и низовьем Енисея, славившейся богатыми пушными ресурсами. По словам самих промышленников, в 1617 г. они ходили морем в Обскую губу и в Мангазею «для своих промыслов» с Двины, с Пинеги и с Мезени «лет по 20 по 30 и больше»¹.

Мангазейский городок лежал на одной из главных дорог, по которым торговые люди пробирались в Сибирь. Это была морская дорога, которая шла из Архангельска через Баренцево море, по речкам Мутной, Зеленой в Обскую и Тазовскую губы, а из последней в р. Таз. В 1619 г. правительство Михаила Федоровича, опасавшееся, что этой дорогой могли воспользоваться «немцы» (англичане и голландцы) для проникновения в Сибирь, запретило под страхом смертной казни плавать этим путем в Мангазею и обратно. Чтобы это запрещение не нарушалось, на волоке между речками Мутной и Зеленой была устроена застава, которая преграждала морской путь в Сибирь. После этого некоторое время до полного заката Мангазен сообщение с нею и с острогами по Енисею шло через «Камень», низовьем р. Оби и р. Таз до впадения р. Волочайки, вверх по Волочайке до волока, от волока на каюках и стругах до другой р. Волочайки и ею вниз по р. Турухану до устья последней и затем вверх по р. Енисею до Енисейского острога.

«Закинутый в глубь студеной тундры, — пишет С. В. Бахрушин, — почти под самый полярный круг, затерявшийся в беспредельных просторах северных болот, среди воинственных инородческих племен... отрезанный от Руси и даже от прочей Сибири бурями Мангазейского моря, Мангазейский город силою своего положения на одном из важнейших пунктов промышленного движения в Сибирь был в течение первых десятилетий XVII в. значительной станцией на пути торговли и промышленных людей на енисейские и ленские промыслы»².

Постоянного населения в городе не было, но из года в год, в начале осени, сюда прибывали морем караваны кочей, и безлюдный в обычное время город оживлялся.

¹ Русск. ист. библиотека. т. II, № 254, 10, стр. 1052.

² Бахрушин С. В. Легенда о Василии Мангазейском, «Известия Акад. наук СССР». Отд. гуманитарных наук, 1929, № 6, стр. 479 и его же «Мангазейская мирская община в XVII в.», «Северная Азия», 1929, № 1, стр. 50—54.

Ни в одном сибирском городе не было таких богатых сборов мягкой рухляди, как в Мангазее. Государева казна ежегодно получала из Мангазен мягкой рухляди минимум по московским ценам на 17 тыс. руб., а максимум на сумму около 30 тыс. руб.¹ Но Мангазея была золотым дном как для людей государственной казны, так и для торговых и промышленных людей. В одной челобитной торговых и промышленных людей автор, сравнивая старую Мангазею с Мангазеей позднейшего времени (Туруханское зимовье), писал:

«В прежнее время торговых и промышленных людей приходило в Мангазею человек до 600—700 и больше; с собольих промыслов возвращалось каюков по 100 и по 150 и больше, да из Енисейского острога приходило дощаников до 20, так что всяких людей на Мангазейскую ярмарку съезжалось тысячи по две и больше. А каковы тогда были торги и промыслы! У одного человека товара тысяч на 2, на 3, на 4, на 5 и более»².

Но пушные богатства по р. Пуру и р. Тазу оскудели, морской путь из устья Двины и Мезени, который был более коротким по сравнению с сухим путем через Уральский хребет, был запрещен, и Мангазея оказалась в стороне от «большой дороги». К тому же открылись новые места пушных промыслов по Тунгускому, Нижней и Средней. Опорным пунктом для этого нового района служило Туруханское зимовье, заложенное в 1609 г. у устья р. Турухан. Географическое положение зимовья лучше отвечало потребности «обискания и завоевания на восток». Более выгодное положение последнего было причиной того, что хлеб из Тобольска для промена на меха стали возить не через Березов, а водной дорогой от устья Иртыша по Оби мимо Сургута, затем по р. Кеть и Ваху и, наконец, по Енисею³. Снабжение Енисейской Мангазен (Туруханское зимовье) хлебом во много раз облегчилось по сравнению со снабжением Тазовской Мангазен, так как при впадении р. Турухана в Енисей надо было пере-

¹ Буцинский П. Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645), 1893, стр. 49—50.

² Там же, стр. 55.

³ «Ничего тягостнее не было, как возить съестные припасы из Тобольска Тазским морским заливом, на котором пути пропадали иногда суда с людьми и с товарами» (Фишер И. Сибирская история, 1774, стр. 391).

служилых людей, которые были его основателями и первоначальными жителями. Об их происхождении можно составить представление из показаний служилых людей, приведенных в «Именных книгах служилых людей, 1680 г.»¹. Из них видно, что рядом со значительной группой уроженцев Москвы была группа из великорусских городов (Рязань, Великие Луки, Крапивна, Новгород, Ярославль, Галич и др.), из северных городов (Солликамск, Сольвычегодск, Мезень, Пинега, Вага и др.), были, наконец, уроженцы сибирских городов, более всего из Березова и Сургута. Кроме служилых людей, в Томске в 1608 г., т. е. вскоре после основания его, были присланы в «пашенные» люди 36 человек, сосланных «за опалу».

В течение следующих трех десятилетий прибывали присланные из разных городов или «прибранные» воеводами. В 1635 г. в мужском взрослом населении Томска числилось 719 чел.², из которых посадских было 72 чел., пашенных крестьян — 92 чел., остальные принадлежали к служилым людям: детям боярским, конным и пешим казакам. Большая часть служилых людей была всегда в отлучке: одни посылались в Тобольск за хлебом, другие в Москву с «соболиною казною», третьи рассылались в Кузнецкий острог или в нижеобские острожки «для оберегания» и т. д. Таким образом из 600 чел. служилых людей фактически в Томске оставалось всего 150, а все наличное постоянное население Томска, спустя 30 лет после его основания, не достигало 400 чел.

Положение Томска вблизи враждебного населения на долгое время закрепило в нем черты военного поселения. В конце XVII в. население города увеличилось значительно. Одних служилых «всякого чина людей» было уже 1 121 чел., количество посадских и оброчных увеличилось также значительно и составляло 270 чел.³ Среди служилых людей были мельник, кузнец, котельщик и даже часовщик. Кроме того, в Томске жили и пашенные кре-

стьяне, число которых невозможно определить по документам. В окрестностях Томска хлебопашество за это время успело развиться настолько, что уже в 1644 г. хлебное жалование служилым людям было заменено денежным.

Среди неслужилого населения Томска сначала были только пашенные люди, потом усилился посадский элемент. Пашенные крестьяне обязаны были пахать «на государя» «по десятине в поле». Посадские (или жилецкие) не только платили оброк, но и давали в казну хлеб со своей пахоты.

«Именные книги томских жилецких и посадских людей, в 1671 г.» выделяют среди посадских группу людей, которых книги характеризуют как «люди бедные и малосильные, без дворов и пашней, на себе не пашут»¹. Эти люди не были в состоянии уплатить оброк.

Во второй половине XVII в. хлебопашество сделало дальнейшие успехи, и служилые люди уже продавали свой хлеб в Тобольске.

Географическое положение Томска в окружении разнородных хозяйственных территорий (таежно-промысловых, пастбищно-животноводческих, горно-промысловых и др.) заключало в себе такие условия, которые способствовали развитию экономических связей между ними и сосредоточию центра этих связей в Томске. Некоторые факты, относящиеся к середине XVII в., показывают зародыши этого процесса, которому предстояло развиться в последующее время (в XVIII и особенно в первой половине XIX в.).

По данным середины XVII в. раз в год, обычно осенью, приходил в Томск из Тобольска обоз, с «русскими» товарами: сукно сермяжное, холст, рубахи ярославские и штаны, зипуны и кафтаны, чулки и сапоги, топоры и пилы, пуговицы и булавы, ложки и писчая бумага. Эти товары затем расходились по ближайшим острогам: в Кузнецк, Нарым, Енисейск.

Из Бухары и Джунгарии караваны доставляли среднеазиатские товары к Ямышеву озеру, куда являлись русские торговцы, которые, совершив обмен, отправлялись с этими товарами обратно в Томск. Телеуты и др. при-

¹ Томск в XVII веке. Материалы для истории города, стр. 56—136.

² Томск в XVII веке. Перечневый список населения Томска (1635), стр. 30.

³ Там же, стр. 48—49.

¹ Томск в XVII веке. Перечневый список населения Томска (1635), стр. 53.

ходили в Томск несколько раз в году, пригоняя лошадей и рогатый скот, привозили соболей, лисиц, куниц. Из окружающих промысловых местностей доставлялись меха, которые попадали в руки русских торговых людей и с приказчиками отсылались летом в Москву. Мыло и кожи изготовлялись в самом Томске и развозились по другим городам¹.

Кузнецкий острог по сравнению с другими острогами оказался в наиболее тяжелом положении. Долгое время это был единственный пункт русской оседлости среди чуждого и враждебного населения. Посаженные в Кузнецке на службу служилые люди и пашенные крестьяне стремились покинуть эти места, где голодная жизнь в условиях постоянных походов была бесконечно тяжелой. Однако, под влиянием принуждения властей для одних и личного интереса, связанного с наживой, для других, в Кузнецке и в ближайшей к нему местности складывался костяк постоянно жившего русского населения, промышленявшего пушнинами, заводившего пашню, торговавшего и т. д. Основа хозяйственной жизни Кузнецка была та же: собиране ясака, но размеры ясака, собираемого в Кузнецке, составляли значительную величину, и вместе с тем относительно больших размеров достигала и торговля пушнинами и скупка ее у звероловов.

Ясачный доход для города Кузнецка в конце XVII в. (1698 г.) в сравнении с Томском выражался в следующей относительной величине².

	Кузнецк	Томск
	(в процентах)	
Ясачный (пушной) сбор . . .	80,0	56,0
Другие местные сборы . . .	20,0	44,0

В то время как в городах, лежащих на торговых путях Западной Сибири (Тюмень, Тобольск), добыча пушнины к концу XVII в. вытеснялась другими видами хозяйственной деятельности: земледелием, промыслами, торговлей и др., для Кузнецка, лежавшего в стороне от этих путей, в глубине котловины, ясак дольше сохранял свое основное значение. Но под влиянием хищнического ист-

ребления зверя, раскорчевки и выжигания лесов под пашни и выпаса, производимые увеличивающимся земледельческим населением, пушной промысел, а с ним ясак и пушная торговля, как экономическая основа городской жизни, должны были и здесь неизбежно потерять свое значение.

*
*
*

В результате ознакомления с хозяйственной жизнью городов Западной Сибири в XVII в. мы приходим к следующим выводам.

Западносибирский город в XVII в., возникший из укрепления, который служил в первое время исключительно военным опорным пунктом, под влиянием этой своей основной функции постепенно превратился в очаг хозяйственной жизни: он собирает ясак, насаждает в округе земледелие, перевозит грузы, торгует и занимается ремеслом.

Но военный характер города не давал развиваться этим элементам хозяйственной жизни и держал их в зародышевом состоянии. Близость города к границам русской оседлости надолго сохранила в нем черты военного поселения. Это находило свое выражение прежде всего в составе населения (служилые люди, посадские и др.).

Между различными категориями жителей не наблюдается сколько-нибудь заметного разделения в области труда (земледелие, торговля, промыслы).

Слабое развитие профессионального разделения выражалось в двух формах: в постоянном переходе одних и тех же людей от одних занятий к другим и в совмещении одними и теми же лицами различных занятий (например, приходившие в город торговать шли в служилые люди, так как заниматься торгом с местным населением служилым было удобнее).

¹ Потанин Г. Н. Привоз и вывоз товаров города Томска в половине XVII столетия (1652 г.). Вестн. ИРГО, 1859, ч. 27, стр. 144.

² Данные вычислены К. Спидченко по ведомостям о ясачных доходах.

III. ПЕРЕМЕНЫ В УСЛОВИЯХ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII И В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Устройство южных укрепленных линий (Пресногорьковской, Иртышской, Воскресенско-Колыванской и Кузнецкой) и заселение лесостепной полосы. Социально-экономическая характеристика периода между политическим завоеванием Западной Сибири феодальной Русью и экономическим ее завоеванием русским капитализмом. Формы организации торговли. Элементы общественно-географического разделения труда (первые очаги товарного земледелия на юге, район мелких крестьянских промыслов, район горнозаводской промышленности и др.). Взаимное географическое положение хозяйственных территорий и направление грузового движения. Главнейшие трактовые, водные и караванные пути сообщения. Выводы.

В течение рассматриваемого периода хозяйственная жизнь Сибири развивалась несравненно медленнее, чем в центральных областях России, но все же в конце этого периода произошли большие изменения в положении Сибири в системе феодально-крепостнической России и особенно в развитии хозяйственной жизни в разных частях Западной Сибири. Выяснение этих изменений вводит нас в понимание тех географических взаимоотношений, которые сложились между Западной Сибирью и Европейской Россией, а также между отдельными хозяйственными территориями самой Западной Сибири. Эти географические взаимоотношения создали новые условия для развития городов в зависимости от их географического положения.

В первые десятилетия XVII в. все еще продолжалось неукротимое стремление русских служилых и торговых людей в Сибирь на восток. После основания Кузнецка в 1618 г. наступил длительный перерыв в расширении государственной территории в Западной Сибири.

По южной границе русской оседлости лежали города Тюмень и Тара на западе, Томск и Кузнецк — на востоке. За исключением Кузнецка, остальные города лежали по южной границе лесной полосы.

К югу от этой границы была иная природа, иные народы: там простиралась Тоболо-Ишимская лесостепная полоса с черноземными плодородными почвами, орошаемая Тоболом и Иртышом и их притоками; преобладали удобные для земледелия пространства, сравнительно продолжительное и очень теплое лето создавало благоприятные условия для земледелия.

Далее на восток лежала Барабинская лесостепь, где была та же ширь и гладь, те же черноземные плодородные почвы и березовые перелески, перемежающиеся с обширными полянами; но в отличие от Ишимской лесостепи в ней были обширные озера, окруженные болотами, менее благоприятные климатические условия и сравнительно меньше площадей, пригодных для хлебопашества. В то время как в лесной полосе русская колонизация сталкивалась с малолюдными, разбросанными на громадном пространстве стойбищами северных народов, лесостепное и степное пространства к югу от пограничной линии были в распоряжении кочевых народов, куда они приходили в летнее время со своими стадами. Казахи Средней Орды, зимовки которых находились по рекам Сарысу и Чу и по среднему течению Сыр-дарьи, летом кочевали по рекам Тоболу, Ишиму и Иртышу. Это были более многочисленные и более подвижные группы хорошо вооруженных и воинственных кочевников, которые двигались из степи отдельными волнами.

Пограничным пунктом русских владений считалось Ямышьево озеро, откуда русские города снабжались солью, но вся местность по Иртышу от Тары до озера не имела никаких русских поселений. Джунгары считали своим владением всю территорию до р. Оми.

Кочевники по временам приближались к пограничным русским слободам. В первые десятилетия XVIII в. документы отмечают, что кочевники по Ишиму и другим рекам «его величества людей, конечно, разоряют, в полон увозят и побивают, скот отгоняют, пожитки грабят, дворы, хлеба, сена жгут»¹.

¹ Памятники Сибирской истории XVIII в., т. II (1713—1724), СПб, 1885, № 106.

Указы предписывают, чтобы «во всех Тобольского уезду в острогах и слободах всякого чина людей от незапного приходу воинских людей Казачьей орды и Башкирцев жилин с великим опасением и осторожностью и к обороне имели ружье как огненное, так и острое»¹.

Постоянные набеги южных соседей на порубежную полосу русской оседлости, стремление стереть с лица земли русское население, нарушение торговых сношений с восточными странами — Средней Азией и Западным Китаем, наконец, наличие в лесостепи пространств для земледельческой колонизации, острая нужда в хлебе, испытываемая Сибирью, заставили московское правительство перейти от обороны к наступлению вначале против остатков Кучумовой орды, затем втянуться в продолжительную борьбу с другими обитателями степи.

Для защиты пограничной полосы русским воеводам пришлось строить новые временные укрепления. Так возникли к югу вверх по р. Тоболу Ялуторовский острог и позже Царево-Городище (впоследствии город Курган); вверх по р. Вагаю Утяцкий острог; вверх по р. Ишиму остроги Абацкий и Коркинский (впоследствии город Ишим).

Строительством острогов правительству удалось к концу XVII в. вытеснить кочевников к югу, а политикой взаимного истребления враждовавших народов (джунгар, казахов и др.) чрезвычайно ослабить их. В начале XVIII в. с новой силой возобновилось движение по закреплению новых государственных рубежей, причем на первый план выдвинулась линия по р. Иртышу на всем огромном расстоянии от города Тары до верховья. В 1715 г. была построена Ямышевская крепость, а в 1716 г. — Омская.

Основание этих крепостей было связано с поисками по повелению Петра где-то внутри Джунгарии, вблизи города «Еркеги», золота. В 1715 г. экспедиционный отряд подполковника Бухольца, отправленный вверх по Иртышу на 32 дощаниках и 27 лодках, прибыл к Ямышевскому озеру и, оставшись зимовать, заложил здесь небольшое укрепление. Однако, после четырехмесячной блокады отрядом джунгар, Бухольц был вынужден срыть крепость и отступить под их напором к устью р. Оми.

¹ Памятники Сибирской истории XVIII в., т. II (1713—1724), СПб., 1885, № 97.

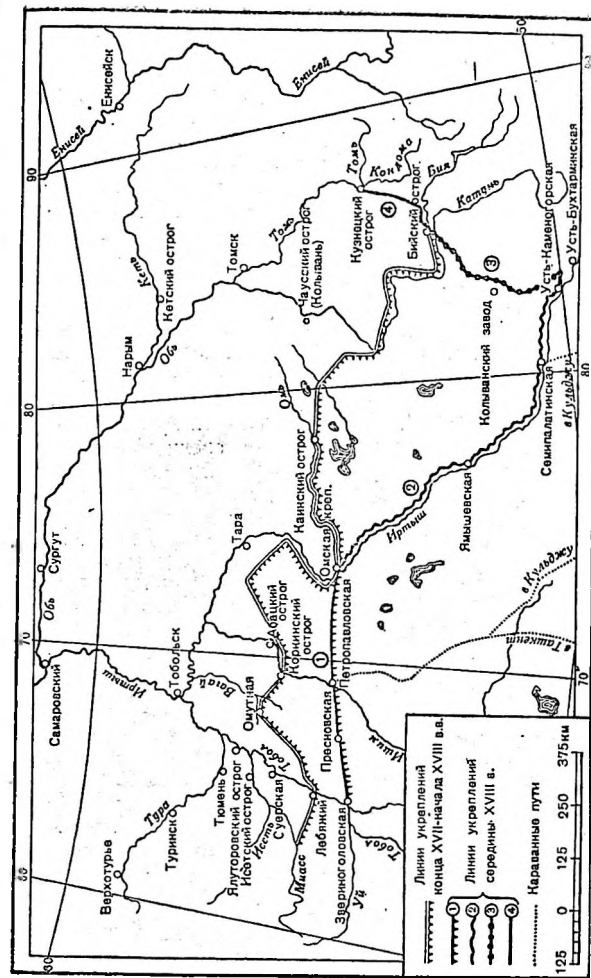

Рис. 8. Линии южных укреплений в Западной Сибири в XVIII в.

1—Преснорыбловская (горыская) линия, 2—Иртышская линия, 3—Колывано-Воскресенская линия, 4—Кузыльская линия

Остановившись в этом месте, Бухольц, по указанию Сибирского губернатора Гагарина, приступил в 1716 г. к постройке укрепления на левом берегу р. Оми, недалеко от места впадения ее в Иртыш. По прежним донесениям было известно, что в этой местности много земельных угодий, что здесь находился «через Иртыш перевоз» джунгарских людей. Заложенная Бухольцем крепость и послужила зерном, из которого развился будущий Омск.

Так в ходе расширения государственной территории в Западной Сибири на юг и укрепления ее южных границ во второй половине XVIII в. окончательно сформировалась непрерывная укрепленная линия (рис. 8). Будучи продолжением Оренбургской, она служила границей между Южной Сибирью и Средней Казахской ордой. Она начиналась у р. Тобол, пересекала р. Ишим (вследствие чего ее называют иногда Ишимской), где была выстроена Петропавловская крепость (1752 г.), и упиралась в р. Иртыш у города Омска. Так как эта линия проходила через район с большим количеством озер, среди которых было много горьких и соленых, она получила название *Горькой* или *Пресногорьковской* линии.

Линия тянулась, по словам Фалька, на 350 верст и состояла из 8 крепостей и 17 редутов между крепостями. Для защиты водораздельных пространств, не прикрытых рекой, между укреплениями были установлены рогатки и беспрестанно ездили дозоры.

К Горькой линии примыкала вдоль р. Иртыша вторая — *Иртышская* — линия. Каждая крепость на этой линии состояла из укрепления, обнесенного валом и рвом. Внутри его находились офицерские дома, казармы и конюшни. Выше и ниже редута располагались селения, жители которых состояли из «высылаемых из России за невеликие преступления на поселение» (П. С. Паллас). Между крепостями располагались пикеты, четырехугольные постройки с караульной, надолбами, рогатками. Иртышская линия заканчивалась Усть-Каменогорской крепостью и таким образом отрезала Алтай от Казахстана, чем облегчался переход первого к России. Омская крепость стала центром, к которому сходились и смыкались Пресногорьковская и Иртышская линии.

После открытия на Алтае в горе Синюхе, около Кольванского озера, медной руды и основания уральским промышленником Демидовым в 1726 г. первого Кольвано-

Воскресенского завода, а затем целого ряда рудников и нескольких заводов по выплавке медных и серебро-свинцовых руд, необходимо было создать новые линии укреплений для защиты их от набегов с юга. Новая линия, построенная в 1759 и 1764 гг., начиналась от р. Иртыша, проходила вверх по р. Убе, затем по р. Алею. Эта часть новой линии получила название *Кольвано-воскресенской*. От р. Чарыша по целому ряду основанных форпостов шла другая часть линии через Бийскую крепость к городу Кузнецку, называвшаяся *Кузнецкой линией*.

* * *

Исследователи заселения Западной Сибири отмечают уже для второй половины XVII в. образование крестьянского массива в ее юго-западной части. Таковы местности близ городов Верхотурье, Тюмень и др. «Сжатые в своем стремлении к разуплотнению соседними ясачными волостями или русскими же слободами, они испытывают земельную тесноту, распределив между дворохозяевами весь наличный земельный фонд»¹.

Неизвестный иностранец — середины XVII в. (1666 г.) — описывает в своих путевых записках, между прочим, деревню Кулаково, хорошо застроенную большими деревянными домами, очень красиво расположенными: «Направо от нее находится местечко, выше — плодородное поле, на котором растет много хлеба, слева же течет река Тура, которая дает много рыбы; здесь много также сенокосных лугов, поэтому местные крестьяне живут богато, занимаются земледелием и рыболовством»².

К середине и второй половине XVII в. относится появление ряда селений, получивших название «слобод». Рассматривая слободской тип поселения, В. Шунков отмечает двоякий смысл названия «слобода». «С одной стороны, — пишет автор, — это первоначальное поселение на отведенном для заселения участке, которое становилось центром для всех селений данного участка. Здесь находились острог, церковь, двор приказчика, государевы амбары. В слободе жили церковные причетники,

¹ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв., 1946, стр. 83.

² «Исторический архив», т. 1, 1936.

судные дьячки, служилые люди (беломестные казаки). Здесь же находилась часть крестьянских дворов. Возле слободы расположены государевы десятины. С другой стороны, слобода — это территория, которая составляется из слободы в узком значении этого слова и всех «тянувших» к ней селений (деревень)... Возникновение деревни на слободской территории шло путем образования отдельными крестьянами самостоятельного поселения, называемого заимкой или деревней»¹.

Автор далее замечает, что подобные деревни положили начало многодворным сибирским селам позднейшего времени.

Слободы возникали преимущественно на южной границе русского расселения, причем многие из них выросли из небольших укреплений (острогов), построенных в XVII в. по р. Тоболу (Белозерская, Утыцкая) и по Ишиму (Абацкая, Коркина и др.)². Появление слобод на южной окраине несомненно связано с усилением оборонительных сил московского государства в Западной Сибири и с уменьшением опасности от набегов кочевников из южных степей, которых внутренние раздоры сильно ослабляли, хотя в течение еще долгого периода они останутся грозной опасностью для русских поселений, выдвинувшихся за пределы таежной полосы. Первыми жителями возникших слобод были «охочие люди», которых правительство посылало для занятия земледелием. Так как многие слободы возникли из укреплений (острогов), то этим объясняется, что в документах XVIII в. они значатся как укрепления, где был «город, лежащий в столбах, надолбы, рогатки и ров и при городе одна проезжая башня» (Иковская слобода); или старинный острог, при котором был и город, «кремль, рубленный в углы, с проезжей башней и воротами, кроме того город лежащий в столбах с тремя проезжими воротами, надолбами, рогатками и

рвом» (Суерская слобода) и т. д.¹. Стратегическое значение слобод сделало необходимым посылку сюда служилых людей, которые служили не за хлебное или денежное жалование, а «с пашни», т. е. за свою службу получали определенный надел земли. Так образовались вблизи слобод деревни и поселки, которые «тянулись» к определенным слободам. Начальник каждой слободы назывался «прикащиком» и был подчинен воеводе².

Из названных выше слобод следует выделить те, которые впоследствии превратились в города. К их числу принадлежат слободы Ялуторовская, Коркина и Царево-Городище.

Ялуторовская слобода возникла в 1639 г. как острог на месте давно оставленного жителями городища Явлутура, вблизи места впадения р. Исеть в р. Тобол. В половине XVIII в. в слободе был «острог стоячий», кругом него «лежащий город, забранный в столбы». Коркинский острог, возникший в 1680 г. на левом берегу р. Ишима, превратился в слободу в первой четверти XVIII в.³ Слобода (впоследствии город Ишим) очень рано приобрела значение торгового поселения, здесь происходила меновая торговля жителей слободы с казаками, пригонявшими лошадей, крупный рогатый скот, баранов.

Слобода Царево-Городище, возникавшая предположительно в 1662 г., получила свое название от занятого ею места, где прежде было татарское городище, называвшееся Царевым. Новая слобода называлась еще иначе «Царев-Курган», от земляной насыпи, находившейся в одной версте к юго-западу от нее. К концу XVII в. берега Тобола начали обваливаться, угрожая строениям города. Большая часть жителей переселилась ниже по Тоболу на место нынешнего города Кургана, а старый поселок был переименован в селение Курганское⁴. Так как пограничная линия шла по р. Тоболу, то новое, в то время наиболее удаленное русское поселение,

¹ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв., 1946, стр. 90—91.

² Данные о времени появления слобод крайне противоречивы. Приведем пример. Появление слободы Царево-Городище (впоследствии город Курган) «Стат. географ. словарь» относит к 1633 г.; «Городские поселения» нето к 1637 г. (т. 5, стр. 160), нето к 1680 г. (там же, стр. 162); «Россия», т. XVI, к 1616 г., «Сибир. энциклопед.», к 1616 г. И. В. Щеглов в «Хронолог. перечень важнейших данных Сибири» к 1663 г.

¹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. XVI, Зап. Сибирь, стр. 432—434.

² Дмитриев А. Верхотурский край в XVII веке, сборник «Пермская старина», стр. 80—81.

³ Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных Сибири (1032—1882), Иркутск, 1883, стр. 123.

⁴ Абрамов Н. Слобода Царево-Городище. Вестн. Русск. Геогр. общества, 1854, ч. XI, стр. 101.

было обращено в укрепленный пункт. Укрепление состояло из бревенчатого стоячего тына с башнями, на долбах и было окружено рвом и валом.

Постройка Горькой (Шинимской) линии содействовала заселению района Царево-Городище и дала возможность двинуться оседлому населению далее к югу. Крепость Царево-Городище осталась почти на 150 верст севернее укрепленной линии и обратилась в слободу. В 1771 г. ей принадлежали 26 деревень¹.

Расширение государственных границ к югу и создание по границе линии укреплений сопровождалось передвижением населения в том же направлении, образованием новых слобод и деревень.

«Чертежная книга Сибири» Семена Ремезова, составленная в самом конце XVII в., дает общую картину русского расселения на рубеже двух веков.

В северной части Березовского и Сургутского уездов русских поселений, кроме городов, не было совсем, а в Нарымском уезде поселения появились лишь на юге, по притокам р. Парабели. В Тобольском уезде деревни располагались вверх и вниз по Иртышу и притокам.

Самым населенным уездом был Верхотурский, где на карте резко выделяется густая сеть русских поселков. В Тюменском уезде деревни около города располагаются гуще к северу, чем к югу. В пределах Тарского уезда показан один острог и несколько деревень. Уезды Томский и Кузнецкий были старыми оазисами русской колонизации. Деревни шли вверх по течению Томи и ее притокам. Много деревень оказалось по течению рек Яи и Кии (система Чулыма). Около города Кузнецка было немного деревень, выше по Томи их почти не было².

В 1697 г. так называемая Ордынская дорога в «Казачью орду» (Казахстан) шла «слободами» вверх по р. Тобол: Тарханским острогом, слободами Ялуторовской, Суерской, Усть-Суерской, Белозерской, Иковской, Царево-Городище, Утяцкой, Калмыцкой³.

¹ Абрамов Н. Слобода Царево-Городище. Вестн. Русск. Геогр. общества, 1854, ч. XI, стр. 103.

² «Чертежная книга Сибири» С. Ремезова; см. Головачев П. М. Очерки заселения Сибири в XVI и XVII ст., СПб., 1906, стр. 38—41.

³ Расспросные речи возвратившихся из Казачьей Орды Тобольского казака Федора Скибына в сборнике «Материалы по истории Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана».

Довольно точную картину географического распределения в самом начале XVIII в. позволяет нарисовать перепись дворов и населения, проводившаяся во вновь образованных при Петре I губерниях и связанная с введением последних. Перепись в пределах Сибирской губернии происходила в 1710 г. Данные этой переписи могут быть сведены в следующую таблицу.

Географическое распределение дворов и населения в 1710 г. в городах и уездах Западной Сибири¹

Города и уезды	Количество дворов	Количество людей обоего пола (тыс. чел.)	То же в ‰
I. Западные города и уезды по Сибирскому тракту:			
Верхотурье	4 440	33,2	13,4
Туринск	1 271	8,4	3,4
Тюмень	3 053	19,0	7,7
Тобольск	19 707	141,4	57,3
Тара	1 861	10,4	4,2
Всего	30 332	212,4	86,0

II. Северные города и уезды			
Пелым	323	2,2	0,9
Березов	264	1,9	0,8
Сургут	179	1,1	0,4
Нарым	212	1,4	0,6
Кетский	85	0,6	0,2
Всего	1 063	7,2	2,9

III. Восточные города и уезды			
Томск	3 203	22,3	9,0
Кузнецк	674	5,0	2,1
Всего	3 877	27,3	11,1

Итого по Западной Сибири	35 272	246,9	100,0
------------------------------------	--------	-------	-------

¹ Ключков М. Население России при Петре Великом по переписи того времени, т. I. Перепись дворов и населения (1678—1721 гг.), СПб., 1911.

Таблица показывает, что 85—86% дворов и населения расположились вдоль единственного тракта, который вел из Московской Руси в Сибирь. Здесь в западных городах и уездах в конце XVII в. и в начале XVIII в. сосредоточилась подавляющая часть населения Западной Сибири. Самым южным сгустком населения оказался Тарский уезд. Дополняя материалы переписи 1710 г., в которой данные приурочены к административным единицам, теми сведениями о фактическом распределении селений и слобод по территории Западной Сибири, которые дает «Чертежная книга» С. Ремезова, мы считаем неправильным вывод А. Г. Гагемейстера, который, имея дело только с данными переписи 1710 г., пишет, что южная половина Тобольской губернии «вовсе не была заселена»¹.

В действительности южная половина начала заселяться еще в XVII в., когда начался процесс «сползания» населения по Тоболу, Ишиму, Вагаю к югу от границы тайги в полосу лесостепня, где уже появился ряд укреплений в близком и опасном соседстве с южными кочевниками.

В XVIII в. этот процесс усиливается и с особой силой проявляется во второй половине этого века, когда благодаря принятым мерам (созданию Пресногорьковской и Иртышской линий) одна часть кочевого населения оказалась отгесненной далеко в южные степи, другая же часть, оставшаяся в тылу, вынуждена была переменить свой образ жизни.

Для середины XVIII в. (1749—1750 гг.) мы располагаем сведениями о числе деревень, сел, слобод, приписанных к Тюмени, Ялуторовску, Ишиму, Таре и др.² Эти

¹ Гагемейстер А. Г. Статистический обзор Сибири, 1854, ч. II, стр. 56—57. Цифровые данные о количестве дворов у А. Г. Гагемейстера по всем уездам ниже данных, приводимых М. Ключковым.

² Эти сведения были собраны по приказанию генерала Киндермана с целью узнать, каким количеством мужского населения в возрасте от 15 до 50 лет и оружия располагает военное начальство на случай ожидавшегося нападения Джунгарии на южные границы Западной Сибири. Они были опубликованы Г. Н. Потаниным в Вестнике Русск. Геогр. общ., 1860, № 8 («Сведения о числе жителей в Западной Сибири в половине XVIII ст.»). См. также «Список насел. мест по Тобольской губ.», стр. 101 и далее.

данные, несмотря на неполноту, позволяют выяснить, какие изменения произошли в размещении населения на юге по сравнению с «Чертежной книгой» С. Ремезова.

Если сгруппировать приводимые данные не по административным единицам (воеводствам и дистриктам), как это сделано в статье Г. Н. Потанина, а по рекам, причисляя к той или иной реке как населенные места (деревни, села, слободы и др.), расположенные у самой реки, так и те, которые располагались вдали от реки с обеих сторон ее в направлении водоразделов, то мы получим следующую таблицу:

Название реки	Число населенных мест	В них мужского населения от 15 до 50 лет	И з н и х							всего
			городов	острогов	слобод	сел	деревень	постов	татарск. юрт.	
Тура ¹ . .	123	4 276	1	—	—	7	82	—	33	123
Тобол ² . .	164	6 404	—	2	9	3	150	—	—	164
Ишим . .	132	2 938	—	—	4	3	125	—	—	132
Иртыш ³ . .	52	2 024	1	—	4	—	43	4	—	52

Карта населенных мест юго-западной части Западной Сибири приобрела к середине XVIII в. следующий вид.

По Туре образовался довольно густой сгусток поселков во главе с городом Тюменью, к которому они тяготеи. Это был старейший район заселения Западной Сибири и, повидимому, здесь процесс образования новых поселков, если и не прекратился, то шел крайне медленно. Особенностью расселения этого района было значительное количество татарских поселений (юрт).

Густая полоса поселков шла вдоль Тобола, начинаясь приблизительно от Звериноголовской до впадения р. Исети в Тобол и по самой Исети; к северу сеть поселков становилась более редкой. Район этот по Тоболу южнее

¹ Начиная от места несколько ниже города Туринска и до впадения Туры в р. Тобол.

² Начиная от Звериноголовской до впадения в Иртыш.

³ Начиная от Омской крепости.

впадении Исети был новым районом заселения. Образование в этом районе поселков шло с особой интенсивностью в XVIII в., когда в соседних приуральских губерниях уже сложилось значительное земледельческое население, а вдоль южных границ протянулась линия укреплений, защищавших мирных жителей от набегов кочевников. Земледельцев привлекало сюда плодородие почв в пределах лесостепей. Особенностью расселения было наличие острогов (Ялutorовский, Суерский) и большого количества слобод, среди которых был и Царев-Курган (впоследствии город Курган), которые тянулись полосой вдоль Тобола.

Все пространство между Тоболом и Ишимом и далее до Иртыша, усеянное многочисленными озерами, почти не имело оседлых поселений. По р. Ишиму более или менее густая полоса поселков тянулась от Коркинской слободы (впоследствии город Ишим) к северу, но приблизительно на параллели Тара-Ялutorовск, т. е. там, где начиналась подтаежная, переходившая затем в таежную, полоса, число поселков резко уменьшалось.

Особенностью расселения по Иртышу было наличие одного города (Тара), одной крепости (Омской) и значительного количества слобод и погостов. В районе города Тары (по Иртышу) в начале XVIII в. заселение потянулось вверх по р. Таре (правый приток Иртыша) и по р. Оше (левый приток Иртыша).

По мере удаления казаков в дальнюю степь территория русского заселения расширялась и достигла того места, где Иртыш изгибался дугой, или лукой (отсюда название слободы Черполуцкой). Появились новые поселения на почтовой дороге Тобольск—Омск, куда население привлекалось приработками от обслуживания проезжающего населения¹.

Так под защитой возникших укрепленных линий началось заселение западносибирского лесостепья. Особенно быстро шло заселение тоболо-ишимской лесостепи. Население состояло в подавляющем большинстве из русских крестьян, захватывавших удобные для хлебопашества площади. Непосредственное соседство этой хозяйственной территории с горнопромышленным Уралом на западе и в

начале водного пути ставили эту часть Западной Сибири в особо благоприятные условия.

Барабинская лесостепь со своими обширными водоемами и болотными площадями, роями комаров и оводов начала привлекать к себе население лишь после заселения тоболо-ишимской лесостепи. Здесь между Иртышом и Обью во времена Пайласа на лугах и пастбищах паслись табуны диких лошадей, на которых охотилось приобское население.

Проезд через Барабу был небезопасен. Грабежом занимались не жители Барабы, а джунгары, приехавшие сюда для сбора дани с барабинцев для контайши (джунгарского хана). Проезжая в 1719 г. через Барабу, Бель, бывший в свите Л. В. Измайлова, посланника в Пекин, отметил, что последняя русская деревня отстояла в 60 верстах от города Тары, далее не было ни одной до самой Оби. Передвижение по Барабе продолжалось 10 дней¹.

Первые русские поселенцы в Барабу были привлечены в принудительном порядке. Надо было обезопасить проходившую по Барабе сухопутную дорогу, которой пользовались в экстренных случаях для посылки в Томск гонцов. Уже в 1713 г. на восточной оконечности Барабы был основан Чаусский острог, переименованный впоследствии в город Кольвань². В 1722 г. были построены в западной части Барабы три укрепления: Усть-Тартасское при впадении р. Тартас в р. Омь, Каинское по среднему течению р. Оми и Убинское на юго-западе от Убинского озера. Последнее укрепление после перенесения его на р. Каргат (восточнее Убинского озера) превратилось в Каргатское. Населены были эти форпосты казаками, живущими здесь без жен и детей.

Кроме небольшого количества русских деревень на окраине, остальное пространство было занято редкими поселениями и стойбищами татар, телеутов и др. Возвращающемуся в 1741 г. из Восточной Сибири Г. Гмелину (старшему) пришлось отправляться через Барабу

¹ Белевы путешествия через Россию в разные азиатские страны, Пб., 1776, ч. 1, стр. 185.

² Чаусский острог «Небольшая крепостца, огражденная рвом и тыном, снабженная многими пушками и стрелками несколькими пограничным войском для сопротивления калмыцким набегам» (Белевы путешествия, стр. 185).

¹ Абрамов Н. О заселении и промышленности округов Тарского и Омского. Вестн. Геогр. общ., 1853, ч. 7,

из Чаусского острога в сопровождении конвоя из 15 казков. Через несколько лет после проезда Гмелина между указанными тремя форпостами появилось несколько зимовок, в которых крестьяне «Томского и Кузнецкого ведомства» отправляли ямскую гоньбу. В 1755 г. по предписанию из Петербурга в Барабинскую лесостепь было переведено 1559 ямщиков из северных ямов Западной Сибири (Самаровского и Демьяновского), которых расселили по имевшимся там станциям для ямской гоньбы. После этого заселение тракта шло в основном помещичьими крестьянами из Центральной России, которых сюда ссылали помещики с зачетом их за рекрутов.

Поселенцы должны были устраивать дороги среди болот на сотню верст, делать искусственные насыпи, гатить их лесом и хворостом. Тысячи из них легли здесь костями, изнуренные работами, жестокими наказаниями и болезнями.

М. Фальк, проехавший Барабу из конца в конец, отмечает, что только на большой дороге жили по станциям ямщики в своих зимовьях, которые мало-помалу превратились в деревни.

«Деревни выстроены правильно и дома в одну меру. Многие деревни состоят под надзором старосты из солдат, без позволения коего никто не смеет отлучаться на ночь и который небольшие споры решает палочными ударами. Колонисты вообще живут хорошо. Они трудолюбивы, хорошие и спокойные земледельцы, из коих некоторые довольно зажиточные»¹.

В конце XVIII в. данные 5-й ревизии (1795) дают возможность подвести итоги происшедшим изменениям в географическом распределении населения. Сравнение этих данных с приведенными выше данными переписи 1710 г. показывают решительный перевес населения в южных районах Западной Сибири, которые усиленно заселялись в течение XVIII в. в связи с передвижением на юг государственной границы и с хозяйственным освоением этих окраин.

К концу XVIII в. все население Западной Сибири как русское, так и туземное, насчитывало 612,2 тыс. чел. обо-его пола (без населения городов). Сравнивая эту цифру

¹ Фальк М. Записки путешествия 1768—1774, 1824, стр. 425

с общим населением Западной Сибири по переписи 1710 г., обнаруживаем его приращение за 83 года на 365,3 тыс. чел. или в 2,5 раза.

Рассмотрим происшедшие изменения в географическом распределении населения.

Географическое распределение населения в Западной Сибири в конце XVIII в. (без городов)¹.

О к р у г а	Количество населения в тыс. чел.	То же
В северных округах (Березовском, Сургутском, Нарымском)	30,8	5,0
В западных округах давнего заселения (Тобольском, Туринском, Тюменском, Тарском)	218,6	35,8
В юго-западных округах нового заселения (Ялуторовском, Курганском, Ишимском, Семипалатинском) . .	214,9	35,1
В восточных округах смешанного заселения (Томском, Кузнецком)	147,9 ²	24,1
Всего . . .	612,2	100,0

Таблица показывает резкий сдвиг в распределении населения в сторону южных окраин, который продолжал в дальнейшем усиливаться и поставил эти районы во главе хозяйственного развития Западной Сибири. Сильно возросло население юго-западных окраин (Курганский, и др. округа) и в восточных округах (Томском, Кузнецком), причем рост последних пришелся главным образом

¹ Таблица составлена по данным А. Г. Гагемейстера «Статистич. обозрение Сибири», ч. II, стр. 58, в основу положены данные 5-й ревизии (1795).

² В это число входит население Бийского и Барнаульского округов, в то время еще не выделенных.

на Бийский и Барнаульский районы нового заселения.

В сущности весь прирост населения за 85 лет, равный 365 тыс. человек обоего пола, приходится на новые южные окраины как в западных, так и в восточных частях Западной Сибири.

Прошло еще полвека, и новые географические тенденции в распределении населения развернулись с полной силой. Для того, чтобы осветить характер тех сдвигов, которые произошли в течение периода между концом XVIII в. и серединой XIX в., обратимся к данным 9-й ревизии, состоявшейся в 1851 г.¹

К середине XIX в. Западная Сибирь в административном отношении состояла из двух губерний: Тобольской и Томской. Первая губерния подразделялась на округа: Тобольский, Тюменский, Туринский, Ялуторовский, Курганский, Ишимский, Тарский, Омский, Березовский; Томская губерния состояла из округов: Томского, Канского, Нарымского, Кузнецкого, Марининского, Барнаульского, Бийского.

Разделение Западной Сибири на губернии довольно точно соответствовало делению ее на западную и восточную части, отличавшиеся друг от друга физико-географическими условиями, историей заселения и степенью хозяйственного освоения этих частей. К середине XIX в. эти различия выступили еще с большей резкостью. Совокупность всех признаков — физико-географических, исторических, социально-экономических — образовали в каждой из двух частей, на которые делилась Западная Сибирь, та-

кую обстановку, которая не могла не влиять самым существенным образом на формы проявления одних и тех же социально-экономических процессов, происходивших на всем протяжении Западной Сибири. Различия в проявлениях этих процессов наиболее наглядным образом обнаружались в распределении населения между обеими частями Западной Сибири.

Численность населения (1851 г.) (в тыс. чел.)

Губернии	Гражд.	Военных	Всего	То же в ‰
Тобольская	834,3	28,0	862,3	64,4
Томская	463,5	6,9	470,4	35,6
Всего	1 303,8	34,9	1 338,7	100,0

Округа, входящие в состав этих губерний Западной Сибири, с точки зрения заселенности различаются друг от друга как своим географическим положением в отношении к Европейской России, откуда шел безостановочный приток нового населения, так и по давности русского заселения¹.

Применяя этот принцип деления районов (округов) заселения, мы получаем для середины XIX в. (1851 г.) следующую картину распределения населения в Западной Сибири:

О к р у г а	Количество жителей	
	в тыс. чел.	в ‰ к итогу
Северные (Березовский)	21,6	1,6
Западные раннего заселения . .	291,5	22,4
Юго-западные нового заселения .	521,2	40,0
Восточные раннего заселения . .	158,0	12,1
Юго-восточные нового заселения	311,5	23,9
Всего	1 303,8	100,0

¹ Здесь имеются в виду отличия раннего заселения (конец XVI и XVII вв.) от более позднего (XVIII и первая половина XIX вв.).

¹ Обращение к данным 9-й, а не 10-й ревизии, произведенной в 1858 г., вызвано главным образом тем, что данные этой ревизии обработаны выдающимся статистиком того времени В. Кеппеном в его труде «Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г.», СПб., 1857. Имя Кеппена может служить ручательством надежности приводимых им данных. Труд Кеппена является плодом строго логического вычисления и занимает первое место по полноте источников, которые были им использованы. С другой стороны, пространственные соотношения в распределении населения по территории, освещаемые данными ревизии 1851 г., являются характерными для середины XIX в. вплоть до момента реформы 1861 г., так как в период, соответствующий 9-й и 10-й ревизиям (1851 и 1858 гг.), никаких существенных перемен в интересующей нас области произойти не могло. Это можно было бы легко подтвердить показателями, полученными путем обработки данных той и другой ревизии.

Сравнение приведенной таблицы распределения населения с данными, относящимися к концу XVIII в. и особенно к началу XIX в., показывает, в какие районы передвигалось население, а вместе с ним и хозяйственная жизнь Западной Сибири. И население и хозяйство передвигалось в южные и юго-восточные лесостепные и степные полосы, по временам замедляя ход, но никогда не останавливаясь. Юг и юго-восток Западной Сибири манили земледельца земельным простором и благоприятными условиями для земледелия и животноводства. Переходя на юг вековую линию своей оседлости и широко раскидывая свои селения и слободы по просторам лесостепей и степи, население, в основном русское, закладывало здесь новые экономические основы своего существования, а вместе с этим и условия возникновения новых и развития старых городов. Понять эти новые условия — это значит исследовать все главные звенья той цепи, которая ведет от расширения государственной границы к экономическому завоеванию Западной Сибири русским капитализмом.

Этот вопрос непосредственно не входит в задачи настоящей работы, но совершенно его обойти невозможно по той простой причине, что хозяйственная жизнь в ее географическом размещении между городами является продуктом общественного разделения труда, а последнее есть основа внутреннего рынка. Не вдаваясь в подробное рассмотрение процесса включения Западной Сибири в общероссийский внутренний рынок, можно ограничиться лишь выявлением тех особых и характерных черт, которые принадлежали ему ввиду особого положения Сибири в системе царской России.

Русский капитализм, колонизуя Сибирь и втягивая ее в водоворот мирового хозяйства, создавал тем самым рынок для своих промышленных изделий и рынок сельскохозяйственного сырья для своих фабрик. Только в пореформенный период происходит более или менее полное экономическое завоевание Сибири Россией.

Но между политическими завоеваниями Сибири феодальной Русью и экономическим завоеванием русским

капитализмом лежит продолжительный период, в течение которого в Сибири происходило разложение натурального хозяйства, развитие общественного разделения труда и других элементов, которые подготовили расширение сферы господства русского капитализма и включение Сибири в общероссийский внутренний рынок. Как в пореформенный период, так и в дореформенный ведущее значение в этом принадлежало воздействию на Сибирь метрополии России.

В 1753 г. Елизавета по предложению П. Шувалова повелевает все внутренние таможенные сборы упразднить и «все таможи, имеющиеся внутри государства, кроме торговых и пограничных, уничтожить»¹. Этот акт, свидетельствовавший об объединении всех местных рынков в один всероссийский, коснулся и Западной Сибири: он упразднил таможенные сборы в Верхотурье и Енисейске. Это был отголосок в Сибири завершившегося экономического объединения России.

Отмена внутренних таможенных сборов на границе Европейской России и Западной Сибири (в Верхотурье) и на границе Западной и Восточной Сибири (в Енисейске), а также прокладка тракта через всю Сибирь (о чем ниже), указывали на то, что хозяйственное освоение Сибири происходило и будет происходить на началах еще более тесной экономической связи между метрополией и колонией.

На всем протяжении рассматриваемого периода Западная Сибирь продолжала оставаться одним из источников пушнины для своей европейской метрополии, но в результате сильного истощения этих богатств Западная Сибирь уступила свое первенство в этом отношении другим районам, расположенным уже в Восточной Сибири.

Наряду с этим в Западной Сибири появились новые отрасли хозяйства (горная промышленность, животноводство и др.), которые к середине XIX в. сделали этот район экономически важным для метрополии. Западная Сибирь становится поставщиком сперва серебра, а затем и золота.

¹ Кулишер И. М. История русской торговли, 1923, стр. 235, см. Мавродин В. В. К вопросу о складывании великорусской народности и русской нации, в журн. «Совет. этнография», 1947, № 4, стр. 101.

В Европейской России, особенно в тех частях ее, которые лежали между Уралом и Волгой, на сырье, идущем из Западной Сибири, существовал ряд отраслей промышленности (кожевенная, скорняжная, овечья, мыловаренная и др.).

Увеличивающееся население Западной Сибири и развитие общественно-географического разделения труда делают этот край рынком сбыта для тех продуктов, которые в Сибири не производились. В первый период после поселения Сибири это были хлеб, порох, свинец¹. Когда пришло русское население окончательно обосновалось и развилось здесь земледелие, оно стало испытывать нужду в привозных товарах, первоначально привозимых из соседних азиатских стран (например из Средней Азии). Затем все дело снабжения переходит к промышленным районам Европейской России (текстильные товары из Московского района, железо с Урала и др.). Эти товары — низкосортные и дорогие — поглощались внутренним рынком Западной Сибири, кроме того, они были нужны торговому капиталу западносибирских городов для меновой торговли с соседними восточными странами. К концу рассматриваемого периода Западная Сибирь участвует в торговле Европейской России с Казахстаном, Средней Азией, Монголией и Китаем; она покупает их изделия и сбывает им продукты своего хозяйства и частью изделия Урала и Европейской России, причем хозяйственная жизнь нескольких городов, лежащих по южной границе (Петропавловск, Семипалатинск), почти исключительно складывается под влиянием этих внешнеторговых отношений.

Сообщаемые М. Чулковым сведения в его «Историческом описании Российской коммерции»², дают возможность разобраться в торговых взаимоотношениях между Западной Сибирью, Европейской частью России и восточными странами, которые установились во второй половине XVIII в. и продолжали развиваться в первой половине XIX в., сохраняя свои основные характерные черты.

¹ Порох продавался в Тобольске в малых количествах, при этом строго следили, чтобы он не попал в руки сибирских народов, из-за боязни подать «повод к беспокойствам и к бунту». Огнестрельное оружие было запрещено продавать джунгарам, мунгалам, китадцам.

² См. т. III, кн. 1.

Товары, получаемые Сибирью, подразделялись на две группы: одни из них производились в России, другие привозились из других государств. Главные российские товары: красные и черные кожи (юфть), а также изделия из нее (сапоги, башмаки и т. д.). Доставляемая в Сибирь кожа выделялась в Москве, Ярославле, Вологде, Казани; последняя славилась своим сафьяном и сафьяновыми чулками, употребляемыми татарами. В Западной Сибири юфть выделялась в таких городах, как Тобольск, Тюмень, Томск, но так как наибольшая часть ее поглощалась джунгарскими, мунгальскими и китайскими торговцами, сибирской юфти нехватало для внутреннего потребления. После кожи в торговой группе товаров следует простое русское сермяжное сукно. Из сукна выделялись зипуны, одеваемые сверх обыкновенного платья. Сукну, фабричному изделию России, был обеспечен самый широкий сбыт не только в Сибири, но и в Китае и в Монголии. В Сибирь ввозили большое количество холста и полотна, которые имели только внутренний спрос, а затем домашней утвари, главным образом металлической (ножи, ножницы, топоры, котлы, замки и гвозди).

Однако после появления в XVIII в. заводов на Алтае, в Минусинском и Приангарском краях прутковое железо, металлургическая посуда стали производиться в самой Сибири. Широкий сбыт имел ввозимый «черкасский» табак.

Кроме названных товаров, русские купцы выступали посредниками по ввозу заграничных европейских товаров (немецких, голландских, английских, французских): сукна разных цветов, бархат, тонкое полотно, сахар и т. д., часть этих товаров шла на продажу в восточные страны.

Главным предметом вывоза из Сибири в XVIII в. по-прежнему оставалась «мягкая рухлядь», но это не мешало тому, что овчины и мерлушки, а также сшитые из них шубы ввозились в Западную Сибирь из Казани.

Мы видим, таким образом, что Сибирь в отношении всех товаров, являющихся продуктами промышленной обработки, находилась в полной зависимости от европейской части России, в частности от таких ее торговых центров, как Москва, Казань, Макарьевская ярмарка; и чем глубже шло разрушение натуральной основы

хозяйства, тем сильнее становилась ее экономическая зависимость от своей метрополии.

Однако ее внешние экономические отношения этим не исчерпывались. Прежде всего следует отметить, что за спиной метрополии стояли западно-европейские страны. Параллельно взаимоотношениям Сибири с Россией и с западно-европейскими странами развивались оживленные экономические отношения со странами Востока. Русская Сибирь, точнее сказать Западная Сибирь, унаследовала еще от дорусской Сибири налаженные и регулярные торговые связи со Средней Азией, слывшей под названием «Бухары».

К середине XVIII в. на пограничной линии с Джунгарией и Казахстаном возникли новые пункты: Петропавловск, Семипалатинск, через которые осуществлялись торговые сношения с этими странами.

Со второй половины XVII в. завязываются более или менее регулярные сношения с Китаем, заключающиеся в часто повторяющемся отправлении из Москвы в Пекин казенных караванов с товарами для обмена на китайские товары. Первый частный караван был снаряжен московским торговцем человеком Г. Р. Никитиным в 1674 г. Он фактически открыл новый путь через Сибирь в Китай, но им стали широко пользоваться с 40-х годов XVIII в.¹ В 1728 г. на самой границе с Монголией зарождается Кяхтинский форпост, который стал местом русско-китайской меновой торговли².

В 1755 г. был отправлен последний казенный караван с товарами, а в 1762 г. была разрешена всем свободная торговля с Китаем. Главный груз караванов составляла сибирская пушнина, на которую приходилось до 85% ценности грузов, остальные 15% приходились на кожевенные и мануфактурные товары. Из Китая в первое время вывозили бумажные ткани (китайку и дабу), шелковые материи, шелк-сырец и в сравнительно небольших количествах чай³.

¹ О Никитине см. у Бахрушина С. В. Торговля гостя Г. Р. Никитина в Сибири и Китае, Труды ин-та истории. Сб. статей, вып. I, М., 1926.

² Силин Е. П. Кяхта в XVIII в., Иркутск, 1947, стр. 40.

³ Впервые привез в Россию чай боярский сын Василий Старков, отправленный в 1638 г. к Алтан-хану послом. В числе ханских подарков московскому царю был чай, причем он был насильно на-

Торговля с Китаем не могла не отразиться на экономической жизни Западной Сибири, торговля которой получила новый стимул. Исследователь кяхтинской торговли в XVIII в. пишет, что везде, где можно, скупается пушнина, которая (вместе с мерлушкой и кожевенными изделиями) выгодно променяется на китайские товары¹. Купцы Томска и Тобольска, наряду с иркутскими купцами, были связаны с кяхтинской торговлей². Они выступают в качестве посредников между Европейской Россией и Кяхтой.

Кожевенные товары заняли с течением времени видное место в русском вывозе в Китай, способствуя развитию кожевенной промышленности в западно-сибирских городах: в Томске, Тюмени и Тобольске³. Привоз шелка способствовал развитию шелковой промышленности в России, но и в сибирских городах из шелка-сырца делали кушаки, ленты, шали и т. д.⁴.

Главным сибирским сборным пунктом служила ярмарка, возникшая в Ирбитской слободе на р. Нице (в 1633 г.) на путях выхода из Сибири и на полпути от Соликамска до Тобольска.

Это был главный рынок для сношений Сибири с Европейской Россией. Здесь собирались товары из Восточной Сибири (пушнина, чай), из Западной Сибири (сырые кожи, овчины, сало, рыба, масло), из Европейской России (мануфактура, галантерей, кожевенные, металлические изделия, сахар и др.).

Кроме того, сибирская губернская администрация разрешила пропуск на Ирбитскую ярмарку джунгарских товаров, посланных владельцем Джунгарии, но так как пропуск этих торговцев на ярмарку подрывал интересы тобольских купцов, то в 1742 г. они подали в сибирскую губернскую канцелярию прошение о недопуске бухарских купцов в Ирбит, с тем, чтобы они покупали товары от сибирских купцов и продавали свои товары послед-

вязан московским послам, по мнению которых это был негодный товар. Шеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных Сибири (1032—1882 гг.), Иркутск, 1883.

¹ Силин Е. П. Кяхта в XVIII в. Иркутск, 1947, стр. 155.

² Там же, стр. 157.

³ Чулков М. Историческое описание Российской коммерции, т. III, кн. I, стр. 116.

⁴ Силин Е. П. Кяхта в XVIII в. Иркутск, 1947, стр. 144.

ям на пограничных форпостах, т. е. в Ямышевском и Семипалатинском укреплениях¹.

Оптовая торговля в Ирбитской слободе первоначально «отправлялась древним обыкновением», т. е. меною товаров на товар, что требовало от купцов «немало искусства и проворства». В 70-х годах XVIII в. в просторном гостинном дворе находились 203 большие лавки. Все лавки по происхождению товаров подразделялись на два ряда — сибирский и московский².

Общий привоз на Ирбитскую ярмарку составлял в 1809 г. — 3,5 млн. руб., в 1849 г. — 32 млн. руб.

Из Ирбита часть сибирских товаров шла прямо в потребительские центры, другая часть на Нижегородскую ярмарку, распределяясь в конечном счете между Москвой, Петербургом, Казанью и другими городами Европейской России. Изделия из промышленных центров Европейской России с Ирбитской ярмарки шли по той же цепи торговых звеньев, но только в обратном порядке — от оптового купца через розничную сеть торжков, местных ярмарок, базаров к потребителю.

Торговые сношения с Восточной Сибирью, в частности с Кяхтой, вызвали появление нового торгового звена на полпути между Тобольском и Иркутском в городе Енисейске. Енисейск — «самая середина Сибири». В летнее время туда отправлялись водным путем из Тобольска (по Иртышу, Оби и Кети) и из Иркутска (по Ангаре) купцы с товарами. Здесь, в Енисейске, они встречались и производили обмен своих товаров. Некоторые из них ездили только до этого места и по окончании торгового похода отправлялись в обратный путь по той же дороге, по которой туда прибыли.

Путь от города Напима по р. Кети шел до Кетского острога, отсюда до Маковского острога и здесь суда, прибывшие из Тобольска, выгружались, принимая грузы, ожидавшие их здесь для отправки в Тобольск. От Маковского острога грузы перевозили на телегах волоком до самого Енисейска. В Енисейске товары нагружались на те же суда, которые туда прибыли из Иркутска по

Ангаре и из Туруханска по Енисею. Ежегодно из Тобольска в Енисейск отправлялось или назад приходило от 20 до 25 судов-дощаников (длина их от 9 до 11 саж., ширина — 3 саж. и меньше). Полный их груз бывал до 2000 пудов и больше.

В Енисейске не было гостинного двора. Торговля производилась в простых лавках. С привозимых товаров здесь взималась пошлина, для чего была учреждена таможня. Разъезд в разные стороны купцов, прибывших в Енисейск из Западной и Восточной Сибири, происходил в исходе августа или в начале сентября¹.

Таким образом, Западная Сибирь осуществляла торговые сношения с лежащими от нее к западу, востоку и югу странами через торговые центры, возникшие по самой границе русской оседлости. Масштабы торговли этих торговых центров были, конечно, разные и находились в прямой зависимости от их географического положения.

В Ирбитскую слободу стекались потоки товаров из Европейской России, с одной стороны, из всей Сибири, — с другой, причем в западный поток включались товары из западно-европейских стран, в восточный поток — китайские и бухарские товары. Естественно, что поток товаров, проходивший через Ирбит, был наиболее мощный, притом он отличался непрерывным ростом.

Южные торговые центры (Семипалатинск и Ямышевская слобода, а впоследствии Петропавловск) и в особенности восточный центр — Енисейск — значительно уступали по своим оборотам Ирбиту, притом Енисейск вскоре после прокладки более южного сухопутного пути через Красноярск стал быстро терять свое торговое значение, но и последний, несмотря на то, что движение по новому пути шло безостановочно в течение всего года, не унаследовал значения Енисейска как места обмена двух встречных товарных масс.

Экономическое развитие Западной Сибири в первой половине XIX в. не изменило тех основ, на которых покоились ее взаимоотношения с метрополией. Они продолжали строиться на началах экономического первенства и подчинения. На экономике Сибири лежала яркая печать того, что край этот — прежде всего военная добыча,

¹ Андриевич В. К. Исторический очерк Сибири, т. III, 1887, стр. 142.

² Об Ирбитской ярмарке того времени см. Зябловский, Землеописание России, ч. III, 1810, стр. 108; Лепехин И. И. Дневные записи путешествия, ч. III, 1780, стр. 10.

¹ Известия о торгах Сибирских, 1755, июль—декабрь, стр. 226—227.

источник сырья, рынок сбыта промышленных изделий. «На протяжении столетий товарообмен складывался таким образом, что Сибирь получала *дорогие* товары, которые она не могла достать в своих пределах, взамен вынуждена расплачиваться своим *дешевым* сырьем»¹. Эти отношения, основанные на неэквивалентном обмене, вели к систематическому обиранию сибирского населения.

В обмене Сибири с Европейской Россией вывоз сырья создавал ее покупательную силу, вся выручка от продажи сырья уходила на приобретение привозных изделий, которые состояли преимущественно из предметов личного потребления (мануфактура, шитая одежда, сахар и др.). Но так как ценность сырья не покрывала спроса сибирского населения на изделия, между торгующими сторонами неизбежно должна была возникнуть торговля за кредит, причем последний оказывался только крупным оптовым фирмам Сибири. Получая кредит или непосредственно от фабрикантов центра или от крупных оптовиков на Ирбитской и Нижегородской ярмарках, сибирские фирмы завоевывали себе тем самым монопольное положение на рынках Сибири. Монополия в продаже фабрикатов создавала им монополию в приобретении сырья. Сибирские торговцы текстилем и др. изделиями центра являлись одновременно крупными скупщиками сибирского сырья.

Экономическое подчинение Сибири метрополии основывалось на решающем значении в ее экономике торгового капитала, которое коренилось в неразвитости и крайней отсталости экономических отношений. Полунаатуральное хозяйство продолжало оставаться господствующей формой. Крестьянин по-старинке, как делали его предки, употребляя только топор и скобель, строил себе избу, изготовлял хозяйственный инвентарь и домашнюю утварь. Он сам дубил кожу для обуви, изготовлял сыромятные ремни для сбруи, овчину для тулупов, шил чирки и бродни, употребляя домашнее сукно, и т. д. Важно при этом отметить, что трудовые навыки населения и технический уровень хозяйства были крайне низки. По словам Н. М. Ядринцева², сибирский крестьянин, несмотря на обилие сала, жег в зимнее время лучину; имея много

шерсти, одевался в какую-то дерюгу, а имея под ногами железо, употреблял деревянный замок и телегу с деревянными гвоздями; окна его избы заткнуты слядой или бумагой; не умея делать мыло, обходился при помощи «подмылья», т. е., попросту говоря, мылся квашенными кашками.

Но с другой стороны, этот крестьянин был обременен тяжелыми повинностями в пользу государства. Прямые сборы для уплаты повинностей отнимали у него значительную часть всего дохода. Рядовой крестьянин не был в состоянии содержать себя и свою семью и оплачивать эти повинности одним только земледельческим трудом, принимая во внимание низкую его производительность. Взыскание сборов производилось посредством продажи крестьянского имущества и телесных наказаний. Крестьяне должны были продать свои земледельческие произведения в размере, превышающем ограниченный спрос местного рынка. Не имея возможности собрать деньги ко времени уплаты податей и именно в том количестве, которое ему нужно для уплаты, он был вынужден прибегать к услугам скупщиков, кулаков, мироедов. В таких условиях между продавцами возникала отчаянная конкуренция. Цены сбивались до невероятия. Крестьянин продавал за бесценок свой труд, чтобы получить нужные деньги. Наживались скупщик и деревенский кулак, которые часто сливались в одном лице. Разоренный продажей своей продукции подешевке, крестьянин мог покупать только в самых ничтожных размерах. Но на следующий год крестьянину платить подати еще труднее: он продал хлеб за бесценок, ему недостает семян на посев. В конце концов он вынужден прибегать к продаже скота, но здесь опять повторяется та же картина. Дефицит увеличивается, он попадает в кабалу к деревенскому мироеду. Последний запахивает десятки десятин, имеет сотни голов скота, обширный пчельник, и все это ему достается за бесценок. У одного такого крестьянина можно купить 100—150 пудов хлеба в то время, как у всех остальных едва можно закупить несколько десятков.

Наложенное метрополией на Сибирь иго с максимальной силой тяготело также над охотниками севера, совершенно беззащитными перед лицом агентов торгового капитала, которые подобно пиявкам присасывались к нему, извлекая драгоценные меха, нужные для метро-

¹ Боголепов М. Торговля в Сибири в сборнике «Сибирь и ее современное состояние и ее нужды», 1908, стр. 192.

² Ядринцев Н. М. Сибирь как колония, 1892, стр. 241.

полни, в обмен на необходимые припасы, водку и всякую дребедень, которые они сбывали по чудовищно высоким ценам. Охотник и рыболов севера были основательно закабалены торговцем и фактически превратились в его вековечных рабов.

Если ко всему сказанному добавить вопиющие, ни с чем несравнимые злоупотребления местных представителей власти, начиная от губернатора и кончая низшим агентом полиции, то картина Сибири как колонии представит перед нами во всем своем неприглядном виде.

Колониальное положение Сибири, деятельность торгового и ростовщического капитала, при помощи которого метрополия экономически воздействовала на свою колонию, разлагали традиционный натуральный уклад хозяйства.

Единство промышленно-земледельческого производства, т. е. соединение сельскохозяйственной и примитивной домашней промышленности, медленно и неуклонно разрушалось. Продуктом разложения полунатуральной основы хозяйства было не изменение примитивных способов производства и повышение производительности труда, а разорение непосредственного производителя. Обнищание крестьянина и охотника не исключало, разумеется, экономического возвышения деревенской верхушки и горсти торговой буржуазии в городах.

Торговый капитал Сибири, преобладавший во внутренних и внешних экономических отношениях Сибири, собирал богатую жатву в виде неслыханных барышей: 200—300% прибыли и выше не было редкостью в Сибири. Извлекая исключительные выгоды в сфере обращения, капитал естественно избегал по возможности сферы производства. Товарный обмен опережал товарное производство. В сферу обращения в изобилии вовлекались продукты труда, отчуждаемые «внеэкономическим принуждением», в порядке выполнения повинностей, в порядке неэквивалентного обмена и др. А. Г. Гегемейстер отмечал эту исключительную склонность сибирской буржуазии к торговле: «капиталисты неохотно употребляют деньги на дело фабричное, от которого нельзя ожидать столь скорых и значительных барышей, как от торговых оборотов или от золотых промыслов»¹.

¹ Гегемейстер А. Г. Статистическое обозрение Сибири. ч. II, 1854, стр. 490.

Торговля в условиях Сибири, особенно крупная оптовая торговля, отличалась одной особенностью, без знания которой можно получить превратное представление о ее характере.

Дело в том, что торговля не только обогащала, но нередко разоряла ее участников. Она требовала риска и не всегда обеспечивала конечный успех. Причина заключалась прежде всего в том, что большие пространства отделяли в Сибири один торговый центр от другого. Эта отдаленность рынков друг от друга и вся система передвижения товаров неимоверно удлинляли время обращения товаров, а следовательно, и время оборота капитала, вложенного в торговлю. Например, тобольский купец, принимавший участие в торговле с Кяхтой, вкладывал в нее капитал, который мог вернуться к нему не ранее, чем через 2—3 года¹. Но так как издержки по торговле непрерывно увеличивались (оплата пошлин, процентов и др.), не говоря уже о невероятных злоупотреблениях и взяточничестве сибирских «властей предрержащих», то купец должен был иметь на руках сумму денег, почти равную употребляемой на покупку товаров. Большая часть купцов не была в состоянии уплачивать дополнительные издержки из имевшегося у них капитала, поэтому они входили в долги и платили ростовщикам высокие проценты за деньги, взятые у тех на короткий срок. В то время, как купец не был еще в состоянии реализовать свои товары в Тобольске или в Ирбите с выгодой для себя, он бывал вынужден, чтобы иметь наличные деньги, продать часть своих товаров «за сколько можно» или даже отдать их по собственной цене. В этом случае наживался не купец, а ростовщик. Ростовщический капитал следовал как тень за торговым капиталом и был неотделим от него.

Формы организации торговли в Западной Сибири складывались под влиянием многих факторов. Наибольшее значение имели характер экономических отношений между Европейской Россией и Сибирью и полунатуральное в своей основе хозяйство, обширная территория и разбросанность населения, бездорожье, редкая сеть городов. Торговле предстояло преодолеть двоякое препят-

¹ Щекатов А. М. Словарь Географический Российской империи, т. VI, стр. 512.

стве: экономическое со стороны полунатурального хозяйства и транспортное со стороны бездорожного пространства.

Западная Сибирь вывозила на рынок сырье, производство которого было сосредоточено в руках мелкого производителя, не имевшего ни силы, ни возможности организовать постоянный обмен своих продуктов на другие, установить связь с отдаленными торговыми центрами.

Сырье собиралось по мелочам при помощи широко разветвленной сети мелких торжков, базаров и местных ярмарок. Последние в большом количестве были разбросаны в юго-западной части Западной Сибири.

Экономическое значение торжков и ярмарок было исключительно велико. Наличие этой исключительно разветвленной сети больших и мелких рыночных центров объясняет целый ряд характерных черт в той экономической обстановке, в которой происходило развитие городов Западной Сибири. Важно поэтому остановиться несколько подробнее на этой стороне жизни.

В середине XIX в. в одной Тобольской губернии насчитывалось 165 ярмарок и торжков, из них 19 в городах и 146 в округах. Большая их часть невелика по своим оборотам и ограничивалась оборотами товаров, предназначенных для удовлетворения потребности местного населения.

Почти все ярмарки происходили в один из церковных праздников. Поэтому значительная часть ярмарок называется по имени разных святых. М. Чулков еще для XVIII в. указывает, что «почти в каждой слободе и большом селе бывают ярмарки в тот день, когда церковь празднует свой годовой праздник, так что по окончании обедни открываются лавки с разными товарами для «подлого народа»¹.

Окрестные жители обыкновенно собирались в эти дни в село или слободу. Обыкновенно торговля в своей зачаточной стадии ограничивалась съестными припасами и лакомствами, а потом, расширяясь, переходила в торжок, который увеличивался из года в год, образуя ярмарку иногда довольно значительную.

¹ Чулков М. Историческое описание Российской коммерции, т. III, кн. I, стр. 67.

Наиболее значительные городские ярмарки: *Ишимская* зимняя ярмарка считалась первой во всей Западной Сибири, главными предметами ее торговли было сало, коровье масло, кожи; *Курганская* — все три здешние ярмарки имели значительные размеры, товары те же, что и на Ишимской; *Ялуторовская* — наиболее значительная происходила с 6 декабря (по ст. ст.), где, кроме масла и кож, шла большая торговля предметами местных крестьянских промыслов (деревянная посуда, сани, телеги); *Тюменская* ярмарка происходила сначала в январе, одновременно с Ирбитской и, пользуясь лучшим положением на большом сибирском пути, угрожала подорвать свою соперницу, но впоследствии срок ярмарки был изменен, и это привело к упадку Тюменской ярмарки.

Наиболее своеобразным явлением были те ярмарки и торжки, которые происходили в течение всего года вне городов. Наибольшее количество их происходило в округах Ишимском, Курганском и Ялуторовском.

В Ишимском округе было 6 ярмарок; из них наиболее многолюдные в с. Абацком, куда стекалось до 50 тыс. и более человек. В Курганском округе насчитывалось 11 ярмарок, 48 торжков. Наиболее крупная ярмарка в с. Иковском. Здесь шла большая торговля «красным» товаром, в особенности бумажной тканью, бакалейным товаром, посудой. Сюда окрестные крестьяне свозили много холста и ткани, скатерти, полотенца, масло, пригоняли много лошадей¹.

В Ялуторовском округе насчитывали 20 значительных ярмарок и 35 торжков. Округ был наиболее хлебородным и богатым, многие волости занимались почти исключительно одним каким-либо промыслом. Шатровская волость славилась выделкой овчины, кож, шитьем из них шуб, обуви, рукавиц и т. д.

Большая часть торжков и ярмарок посещалась почти одними и теми же торговцами. Для скупки сала, масла, кож приезжали иногородные купцы или их агенты. Это

¹ С изделиями своего рукоделия приезжали обыкновенно сами производительницы их — молодые женщины и девушки. Раздетые в свои лучшие платья они во время ярмарки продавали свои товары и даже носили их по домам. Цель этого, кроме выгодной продажи, была присказка женихов, которые по количеству и качеству товаров могли делать заключения о трудолюбии и искусстве в рукоделии продавщиц-невест.

были крупные и мелкие торговцы, которые в течение года как бы перекочевывали с одной ярмарки на другую.

Таким образом ярмарки и торжки образовали густую сеть больших и маленьких рыночных центров, объединявших в первую очередь свои округа. Сплетаясь экономическими связями с другими, не только соседними, но и подчас отдаленными районами, они порождали значительные областные рынки, охватывавшие несколько округов. На этой почве сложилась своеобразная иерархия рынков, находившихся друг с другом в определенной зависимости и соподчинении.

Во главе западносибирской торговли стояло несколько оптовых фирм, монопольно владевших рынком. От них и к ним вели нити по всем звеньям торговой цепи, которая заканчивалась армией мелких и мельчайших скупщиков и торгашей, весь запас товаров которых можно было без труда спрятать «за пазуху».

Подобно тому как нельзя себе представить развитого капитализма без крупного товарно-торгового и денежно-торгового капитала, точно так же немыслима и докапиталистическая деревня без мелких торговцев и скупщиков, являющихся «хозяевами» мелких местных рынков.

В. И. Ленин пишет о них: «Число этих мелких пиявок громадно (по сравнению с скудным количеством продукта у крестьян), и для обозначения их существует богатый подбор местных названий. Вспомните всех этих прасолов, шибав, щетинников, маяков, ивашей, булыней и т. д., и т. д. Преобладание натурального хозяйства, обуславливая редкость и дороговизну денег в деревне, ведет к тому, что значение всех этих «жулаков» оказывается непомерно громадно по сравнению с размерами их капитала»¹.

Мелкий торговец, забрав в городе небольшой запас товаров, необходимых жителю деревни, преимущественно «красных» товаров, объезжая села, деревни, юрты, выменивал их на продукты местного сельского хозяйства и промыслов. Особенно сильно был развит этот развозный торг на окраинах.

На севере среди промыслового населения мелкие торговцы тотчас же после установления санного пути проникли в глубь страны по притокам Иртыша и Оби с

¹ Ленин В. И. Собр. соч., 3-е изд., т. III, стр. 297.

мукой, охотничьими припасами, раздавая эти товары в кредит своим клиентам до их возвращения с промыслов на зверя. За свои товары торговцы брали меха, рыбу, кедровые орехи и др. На южной границе с Казахстаном меновая торговля находилась в руках мелких торговцев, развезжающих по степи с небольшими запасами разных товаров, необходимых в обиходе казахов; за свои товары они брали разный скот и его продукты—сало, шерсть и др. Собранное по мелочам сырье свозилось в города и сдавалось скупщикам или крупным оптовым торговцам. Город был в свою очередь посредником между хозяйственными территориями, ярмарками и торжками.

Эти мелкие торгаши и окупщики не всегда были профессиональными торговцами. Так как меновой торг с промысловым населением Севера давал фантастические барыши (например ведро водки, стоившее 5 руб., продавалось там за 20 руб.), этот торг привлекал к себе медсан, отставных солдат, чиновников, духовенство. Весь этот люд занимался покупкою и перепродажею, меною хлеба, водки или предметов домашней утвари на продукты северных промыслов. Меновые отношения тесно переплетались с долговыми, вносящими в торговлю изрядную долю ростовщичества. Возникшие на этой почве долговые отношения в своем развитии превращались в кабальные. Торговец раздавал в долг хлеб, чай и мануфактуру, охотничьи принадлежности, разведенную на махорке водку, оцениваемые по высоким ценам; должник обязывался отдавать продукты своего промысла по баснословно дешевым ценам. Охотник в течение долгого ряда лет не в состоянии был освободиться от долговой петли. В результате между должником и кредитором создавались отношения фактического рабства, о юридической санкции которого сибирские купцы ходатайствовали на исходе XVIII в.¹

¹ Богослов М. Торговля Сибири в сборн. «Сибирь и ее современное состояние и ее нужды». 1908, стр. 173. Само же купечество старинной Сибири в глазах правительства пользовалось очень дурной репутацией: по указу от 27 октября 1699 г. запрещено было выбирать в сибирских городах бурмистров и сбор пошлин попрежнему возложен на голов и целодольников. «...В сибирских некоторых городах посадских людей нет, а в которых есть, то те людишки худые, скудные и ссыльные и затем в бурмистры выбрать некого» (Полн. собр. законов № 1708) Цитир. из Головачева П. М. «Сибирь в Екатерининск. комиссии» (стр. 29).

В таких условиях и на таком крайне низком уровне экономического развития нарождались в Сибири элементы общественно-географического разделения труда. Начавшаяся экономико-географическая дифференциация страны являлась важнейшим моментом в образовании внутреннего рынка. Тот же процесс служил почвой, которая питала хозяйственную жизнь городов, формировала их экономико-географический облик в зависимости от их географического положения, особенностей природной среды и исторических условий развития.

Географической основой этой хозяйственной дифференциации служили прежде всего те широтные зоны, которые так отчетливо выражены в Западной Сибири, хотя, разумеется, не только они. Из этих зон лесостепная и степная были включены в состав государственной территории в течение рассматриваемого периода, хотя заселение северной части лесостепья началось еще в XVII в. Особое географическое целое представляет собой Кузнецко-Алтайская горная страна с ее минеральными богатствами и вертикально расположенными растительными зонами. Географическое влияние этой природной среды должно было отразить перемены, происшедшие в общественно-исторической среде, в которой и действует человек на земной поверхности.

Экономико-географическая дифференциация Западной Сибири была ничем иным, как следствием «преломления» того основного экономического процесса, который был выше описан, в разнообразных естественно-географических условиях обширного края.

Какие конкретные географические формы принимал этот процесс покажет обзор тех хозяйственных территорий, которые начали формироваться в Западной Сибири.

Расширялась территория, занятая и обрабатываемая земледельческим населением. Уже в конце XVII в. из 11 600 крестьян-дворохозяев, насчитанных в Сибири в 1699 г., 8 280 жили в «пашенных» уездах Тобольского разряда. Четыре уезда этого разряда дали в 1699 г. 65% казенных хлебных поступлений всей Сибири¹.

Здесь, таким образом, сложился к этому времени центр сибирского земледелия и сосредоточилась основ-

ная масса крестьянского населения Сибири. Земледельческая полоса сложилась в результате различных организационных мероприятий московского правительства. В. И. Шунков сводит их к трем мерам: переселение в Сибирь крестьян из Европейской России по «указу» и «прибору»; использование на сибирской государственной пашне сыльных людей и устройство на пашне лиц, явившихся в Сибирь по собственной инициативе¹. Крестьянское переселение за Уральский хребет, вызванное общими условиями феодально-крепостнического гнета во внутренних областях государства, создало целую земледельческую полосу в уездах Верхотурском, Туринском, Тюменско-Тобольском. Эта полоса легла вдоль основного тракта, связывавшего Московскую Русь с Тобольском через Верхотурье.

К началу XVIII в. крестьянское население Западной Сибири не только положило начало сибирскому земледелию, но оно, по словам В. И. Шункова, успело полностью разрешить задачу хлебоснабжения всего населения этого края. Верхотурский, Тюменский и Туринский уезды стали «единственным местом закупки продовольственных припасов для торговых и промышленных людей, следующих на восток».

Правительственная администрация и частные лица имели возможность обращаться к развивавшемуся сибирскому хлебному рынку². Таким образом названная земледельческая полоса превратилась в первый очаг товарного земледелия в Сибири, производящий хлеб на продажу.

К середине XIX в. северная граница распространения земледелия проходила на Иртыше почти под 61° с. ш., на Оби у города Нарыма, то-есть под 59° с. ш., но в действительности крайней северной границей полосы, в которой земледелие считалось главным промыслом, проходило в Тобольской и Томской губ. под 57° с. ш., к югу полоса тянулась почти до границ с Казахстаном.

В Ишимской лесостепи между реками Тоболом и Иртышем, в Барабинской степи между реками Иртышем и

¹ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII вв., 1946, стр. 9.

¹ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII вв., 1946, стр. 162.

² Там же, стр. 173.

Обыю и предгорьями Алая образовался настоящий земледельческий район, который тянулся почти непрерывной полосой. Он был еще слабо заселен, и земельный простор давал возможность вести в нем хищническое хлебопашество.

На намеченном участке срубался лес, сеялся хлеб, в первые годы земля давала огромные урожаи (сам 30 и сам 40), но затем, в связи с резким уменьшением урожая, земледелец переходил на новые места. Главные культуры этой полосы были пшеница и овес.

К этому времени в Западной Сибири образовался постоянный рынок на продукты земледелия. Хлеб требовали винокуренные заводы в округах Тюменском, Тарском и Курганском. Много овса расходилось по главному Московско-Сибирскому тракту и на прочих почтовых дорогах. Хлеб был главным продуктом обмена в северных промышленных районах. Хлебу был обеспечен постоянный сбыт в городах, по крайней мере среди той части городского населения, которая не занималась хлебопашеством. Много зерна и муки отправлялось в Казахскую степь. Земледелие Кузнецкого уезда снабжало Колывано-Воскресенские заводы, золотые промыслы. Население уральских заводов снабжалось хлебом из Курганского округа. Избытки земледелия Барабы шли на снабжение покупным хлебом станиц Иртышской казачьей линии. Уже во времена Палласа из деревень, лежавших по Тоболу, вывозили на больших судах хлеб в пограничные по Иртышу крепости. Из районов Ишимской лесостепи ежегодно отпускалось большое количество хлеба для населения всех укреплений, лежавших по Горькой и Иртышской казачьей линии. В общей сложности в одной только Тобольской губернии сбывалось хлеба, по исчислению А. Г. Гагемейстера, не менее 675—680 тыс. четвертой ежегодно.

Земледельческая полоса в лесостепной зоне являлась в то же время полосой *экстенсивного животноводства*. Коневодство Барабы служило основой для развития ямщины по Московско-Сибирскому тракту. Богатые Тарские крестьяне имели за 10, 20, иногда даже за 40 верст от своего села, вблизи скирдов сена и расчищенной новы «занимки», т. е. хутора с крытыми скотными дворами.

В «занимках», «кроме немногих дойных коров и лоша-

дей, которых держали обыкновенно на селе при доме, содержали много скота, целые косяки лошадей¹.

Способы ведения скотоводства были также хищнические, как и в земледелии. Стада гибли от сибирской язвы (в Барабе) и от бескормицы. Скот ни во что не ценился. Навоз не шел на удобрение, а весь навоз и грязь со двора сваливали на улицу. Целые деревни переселялись на другое место, потому что «больно заназмились» (занавозились). Н. Флеровский пишет, что зимой деревенская улица завалена комками замерзших экскрементов, так что по ней едешь точно по дороге, усыпанной камнями².

В связи с требованиями рынков на продукты скотоводства, следует отметить установившуюся специализацию в направлении скотоводства, тяготевшего к двум различным потребительским рынкам. Западная половина Западной Сибири (Тобольская губ.) находилась по соседству с Уралом и ближе к кожевенным заводам Ятской и Казанской губ., отправляла туда сырые кожи, сало, живых овец. Сверх того, сырые кожи требовались местным кожевенным заводам (например, Тюменского округа). В Тобольской губ. быют скотину из-за сала и кожи, мясо — предмет второстепенный. Напротив, в восточной половине (Томская губ.) покупателей мяса больше, чем в Тобольской губ.: городское население, служащие и рабочие горного ведомства и работающие на золотых приисках (А. Г. Гагемейстер исчислял это население, примерно, в 50—53 тыс. чел.). Отправка сала и сырых кож из Томской губернии на запад производилась, но в небольших количествах вследствие дороговизны провоза. Скотоводство Томской губ. поэтому должно было рассчитывать на продажу мяса. Это различие в положении двух половин Западной Сибири в отношении к потребительским рынкам на продукты скотоводства отражалось и на способах использования того скота, который шел из Казахстана и Монголии в Западную Сибирь через Петропавловск, Семипалатинск и Бийск.

В юго-западной части образовался район, отличающийся довольно значительным *развитием мелких крестьян*.

¹ Завалишин И. Описание Западной Сибири, ч. 1, 1862, стр. 339.

² Флеровский Н. Положение рабочего класса в России, 1938, стр. 39.

яских промыслов. Уже во второй половине XVIII в. М. Фальк, проезжая через Тюменский округ, отметил в нем развитие разнообразных промыслов. «Многие имеют работу на заводах, возят купеческие товары, делают всякую домашнюю посуду, ловозки, сани, корыта, лопаты, рогожи, ведра и пр. ...Многие поселяне, а особливо Бухарцы, производят торг, из русских же крестьян есть сыромятники, мыловары и пр. Крестьянки здесь не менее трудолюбивы. Кроме обыкновенных домашних работ, прядают холст и крестьянское сукно, вяжут чулки и перчатки, плетут тесьмы, кружева и бахрому, вышивают кокошники золотом и серебром, ткнут шелковые кушаки, ковры, попсны и др., каковые изделия у них покупают и развозят по городам и ярмаркам»¹.

Отдаленность Сибири, нужда местного населения в одежде и домашней утвари, в крестьянских орудиях и инвентаре вызвали к жизни мелкую крестьянскую промышленность—начинавшую перерабатывать в «мужичью фабрику», т. е. в мануфактуру со скупщиком и раздатчиком сырья во главе. Особенно выделялись в этом отношении округа Ялуторовский и Тюменский. Соха и коса в этих местах вознаграждали труд меньше, чем занятия промыслами, которые удовлетворяли неприхотливый местный спрос. Развитию промыслов способствовали: наличие местного сырья (лес), близость крупных ярмарок (Ишимской), здесь также проходил головной участок Московско-Сибирского тракта и др. «Кто не занимается ямщиной, тот выделяет кожи, строчит кожаный товар; пробивается гончарным и черепичным мастерством. Тюменские чашки, блюда, санки, корчаги, горшки по прочности и чистоте отделки находят себе сбыт не только в Западной Сибири, но и в Приуральских губерниях... Женщины ткнут сукна, полотна, холсты, ковры, кушаки, вяжут чулки и варежки, шьют овчинные тулупы, башмаки, перчатки из замши. Тюменские ковры славятся во всей Сибири... Богатые леса дают также возможность делать из них все. Здесь, как и в Ялуторовском, делают всякого рода мебель, сита (расходившиеся по всему краю), решета, кованые телеги и сани (которые хотя и уступают Казанским, но лучшие в целой Сибири), дерут лыко и мочалы, плетут рогожи и веревки, гонят смолу

и деготь... Заимствуя от предков своих сольвычегодцев, устюжан, вологодцев, вятчан и новгородцев дух похвальной деятельности, коренное племя жителей Тюменского округа самое бойкое, расторопное, умное, понятливое, оборотливое и промышленное в целой Сибири. Это сибирские владимирцы и ярославцы... Кожевенное производство развито в огромных размерах. Кож и шитого кожевенного товара идет отсюда более, нежели на 1 500 000 р. сер. во всю Сибирь, в Киргизскую степь, даже в Западный Китай, Тюмень и Бухару. Они лучше всего, что выделяется в целой Сибири, но уступают Кунгурским и Казанским»¹.

На Алтае сложился район горнозаводской промышленности с чисто индустриальным населением.

Самая ранняя попытка освоения рудных богатств Алтая относится еще к концу XVII в. Горнозаводская промышленность начала складываться здесь в XVIII в. с помощью Урала, который служил материально-технической базой для ее развития, и связана с деятельностью уральского горнозаводчика Акинфия Демидова. Важной предпосылкой для возникновения промышленности было сложившееся относительно плотное земледельческое население, которое обслуживало новую отрасль хозяйства рабочей силой, а его население жизненными припасами.

Ход развития горнозаводской промышленности на Алтае в кратких чертах был следующий. В 1726 г. Акинфий Демидов основал при р. Локтевке, притоке Чарыша, рудник и небольшой медеплавильный завод. Затем этот завод, вследствие маловодья р. Локтевки, был перенесен на р. Белую, где получил название Колыванского завода; Одновременно происходило открытие многих рудников; Переработка руд производилась на основанных заводах: в 1739 г. — Барнаульском (при впадении р. Барнаулки в р. Обь), в 1744 г. — Шульбинском (при впадении р. Шульбы в Иртыш), в 1744 г. были открыты богатейшие змеиные горские серебряные рудники, при которых был основан также серебреплавильный завод. Вскоре после того появились новые заводы: Павловский в 1763 г., Сузунский в 1764 г., Локтевский (получивший название от образованного течением р. Алея «локтя», т. е. излучины)

¹ Фальк И. Описание Западной Сибири, ч. 1, 1862, стр. 209—211.

¹ Фальк М. Записки путешествия 1768—1774, 1824, стр. 348.

в 1783 г., Гавриловский в 1704 г. и уже в XIX в.—Томский и Гурьевский заводы. В 1747 г. Алтайские заводы и рудники перешли в Управление Кабинета, образовав один округ Колывано-Воскресенский, с 1834 г. переименованный в Алтайский¹.

Так как горнозаводская промышленность, возникшая сперва в предгорьях Алтая, а затем в Кузбассе, основывалась с самого начала на крепостном труде прикрепленных к заводам крестьян, то в Сибири, почти не знавший крепостного права, Алтай и Кузбасс, вместе входившие в состав Алтайского горного округа Кабинета, составили своего рода крепостнический горнозаводский остров.

С 1747 г. началась приписка к заводам и рудникам селений ближайших округов, в 1859 г. число этих селений достигло 1277. Девятая ревизия (1851 г.) зарегистрировала на казенных и частных заводах Алтайского округа всего 169 тыс. душ мужского населения, из них 137 тыс. приписных к заводам крестьян. Среди последних были крестьяне округов: Барнаульского (35,8 тыс.), Бийского (36,0 тыс.), Колыванского (33,5 тыс.), Кузнецкого (25,4 тыс.)².

Квалифицированную силу поставляли мастеровые люди («нижние и рабочие чины»), живущие в специальных поселках при заводах и рудниках. Все население, приписные крестьяне и мастеровые, вместе с женщинами, составляло огромную армию в 350 тыс. человек. Положение рабочих было исключительно тяжелое: «Мастеровые были подчинены военной дисциплине и военному суду с применением шпицрутенов; они должны были отработать известное число часов в руднике или на заводе, или исполнить заданный урок»³.

Черные работы по ломке руды, перевозке ее и других видов сырья и пр. падали всей своей тяжестью на приписных крестьян. Из их среды рекрутировались мастеровые люди. Они таким образом доставляли даровую рабочую силу для заводов и рудников Кабинета на Алтае.

Горнозаводская промышленность Алтая в XVIII в. и в первой половине XIX в. специализировалась на вы-

плавке серебра и сопутствующего ему свинца. Алтай был тогда одним из самых крупных районов по производству серебра не только в России, но и в мире. С 1745 до 1860 г. Алтайский округ добыл серебра до 116 тыс. пудов и золота с 1830 (начало разработки золота) до 1860 г. в количестве до 900 пудов⁴.

По данным П. Кеплена в 1860 г. годовая выплавка серебра на Алтайских заводах составляла 96% от выплавки серебра и 80% от выплавки свинца на всех российских заводах².

Основная часть горнозаводской промышленности была сосредоточена в предгорьях Алтая. Возникновению ее здесь «способствовала сама природа, обнажив горы Змеиногогорского округа от лесов и выставив на самую поверхность выходы главных рудных месторождений, которые не ускользнули от внимания даже прежних полудиких обитателей Алтая»³.

Обилие и доступность рудных месторождений, удобство речных путей сообщения, близость Урала—все эти условия объясняют возникновение промышленности в юго-западной части Алтая, где она достигла большого развития.

Кузбасс, собственно его западная часть Салаир, был вовлечен в сферу горнозаводского производства не благодаря своим углям, которые уже были известны в XVII в., но пока еще не имели значения, так как производство опиралось всецело на древесный уголь, но главным образом благодаря рудам цветных металлов. В 70-х годах XVIII в. с помощью юго-западного Алтая и для удовлетворения его нужд были построены в Салаире железные и сереброплавильные заводы.

По сведениям 1859 г. во всем Алтайском округе было пять сереброплавильных заводов, один медеплавильный, два чугуноплавильных и железоделательных, действующих рудников было 13, из них два медных, а остальные серебро-свинцовые. В том же году было золотых казенных приписок в Кузнецком округе пять, в 1865 г. к ним прибавилось еще четыре¹.

¹ Шеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных Сибири (1032—1882 гг.), Иркутск, 1883, стр. 184.

² Кеплен П. Статистические очерки, стр. 235.

³ Гагемейстер А. Г. Статистическое обозрение Сибири, ч. II, стр. 199—200.

⁴ Шеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных Сибири (1032—1882 гг.), Иркутск, 1883, стр. 184.

¹ Шеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных Сибири (1032—1882 гг.), Иркутск, 1883, стр. 182—184.

² Кеплен П. Девятая ревизия, стр. 294.

³ Алтай, сборник, 1890, стр. 155.

Горный Алтай состоял из четырех округов: Колыванского, Барнаульского, Змеиногорского, Салаирского. Свыше $\frac{2}{3}$ заводских рабочих и приписных крестьян и больше $\frac{1}{5}$ производства серебра, свинца и меди было сосредоточено в первых трех округах. Но зато на долю Салаирского округа приходилось все производство железа, чугуна, значительная часть выжига древесного угля и каменного угля, который начал разрабатываться уже в XIX в. Каждый из заводов и рудников служил ядром, вокруг которого формировалось городское поселение. В 30-х годах прошлого столетия, т. е. через сто лет после начала полиметаллического производства на Алтае, появилась в Сибири *золотопромышленность*. Давно уже сложилось о Сибири представление, как о стране, где «золото гребли лопатами».

Первые золотые прииски появились к юго-востоку от Томска в Мариинской тайге на р. Кия (приток р. Чулыма)¹. В тайгу под влиянием слухов о легкой богатой жизни нахлынул разный народ, начиная от сибирских крестьян и кончая чиновниками. Целые ряды изб в селениях стояли без ворот, дверей и окон, так как хозяева их бросили свое хозяйство и разбрелись на прииски.

Хозяева приисков стремились поскорее «выхватить» богатое золото, «выработать» свою площадь, которая по истечении срока аренды (12 лет) должна была вернуться в казну. «Гоняясь за фунтом лишнего золота, снимают золото только сверху, а остальное погрёбают в отвалах... Там, где прошла эта промысловая чума, не осталось никакого следа. На месте брошенного прииска шумят леса, и нет даже признаков человеческого жилья»².

Попутно следует упомянуть добычу соли из Ямышевского озера. На берегу Иртыша возникли два укрепления: Ямышевская крепость и Коряковский форпост. Паллас воспользовался возможностью осмотреть группы осолонных озер, имевших столь важное значение в истории русской колонизации Западной Сибири, и дал описание этого райо-

на. В Коряковском форпосте находились амбары, хранившие несколько сот тысяч пудов соли, и кроме того соль хранилась в скирдах, покрытых рогожами. На озерах добыча соли производилась вручную путем ломки лежащих на дне пластов и вывоза кусков соли из озера лошаадьми к берегу Иртыша, откуда она далее шла водным путем в Тобольский и Томский уезды по казачьим станицам на пограничной линии и на Урал. Суда, на которых перевозилась соль, ежегодно строились из материалов, добываемых в сосновых борах, пересекавших Кулундинскую степь по долинам рек Касмалы, Барнаулки и др. В середине XIX в. на оз. Коряковском, в 20 верстах от Коряковской пристани, добывалась казною поваренная соль, лучшая в Сибири, до полумиллиона пудов ежегодно.

В отдельных местах Западной Сибири были рассеяны немногочисленные *промышленные предприятия* в форме мануфактур, основанных на полупринудительном труде. В 1700 г. в Тобольске был основан оружейный завод, на который из Москвы были посланы тульские мастера. Впоследствии ружейное и кузнечное мастерство распространилось по другим городам.

В первой половине XVIII в. стало развиваться винокуренное производство. Несколько винокуренных заводов (Уковский, Петровский и Падунский) возникло в Ялуторовском округе, один завод (Екатерининский) в Тарском округе.

В XVIII в. появились стеклянные заводы при дер. Аремзянке (Тобольский округ) и в с. Батюковом (Ялуторовск. окр.), писчебумажная фабрика на речке Рога-лихе (близ Туринска). В XIX в. в 8 верстах от Кургана была устроена первая крупная мельница купца Вагина, в Омске — суконная фабрика, работавшая для нужд казачьего населения.

Томская губ. уступала в этом отношении Тобольской, но и в ней насчитывалось несколько винокуренных, стеклянных и других предприятий мануфактурного типа.

К северу от Тобольска и Томска в низовьях Иртыша и Оби лежала громадная территория с редким населением, с *таежно-промысловым* и *тундрово-промысловым* хозяйством. Долговременная и безудержная эксплуатация непосредственного производителя Севера успела сильно отразиться на состоянии его хозяйства.

¹ В 1829 г. компания Я. М. Рязанова, Г. Ф. Казанцева и С. П. Баландина начала разработку богатых золотых россыпей на р. Кундуструлю — притока р. Кандата, впадающего в р. Кюю. Этим было положено прочное основание развитию сибирской золотопромышленности. В следующем 1830 г. были найдены богатые золотые россыпи на р. Фомике на юго-западном склоне Салаирского кряжа.

² Ядринцев Н. Сибирь как колония, 1892.

Богатые пушные угодья и места рыбной ловли («пески») перешли фактически к пришельцам в результате заката земли или сдачи в аренду. В первом случае ростовщические проценты исключали возможность обратного выкупа земли; в случае аренды рыбные «пески» по истечении продолжительного времени совершенно переходили в собственность арендатора. Население, постепенно лишаясь своих угодий, отходило вглубь вверх по рекам на новые места, которые отличались худшими природными условиями. Кроме того, район их нового расселения сужался и тем самым уменьшалось количество добываемых благ. Высокие цены на приобретаемые от торговцев изделия и баснословно низкие цены на отдаваемые в обмен продукты промыслов исключали возможность даже простого воспроизводства хозяйства. Если сюда прибавить долговую форму торговли, закабалавшую производителя, практикуемые в широких размерах обвешивание и обмеривание, спавание водкой, то станет ясным, что хозяйство северного охотника и оленевода должно было находиться в состоянии неуклонной деградации.

Обнищание населения, физическое вымирание от периодических голодовок и болезней — такова была неприкрашенная картина состояния всей этой хозяйственной территории. Кроме пушнины, уходившей в Европейскую Россию и на заграничные рынки, все остальные промыслы играли незначительную роль в товарообороте. Низкая техника обработки рыбы и условия транспорта ограничивали район возможного сбыта рыбы в другие районы.

Исключительно важную роль в народном хозяйстве Западной Сибири играли обозно-транспортные перевозки по *Московско-Сибирскому* тракту. На всем протяжении от Томска до Тюмени происходило непрерывное движение обозов с кладью, особенно сильное в зимнее время. По данным А. Г. Гагемейстера, в одной Тобольской губернии под обозами с кахетинскими товарами было занято около 35 тыс. лошадей на протяжении 900 верст. Ямщики Канинского округа (Бараба), как и ямщики Тюменского округа, славилась на всю Сибирь. Они ходили и днем и ночью, сопровождая обозы с «красными» товарами с Ирбитской ярмарки, с чаем из Хякты.

Кроме обозной ямщины, здесь широко практиковалась езда на вольнонаемных лошадях, так называемая ямщина

«на дружках». Остальная часть населения, жившая по тракту, извлекала доход от обслуживания обозного движения, занимаясь «дворничеством» (содержанием постоялых дворов), продажей овса и сена приезжающим.

«Время, когда «бегут» возки, самое бойкое на Барабе... Народ топчется на улице; колокольчики то замирают, то снова начинают греметь; одни возки отъезжают, другие приближаются к деревне, третьи стоят на улице подле избы, в которую купцы вошли закусить и напиться чаю. Ночью шум продолжается, как и днем»¹.

Начавшееся в описываемое время (середина XIX века) паровое судоходство между Томском и Тюменью начало отнимать у ямщины летний извоз по тракту, отвлечая часть грузов на водные перевозки.

* *
*

Взаимное географическое положение хозяйственных территорий, вступивших между собой в экономические отношения путем товарного обмена, обусловило и направления движения товарных масс из одних районов в другие.

Установившиеся между ними линии грузового движения можно схематически изобразить следующим образом (рис. 9).

Положение трех хозяйственных территорий: северной промысловой, средней земледельческой и южной — скотоводческой с севера на юг полосами должно было вызвать и постоянно поддерживать грузовое движение северо-южного направления. Главный груз этого направления был хлеб, направлявшийся из средней земледельческой полосы на север в промысловую полосу и на юг в пастбищно-скотоводческую полосу. В обратном направлении с юга из пастбищно-скотоводческой в земледельческую полосу в западной половине Западной Сибири перевозились в большом количестве продукты животноводства (сало, кожа, шерсть), часть которых оседала в Западной Сибири, а другая большая часть вывозилась из Сибири на Урал и в Зауралье; в восточной половине пастбищно-скотоводческая полоса снабжала по преимуществу живым

¹ Потанин Г. Н. Завоевание и колонизация Сибири, «Живописная Россия», т. XI, 1884.

скотом Алтайский горный округ и на севере город Томск. С юга на север шла соль, достигавшая крайних пределов северной полосы.

Зарождающиеся на севере в пределах промысловой полосы потоки грузов состояли из пушнины, уходившей через Тобольск в Европейскую Россию, и рыбы, которая вследствие плохих транспортных условий и плохой обработки почти не выходила за пределы полосы и лишь отчасти попадала в потребление уральского населения.

Пересекая эти линии грузового движения, протянулись две линии (сухопутного и водного) движения, имевшие западно-восточное направление. В образованиях этих потоков принимали участие «русские» товары, главным образом промышленные изделия из Европейской России, китайский чай из Маймачена и Кяхты и, кроме того, разумеется, продукция Западной и Восточной Сибири.

Наряду с этими длинными линиями грузового сообщения, пересекавшими Западную Сибирь в меридиональном и широтном направлениях, массовые перемещения грузов совершались внутри ограниченной хозяйственной территории. К числу таких районов принадлежал Алтайский горный округ с его очень интенсивными перевозками руд, леса, дров, флюсов и других по замкнутым линиям движения. Вывоз продукции округа — драгоценных металлов и снабжение необходимым оборудованием и другими изделиями самого округа — происходило по линии широтного направления, но в общей сумме эти перевозки значительно уступали внутренним перевозкам.

Взаимному географическому положению хозяйственных территорий соответствовало расположение обозных трактов и караванных дорог, а также судоходных путей. По этим путям осуществлялось необходимое грузовое движение, вызванное хозяйственными отношениями между территориями.

Основное магистральное движение совершалось по Московско-Сибирскому тракту (рис. 9). Устройство тракта началось по распоряжению Сената в 1733 г., причем вначале он предназначался для перевозки почты. Впоследствии он шел из Москвы через Казань, Кунгур, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Тару, Каниск, Колывань, Томск, Мариинск (Кийское село) и далее в Восточную Сибирь через Красноярск, Канск, Иркутск, Верхнеудинск до Нерчинска. В 1735 г. тракт был уже готов, и им пользовались

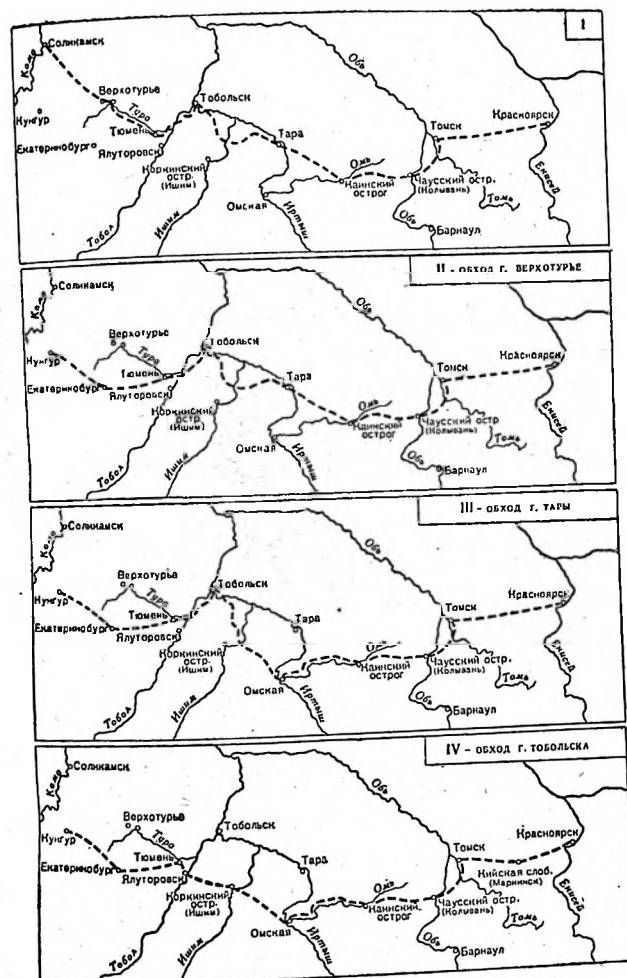

Рис. 9. Направление Московско - Сибирского тракта

не только для перевозки почты, но и для перевозки пассажиров, в том числе чиновников по казенной надобности и ученых путешественников (например Гмелина). Однако участок от Екатеринбурга до Тюмени не имел хозяйственного значения вплоть до 1753 г., когда была уничтожена Верхотурская таможня и тракт от Тюмени повернут к Екатеринбургу в обход Верхотурья.

В пределах Западной Сибири часть тракта от Тюмени до Тобольска была значительно заселена уже в половине XVIII в. По ту и другую сторону дороги в отдалении, по рекам и озерам, появились слободы и деревни. От Тобольска тракт направлялся к Таре. Во время путешествия Гмелина (1741 г.) на этом участке существовало несколько почтовых станций. Участок тракта между Тарой и Томском был проведен постепенно. Сухопутной дорогой между этими городами пользовались и раньше, посылая в экстренных случаях гонцов, причем эта дорога совпадала в основном с позднейшим трактом. Начинаясь от Тары, дорога проходила через Барабу и подходила к Томску, пройдя на значительном протяжении «через татару». Этот участок становится проезжим лишь после постройки упомянутых выше укреплений: Усть-Тартасского, Каинского, Убинского (впоследствии Каргатского). Так как тракт между Тобольском через Тару уклонялся от прямого направления на восток и пролегал по болотистому волоку, то в 1763 г. тракт был проведен в обход Тары через Абацкую, Тюкалу на р. Омь. Возникшая в связи с этим Тюкалинская слобода была основана в 1763 г. (в 1822 г. обращена в город Тюкалинск).

До проведения Московско-Сибирского тракта регулярное грузовое движение между западной (Тобольской) и восточной (Томской) частями Западной Сибири почти отсутствовало. Грузы, которые циркулировали между Западной и Восточной Сибирью, состояли из мехов в западном направлении и хлеба — в восточном. Перевозки этих грузов совершались по рекам и волокам. Они требовали больших трудов и отнимали много времени.

Московско-Сибирский тракт сделал возможным обозное движение между городами Западной Сибири, между Западной и Восточной Сибирью.

После того как резиденция Западной Сибири была окончательно перенесена из Тобольска в Омск, что со-

вершилось в 1838 г., Московско-Сибирский тракт был выправлен, совершенно оставив в стороне Тобольск. С этого времени он стал проходить из Екатеринбурга на Тюмень, оттуда через город Ялуторовск, Ишим, Тюкалинск, Омск (обозное движение обходило Омск), затем вверх и вдоль по р. Оми до села Еланского и далее через Барабу на Томск.

По этому главному тракту грузовое движение происходило между Тюменью и Томском в западно-восточном направлении. Тракт имел ряд ответвлений на север и на юг в виде дорог, соединявших с главной магистралью торговые и ярмарочные пункты, расположенные в стороне от него. К северу отходила дорога от Московского тракта к Тобольску, к югу ряд дорог к станицам казачьей линии, к горнозаводским поселениям Алтайского горного округа (Кузнецко-Барнаульский, Салаирско-Барнаульский тракты и др.).

К югу от укреплённых линий Пресногорьковской и Иртышской шли караванные пути в глубь Казахстана, ведущие к оазисам Средней Азии и Западного Китая. От Бийска через хребты Горного Алтая к границе с северозападной Монголией вел путь, представлявший на значительном участке выючную тропу.

После появления на Алтае рудников и заводов участок тракта между Иртышем и Ообью, который являлся самым коротким путем для сообщения между Сибирью, Уралом и Европейской Россией, приобрел особенно важное значение. Необходимость заселения и лучшего устройства этого участка тракта очень быстро дала положительные результаты.

Первоначальное направление тракта между Томском и Красноярском обуславливалось до начала XVIII в. нахождением к юго-западу от Красноярска киргизов, для защиты от которых был построен Ачинский острог. Долгое время поэтому не существовало прямого сообщения между Томском и Красноярском. Только после удаления киргизов (в начале XVIII в.) и когда в этих местах воцарилась относительная безопасность, вошла в пользование новая колесная дорога, которая была значительно короче прежней, так как она шла южнее через Ачинск. В 70-х годах XVIII в. П. С. Паллас проезжал по этой дороге и дал описание ее. Это была дорога с почтовыми станциями и населенными пунктами.

Караванные пути начинались в Петропавловске и Семипалатинске, стоявшими на пограничной укрепленной линии. Они проходили по территории Средней Орды в среднеазиатские ханства. В первой половине XIX в. Средняя Орда оказалась в окружении русских укреплений и под фактическим управлением царской администрации. В 50-х годах граница Российской империи была перенесена на Сыр-дарью. В этот период от южных границ Западной Сибири отходило на юг пять караванных путей:

1. Из Петропавловска в Ташкент и Бухару через Акмолинский приказ, между укреплениями Ак-Тау и станцией Улутавской на речку Сары-су, далее через Голодную степь на реку Чу.

2. Из Петропавловска в Кульджу степью к Кокчетавским горам вдоль р. Аягуз через Копал.

3. Из Семипалатинска в Чугучак через Аягузский и Кокбектинский приказы.

4. Из Семипалатинска в Кульджу и Кашгарию через Аягузский приказ и Копал.

5. Из Семипалатинска в Коканд через Аягузский приказ, Каркаралы, по р. Чу.

Вдоль караванных путей были устроены в разных местах пристанища — караван-сераи и постоянные дворы. Русские торговцы и азиатские караваны следовали разными путями: русские придерживались пикетной казачьей дороги, караваны стороною через казахские кочевья, те и другие по пути совершали меновую торговлю в определенных местах. Для русских торговцев и их приказчиков при казачьих пикетах были устроены постоянные дворы. В отдельных пунктах, через которые проходили пути, возникали торжища и годовые ярмарки (в Акмолах, Кокчетаве).

Первый из названных караванных путей в Ташкент, начинавшийся в Петропавловске, был наиболее короткий по направлению в среднеазиатские ханства, но остальные четыре проходили по восточной части Средней Орды, гуще населенной казахами, которые, ввиду благоприятных условий для занятий хлебопашеством, переходили к полуседлому образу жизни.

Ценность русских товаров, вывозимых в восточные страны, а также восточных товаров, ввозимых в Россию, регистрировалась в трех таможенных, расположенных на Сибирской линии: в Петропавловске, Омске и Семипала-

тинске. Средняя ежегодная стоимость товаров за пятилетие (1847—1851 гг.) по ввозу и вывозу через каждую из указанных таможен показана в следующей таблице.

Ввоз и вывоз через таможни Западной Сибири за 1847—1851 гг. ¹

Название таможни	Ввоз	Вывоз	Всего ввоз и вывоз	
			в тыс. руб.	в %
Петропавловская . . .	1 000,8	908,2	1 908,9	65,7
Омская	57,5	47,2	104,8	3,6
Семипалатинская . . .	468,0	423,5	891,5	30,7
Итого . . .	1 526,3	1 378,9	2 905,2	100,0

Наибольшее количество товаров, как показывают данные, проходило через таможни, лежавшие на крыльях пограничной линии, т. е. через Петропавловск и Семипалатинск, причем через Петропавловск, благодаря его географическому положению, а именно сравнительной близости к среднеазиатским ханствам, проходило товаров на сумму, более чем в два раза превышающую стоимость товаров, проходивших через Семипалатинск.

Вывозимые товары из России состояли из хлеба, юфти, кож выделанных, тканей бумажных и шерстяных, металлических изделий. Ввозимые в Россию товары состояли из хлопчатой бумаги, скота, фруктов, чая, бумажных изделий. Из названных товаров — хлеб, выделанные кожи, ткани шли главным образом через Петропавловск; юфть, металлические изделия — через Семипалатинск.

В отношении ввоза Петропавловск решительно преобладал по всем товарам, за исключением только чая, шедшего из Китая через Западную Монголию.

Водное сообщение по рекам Сибири было древнейшим способом передвижения грузов. До появления пароходов все баржи и карбасы тянулись под парусом или на бечеве людьми или лошадьми. Часть берегового населе-

¹ Таможенные заставы на границе Тобольской и Томской губ. с Казахской степью сохранились до 1868 г., когда они были упразднены.

ния по Иртышу и Оби поселилась для обслуживания водного транспорта. Но судоходство было настолько неудовлетворительным (отсутствие бечевника, волока и др.), что с устройством гужевых дорог грузы стали отправляться сухим путем, и судоходство пришло в упадок. В начале XIX в. водный путь был почти оставлен. Даже на Обь — Иртышской системе доставка грузов водным путем производилась в очень ограниченных размерах.

Первый пароход «Основа» был спущен в Тюмени в 1841 г. В 40-х годах между Тюменью и Томском ходили два парохода и коноводные суда, но пароходы едва могли сделать в лето два оборота, а коноводки и обыкновенные суда не всегда успевали закончить обратный путь; часть их вынуждена была зимовать где-нибудь недалеко от Сургута и Нарыма; в таких случаях они разгружались, и перевозка грузов совершалась по зимнему пути гужом. С появлением пароходов значительно увеличилось количество буксирных судов. Хотя водное сообщение оставалось долго еще неудовлетворительным, появление первых пароходов способствовало некоторому понижению цен на провоз грузов: доставка грузов из Тюмени в Томск стоила обыкновенно от 45—50 коп. серебром с пуда¹. В 1860 г. пароход совершил свой первый рейс к городу Березову. С 1861 г. началось пароходное движение по Иртышу, перевозки коряковской соли в Тобольск и Тюмень. В 1860 г. было 12 пароходов, делавших рейсы по р. Оби, Иртышу и Тоболу. По данным А. Г. Гагемейстера, в 50-х годах в речном судоходстве было занято около 10 тыс. судорбочих.

* * *

Все изложенное выше в этой главе можно свести к нескольким основным положениям.

Поскольку города являются формой приспособления расселения к территориальной организации народного хозяйства, необходимость централизации неземледельческого населения в городских поселениях и самый их социально-экономический тип зависит от общей структуры

хозяйства, а размещение городов — от взаимного географического положения хозяйственных территорий, связанных между собою общественным разделением труда.

В рассматриваемый период (XVIII в. и первая половина XIX в.) в Западной Сибири в ее внутренних и внешних экономических отношениях преобладающее значение имеет торговый капитал, который должен был собрать сырье и распределить изделия на огромном бездорожном пространстве с редким разбросанным населением, жившим в условиях натурального и полунатурального хозяйства. Торговый капитал, который смыкался с ростовщическим, служил в основном экономическим орудием воздействия метрополии на Западную Сибирь как на свою колонию.

С другой стороны, приспособляясь к тем условиям, в которых реально совершалось обращение товаров, торговый капитал был представлен многочисленной армией мелких посредников и агентов, проникавших во все поры полунатурального по структуре и пространственно разбросанного хозяйства и стоявшими во главе этой армии несколькими крупными оптовыми фирмами.

Воздействие торгового и ростовщического капитала, широко пользовавшегося методами «внеэкономического принуждения», вместе с агентами государства, обиравшими непосредственного производителя, усиливали процесс товарного обращения, ускоряли разрушение полупатриархальной основы хозяйства, способствовали появлению элементов общественно-географического разделения труда.

Разделение труда выразилось в хозяйственной специализации отдельных территорий (земледельческой, скотоводческой, таежно-промысловой, горнозаводской) и в установлении между ними экономических сношений. Жесткая необходимость постоянных и регулярных сношений способствовала появлению целой системы трактовых, караванных водных путей, по которым происходило грузовое движение.

Распределение хозяйственных функций между существующими городами находилось в зависимости от их географического положения в отношении к хозяйственным территориям и путям грузового движения.

В некоторых случаях экономическая жизнь, не удовлетворяясь существующими городами, вызывает к жизни новые поселения городского типа.

¹ Военно-стратегическое обозрение Российской империи, т. XVII, ч. 1—3, составл. Сильвергольм, СПб., 1849, стр. 34.

IV. РОСТ И СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Обзор статистических источников и их критика. Параллельный рост общего населения Западной Сибири и населения городов. Торговля и промышленность как факторы централизации неземледельческого населения в городах. Социально-сословный состав городского населения

Наиболее существенные перемены в экономических условиях развития городов, о которых шла речь в предыдущей главе, должны были найти свое отражение в демографических и экономических процессах, в количественных показателях и в качественных особенностях. Остановимся сперва на количественной стороне этих процессов, качественную же сторону мы рассмотрим в следующей главе. О том, как шел процесс роста городского населения в течение рассматриваемого периода, дают некоторое представление данные, которые можно получить из статистических источников того времени.

Необходимо поэтому вкратце остановиться на характере этих источников и степени достоверности тех сведений, которые в них содержатся.

Для всего XVIII в. можно воспользоваться данными ревизий, произведенных в течение этого столетия, но в отношении городов ревизии в лучшем случае дают численность одного только мужского населения. Данные пятой ревизии, которые опубликовал автор «Статистического обозрения Сибири» в 1810 г., содержат, кроме численности мужского населения, подробные сведения о его сословном составе и о числе домов в городах. Существует ряд статистических источников о городском населении первой половины XIX в., которые содержат официальные данные, доставленные с мест. Таковы

«Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 г.» (изд. 1830 г.), «Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи» (изд. 1852 г.) и др. О качестве данных в предисловии к более позднему изданию Центрально-статистического комитета было написано, что «с давнего времени городская и земская полиция, почти единственный у нас доселе источник важнейших основных статистических данных, ... привыкли составлять все вообще статистические данные без всякой тщательности и поверки».

Сведения о городском населении Западной Сибири за 1825, 1835, 1851 гг. приведены в таблицах, приложенных ко II тому «Статистического обозрения Сибири» Гагемейстера (изд. 1854 г.). Обязательный труд по демографической статистике П. Кеппена («9-я ревизия»), к сожалению, не дает сведений о численности населения отдельных городов. В 60-х годах появляются первые издания возникшего в это время Центрального статистического комитета. Приводимые в этих трудах статистические данные подвергались возможно строгой проверке и контролю, хотя источником этих сведений продолжали служить те сведения, которые доставлялись с мест административными органами. К статистическим трудам, содержащим сведения о суммарном городском населении или по отдельным городам Западной Сибири, относятся: «Статистические таблицы Российской империи, вып. 2-й. Наличное население империи за 1858 г.» (изд. 1863 г.) «Томская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г.» «Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868—1869 гг.».

Из перечисленных трудов первый содержит лишь суммарный итог городского населения по Тобольской и Томской губерниям, «Список населенных мест» по Тобольской губернии содержит сведения, относящиеся к более позднему периоду, но приводит также сведения по первому списку населенных мест (изд. 1859 г.).

Сведения о населении отдельных городов Западной Сибири приведены в книге И. Завалишина «Описание Западной Сибири» (ч. I, изд. 1862 г., II — 1865 г.) с ссылкой на 10-ю ревизию как на источник этих сведений. Сравнивая эти данные с другими, также основанными на 10-й ревизии, следует полагать, что автор несколько изменил эти данные, хотя об этом он прямо не пишет. Наконец, особое место занимает пятитомное издание под названием «Городские поселения в Российской империи». Это издание включает в себе все существующие городские поселения в начале 60-х годов. Пятый том этого издания содержит сведения о городах Тобольской и Томской губерний. В них помещены сведения о населении по каждому городу за 1858 г., заимствованные из источников Центрального статистического комитета.

Однако статистические сведения, которые дают все названные источники, поскольку, как мы знаем, они собирались городской и земской полицией, могут иметь только весьма относительное значение. Однако это единственные сведения, которыми мы располагаем. Составители «Списков населенных мест» в плане своего издания выражают сомнение в степени достоверности приводимых данных, пишут: «показатели числа домов и дворов и числа жителей введены в списки не с целью точного по оным счета жилищ и на-

¹ «Статистические таблицы Российской империи», вып. 2-й. Наличное население империи за 1858 г. Пб., 1863, стр. VI.

распределения каждого стана, уезда или губернии, а только для обозначения относительного значения разных мест» (курсив, наш Р. К.). Но эти данные не только далеки от точности, но и расходятся с теми показателями в разных источниках.

Чтобы дать представление о степени расхождения даваемых сведений, приведем данные о численности городского населения нескольких городов за 1853—1859 гг. по разным источникам.

Города	Источники		
	Список населенных мест	10-я перепись (по Западн. Азии)	Городские поселения в Росс. имп.
Тобольск	17 056	17 056	15 894
Тюмень	13 186	13 996	10 284
Томск	20 983	20 209	14 071
Барнаул	11 287	10 922	11 681
Общее население в Тобольской губ.	79 539	69 016	74 243
В Томской губ. ¹	500 8	45 441	40 595

Обнаруживаемое таблицей расхождение сведений о населении городов по разным источникам является подтверждением того, что достоверность этих сведений очень сомнительная, но ввиду отсутствия других более надежных источников приходится остановить свой выбор на том из них, сведения которого можно считать ближе к действительности.

Для сравним численность населения нескольких городов за 1858 г. по разным источникам с данными предыдущей и последующей даты. Для такого сравнения мы располагаем сведениями о населении городов в 1851 г. (по А. Г. Гагемейстеру) и о населении тех же городов в 1875—1876 гг., которые дает «Экономическое состояние городских поселений Сибири». Сравнивая эти данные,

Города	Гагемейстер (1851 г.)	Список населенных мест (1858 г.)	Городские поселения (1858 г.)	Экономическое состояние городских поселений (1876 г.)
Тюмень	9 674	13 186	10 284	16 664
Томск	13 511	20 983	14 071	33 800

¹ Данные общего населения относятся к одному и тому же списку городов. В Тобольской губернии: Тобольск, Березов, Ишим, Курган, Омск, Тара, Туринск, Тюмень, Ялуторовск, Петропавловск и Тюкалинск; в Томской губернии: Томск, Барнаул, Бийск, Канск, Кузнецк, Мариинск, Колывань, Нарым.

следует учесть, что первый промежуток, отделяющий 1851 г. от 1858 г., продолжался 7 лет, второй, отделяющий 1858 г. от 1876 г. — 18 лет, т. е. почти в два с половиной раза дольше.

«Списки населенных мест» дают увеличение населения для Тюмени за период 1851—1858 гг. на 3 512 человек, за период 1858—1876 гг. на 3 478 человек.

«Городские поселения» дают соответственно 610 и 6 380 человек. Для Томска «Списки населенных мест» дают 7 472 и 12 817 чел.; «Городские поселения» — 561 и 19 729 чел.

Если принять во внимание, что те тенденции развития Тюмени и Томска, которые были нами освещены в 3-й главе, продолжали существовать и в течение 2-й половины XIX в. (вплоть до постройки Сибирской ж. д.) и даже усилились в связи с общим развитием товарно-капиталистического производства в Западной Сибири, то следует думать, что принятие данных «Городских поселений» в качестве среднего звена между 1851 г. и 1876 г. гораздо более обосновано, чем выбор в качестве источника «Списка населенных мест». По приведенным соображениям для итоговой характеристики динамики городского населения я предпочел принять сведения, даваемые «Городскими поселениями».

* *

Как же шел рост общего населения Западной Сибири и параллельно с ним населения городов?

Сравним между собою данные о численности городского и сельского населения в обеих западно-сибирских губерниях за промежуток 1825—1858 гг.

Рост городского и сельского населения в Западной Сибири в период 1825—1858 гг.¹

Губернии	Городское население			Сельское население		
	в 1825 г.	в 1858 г.	Увеличение в %	в 1825 г.	в 1858 г.	Увеличение в %
	в тыс. чел.			в тыс. чел.		
Тобольская	50,3	74,2	147,5	539,2	947,0	176,6
Томская	28,7	40,6	141,5	396,3	654,1	162,5
Вся Сибирь	79,0	114,8	145,3	935,5	1601,1	171,1

¹ Общее население для 1858 г. принимается по «Статистич. табл. Рос. имп. Вып. 2-й. Население империи за 1858 г.», стр. 179—180. Данные о городском населении в таблицах отсутствуют. Они взяты: для 1825 г. из «Статистич. изображения городов и поселков Российской имп. по 1825 г.», в сумму вошло исчисленное население Барнаула и Колывани; для 1858 г. из «Городских поселений в Российской имп.».

Эти данные показывают, что городское население в обеих западносибирских губерниях росло почти одинаково; сельское же население в Тобольской губ. увеличилось с большей быстротой, чем в Томской. Более ускоренный рост сельского населения Тобольской губ. за эти годы объясняется прежде всего ее положением у самого «входа» в Западную Сибирь. В то же время плодородные земли Алтая находились в монопольном владении Кабинета и не были доступны для массового заселения и освоения.

Сравнивая между собою темпы роста городского и сельского населения, мы обнаруживаем, что за 33 года городское население увеличилось почти наполовину, между тем как сельское население выросло за это время больше, чем наполовину. Более быстрый рост сельского населения привел к изменению соотношения этого населения с городским: удельный вес городского населения снизился с 7,8% в 1825 г. до 7,2% в 1858 г. По губерниям процент городского населения снизился соответственно в Тобольской губ. с 8,5 до 7,3, в Томской губ. с 6,8 до 5,8.

Таким образом к концу 50-х годов население западносибирских губерний распределялось между городом и деревней в следующей пропорции (в %):

Губернии	Сельское	Городское
Тобольская . . .	92,7	7,3
Томская	94,2	5,8

Для того чтобы получить правильное представление о значении приведенных показателей городского населения в обеих губерниях, сравним их с аналогичными показателями в некоторых губерниях Европейской части России, приняв во внимание, что средний коэффициент урбанизации в России составлял в 1858 г.—10,6%¹.

¹ Волков Е. В. Динамика народонаселения, см. «Статист. таблицы Росс. империи. Вып. 2-й. Наличие населения за 1858 г.», где средний коэффициент равен 8,2%. Он повторяется в дополнениях к Колюбу «Руководство к сравнительн. статистике», 1862, т. III, стр. 128.

К Тобольской губ. по показателю урбанизации стоят близко губернии: Тамбовская (7,3%), Волынская (7,2%), Ковенская (6,9%); к Томской губ.: Костромская (5,7%), Рязанская (6,2%), более низкие показатели дают губернии: Вятская (2,5%), Вологодская (4,4%), Самарская (4,1%)¹.

Как видим, по степени развития городского населения на одном уровне с западносибирскими губерниями стояли многие центральные и западные губернии Европейской России. Западная Сибирь стояла в этом отношении впереди многих других северных, восточных и юго-восточных губерний Европейской России.

Неодинаковое изменение показателей роста городского и негородского населения было вызвано прежде всего тем, что почти весь прилив нового населения в Тобольскую и Томскую губернии из Европейской России питал рост одного только сельского населения, городское же население росло главным образом за счет своего естественного прироста.

В пользу этого вывода говорит прирост городского населения, который составлял ежегодно всего 1,4% или 14 человек на 1 000 жителей, т. е. он шел примерно в границах естественного прироста. Отсюда можно было бы заключить, что население городов Западной Сибири почти не увеличивалось за счет приливающего извне нового населения. Но этот вывод, к которому мы приходим на основании среднего показателя прироста населения всех городов, не может быть верным, так как этот показатель затемняет существующие различия между городами. Несомненно, что прилив нового населения извне, хотя и весьма слабый, повидимому, существовал. Такое предположение основано на том, что в некоторых городах Западной Сибири прирост населения был ниже естественного, а в иные годы смертность населения в этих городах превышала рождаемость. Так, например, данные, которыми мы располагаем за период 1860—1869 гг. показывают, что в Тобольске перевес смертности над рождаемостью составлял свыше 4 тыс. чел.² Отсюда следует, что в других городах рост населения был выше его есте-

¹ Эти сведения позаимствованы из «Статистич. табл. Росс. имп. Вып. 2-й. Наличие населения за 1858 г.», Пб., 1863, стр. 182—183.

² Список населенных мест Российской империи, Тобольская губерния, 1868, стр. СХХI.

ственного прироста. Во всяком случае верно то, что в западносибирских городах в течение рассматриваемого периода не наблюдается процесса отвлечения населения из деревень в город, из сельского хозяйства в промышленность. Население городов росло крайне медленно, притом рост его отличался неравномерностью между отдельными городами. Этот вывод подтверждается показателями роста населения по отдельным городам.

Рост отдельных городов в 1825—1858 гг.

Города	Численность населения в		Население 1858 г. в ‰ к 1825 г.— 100.
	1825 г. ¹	1858 г.	
Тобольск . . .	16 882	15 894	94,1
Березов . . .	922	1 420	154,0
Ишим . . .	1 211	2 298	189,7
Курган . . .	1 290	3 333	258,4
Омск . . .	9 122	18 437	202,1
Тара . . .	4 323	4 610	106,6
Туринск . . .	2 630	3 881	147,6
Тюмень . . .	7 727	10 284	133,1
Ялутоговск . .	1 845	2 789	151,2
Петропавловск	3 495	9 926	287,0
Тюкалинск . .	842	1 371	162,8
Томск . . .	10 197	14 071	138,0
Барнаул . . .	н. св.	11 681	н. св.
Бийск . . .	3 102	3 769	121,5
Капск . . .	1 625	2 930	180,3
Кузнецк . . .	2 154	1 655	76,3
Марининск . .	—	3 347	—
Колывань . . .	н. св.	2 251	н. св.
Нарым . . .	877	891	101,6

Таблица не оставляет никакого сомнения в том, что юго-западные города Западной Сибири, выросшие в центре земледельческих районов, связанные экономически с южными скотоводческими районами, показывают наиболее высокий рост населения, значительно превышающий норму естественного прироста. Это — города: Петропав-

¹ Гагемейстер А. Г. Статистическое обозрение Сибири, т. II, табл. VIII, по Петропавловску взято из «Статистич. обзор. городов и поселков Россійск. импер. по 1825 г.». Для Омска взята численность населения в 1835 по «Географ.-статист. словарю России», т. III, стр. 642.

ловск, Курган, Ишим, имевшие соответственно ежегодный прирост в 5,6, 4,8 и 2,4%. К числу этих городов относится и Омск с ежегодным приростом в 4,4%, хотя его рост, как мы знаем, связан почти исключительно с переносом в 1838 г. центра управления из Тобольска в Омск. Абсолютное уменьшение населения показывают города: Кузнецк, Тобольск, близко к этим городам стоят Нарым и Тара.

Однако таблица несколько затемняет процесс роста отдельных городов. Дело в том, что она показывает только относительный рост отдельных городов, при этом такие карликовые поселения, как Березов, Туринск, даже при небольшом абсолютном росте населения, неизбежно дают сравнительно высокий процент прироста и, наоборот, такие города, как Тюмень и Томск, попадают по приросту в одну группу с этими городами.

Между тем, если взять абсолютный прирост населения в городах в течение 1825—1858 гг. равный 35,8 тыс. человек, и проследить как он распределяется между городами, то окажется, что на долю только пяти городов, а именно: Омска, Петропавловска, Томска, Тюмени и Кургана, приходится $\frac{2}{3}$ (67%) всего абсолютного прироста городского населения.

Однако рост даже юго-западных городов (Омска, Петропавловска и других) измеряется такими незначительными абсолютными величинами, что и они не в состоянии поколебать представления о присущем городам Западной Сибири застойного характера развития. Масштабы их роста — карликовые. Эта характерная черта их развития хорошо подчеркивается наблюдениями за перемещением городов во времени из одной категории в другую.

Для сравнения приведем данные о 15 городах и проследим их движение за период 1825—1858 гг.¹

Анализируя таблицу на стр. 156 мы обнаружим, что в течение 33 лет (1825—1858 гг.) из трех городов самой нижней группы (города Березов, Тюкалинск и Нарым), один только Нарым к 1858 г. остался в той же группе. Из группы городов с населением в 1—2 тыс. жителей (Ишим,

¹ Для 1825 г. отсутствуют сведения о количестве населения в Омске, Барнауле, Колывани и Марининске. Поэтому эти четыре города пришлось исключить из таблицы.

Курган, Ялуторовск, Каменск) все города перешли в следующую категорию городов (с населением от 2—5 тыс. жителей), зато из пяти городов этой последней катего-

Г о д ы	Количество городов с населением, в тыс. чел.					
	Менее 1 тыс.	От 1—2	От 2—5	От 5—10	От 10—15	От 15—20
1825	3	4	5	1	1	1
1858	1	3	7	1	2	1

рии (Тара, Туринск, Петропавловск, Бийск и Кузнецк) только один Петропавловск успел перейти в следующую более высокую категорию (от 5—10 тыс. жителей), а Кузнецк перешел в низшую. Томск остался в той же категории (10—15 тыс. человек), в какой он состоял в 1825 г., но в 1858 г. в ту же группу вошел город Тюмень.

В высшей категории (15—20 тыс. жителей) и в 1825 г. и в 1858 г. находился единственный город — Тобольск, но в 1858 г. население его уменьшилось. Таким образом для 11 городов (из 15) высшим пределом развития оставалась группа от 2 до 5 тыс. человек. Томск и Тобольск застряли на долгий период в тех же группах, в каких они находились в 1825 г., и только Тюмень и Петропавловск сумели «прорваться», каждый в следующие более высокие группы.

Для объяснения причин застойного развития городского населения обратимся к выяснению характера промышленности и торговли, которые были в них сосредоточены, и отношения их к эволюции городов. Однако для разрешения возникающих при этом вопросов источники дают недостаточные сведения, отрывочные и весьма скудные.

Известно, что города в период раннего феодализма — это наиболее крупные по сравнению с деревней поселения, жители которых занимаются сельским хозяйством и ремеслом. Впоследствии города превращаются в центры ремесла и торговли. В более поздний период в городах начинает концентрироваться капиталистическая промышленность в форме мануфактур, которые с появлением паровой машины превращаются в крупные фабрики и заводы. Только на этой стадии своего развития про-

мышленность превращается в фактор бурного экономического развития городов.

Если мы обратимся к имеющимся данным о промышленности в городах и селах Западной Сибири, то прежде всего бросаются в глаза ничтожные размеры промышленных предприятий, которые в источниках того времени именуются «заводами». Вот несколько примеров. В 1860 г. в пределах Тобольской губ. числилось 580 таких «заводов» и «фабрик», находившихся в городах и вне городов, и на всех этих предприятиях было занято всего 3 744 работника, что дает в среднем на каждое всего 6,5 человека. Те же предприятия в том же году выработали продукции на 2 405,8 тыс. руб., что дает в среднем 4,1 тыс. руб. выработки.

Таким образом, «заводские» предприятия того времени являются скорее ремесленными мастерскими. Но средние показатели неизбежно сглаживают действительные различия.

В той же Тобольской губ. существовали предприятия, на которых по имеющимся сведениям было занято более значительное количество работников. Например, на четырех винокуренных заводах этой губернии числилось 1 408 человек, что дает в среднем 352 человека на каждый; на суконной фабрике (в Омске) работало 158 человек. Но число этих предприятий было невелико, и они не меняли общей картины.

Карликовый характер предприятий был свойственен и промышленности Томской губ. Исключение в этой губернии составляет горнозаводская промышленность Алтайского округа, основанная на принудительном труде. Впрочем, элементы большей или меньшей принудительности труда составляли неотъемлемую принадлежность всех более крупных винокуренных, суконных и других предприятий. В обществе с неразвитыми экономическими отношениями крупная промышленность могла возникнуть и существовать только на основе принудительного труда, на труде крепостных, ссыльных, каторжан, солдат и т. д.

Сама промышленность Западной Сибири отличается большим однообразием.

Ее можно разделить на следующие группы: промышленность по обработке животного сырья: кожаная, лосинная, салотопная, мыловаренная, свечносальная и др.;

промышленность по обработке *растительного* сырья: винокуренная, пивоваренная, водочная, маслобойная, канатная, писчебумажная, скипидарная и т. д.;

промышленность по обработке *ископаемого* сырья: кирпичная, гончарная, стекольная и т. д.

прочая, которая состояла из большого числа кузниц и мельниц, с одной стороны, и единичных предприятий, сосредоточенных в таких городах, как Тюмень и Томск (литейное и др.), с другой стороны.

Орудия труда, употреблявшиеся в этих предприятиях, были орудиями, рассчитанными на единоличное употребление, неуклюжие и рутинные. Общие условия развития промышленного производства в Западной Сибири, а именно, раздробленность, узость и замкнутость отдельных чисто местных рынков, должны были вызвать состояние застоя и в формах производств.

Однако неправильно относить всю промышленность Западной Сибири к типу или ремесла или крепостнической мануфактуры. В действительности большая часть мелкой промышленности находилась в состоянии перехода от ремесла к мелкому товарному производству и превращения ремесленника в товаропроизводителя. С постепенным расширением производства для сбыта изделий на местных рынках и на ярмарках начинают действовать законы товарного производства.

В некоторые отрасли промышленности, работавшие на более обширный рынок, вторгается торговый капитал в виде торговца-скупщика и торговца-раздатчика материала. Торговый капитал, пробивая себе дорогу в эти отрасли, подчиняет себе производства мелких товаропроизводителей. Наиболее ярко этот процесс протекает в таких отраслях промышленности, как кожевенная, салотопная и др., и в отдельных городах, как Тюмень и Томск. Однако, капитал не был в состоянии сразу изгнать в тех отраслях промышленности, куда он проник, старые методы производства, превратить применяемые в них орудия производства в современные производительные силы, приводимые усилиями многих людей, ремесленные орудия труда в систему машин, маленькую мастерскую в капиталистическую фабрику.

При таком единственно возможном подходе к вопросу становится ясным, почему промышленность городов, крайне скромная по размерам, не могла по своей

социальной природе явиться фактором,двигающим вперед развитие городских поселений.

Наглядным подтверждением того, что промышленность того времени не могла явиться градообразующим фактором, служит распределение суммы промышленного производства между городом и селом в 1860 г.

Губернии	Произведено промышлен. предприятиями (в тыс. р.)	
	в городах	вне городов
Тобольская . .	1 101,2	1 304,7
Томская ¹ . . .	411,0	210,1
Итого . . .	1 512,2	1 514,8

Таблица показывает «равномерное» размещение промышленности между городами и селами, но эта «равномерность» целиком вытекала из общего крайне низкого экономического состояния Западной Сибири и состояния самой промышленности.

Транспортные пути для перевозки сырья находились в жалком состоянии. Межрайонные связи были еще неразвиты. Промышленная продукция находила сбыт преимущественно на местных рынках. Исключение составляли только такие изделия, как кожи, топленое сало, хлебное вино, которые служили предметом сбыта в другие отдаленные части страны. Промышленность базировалась на примитивной технике.

При этих условиях город не обладал какими-либо экономическими преимуществами, делавшими его способным притягивать к себе промышленное производство. Некоторые отрасли совершенно определенно избегали города, но совсем не по той причине, почему, по словам Ф. Энгельса, «каждый отдельный капиталист постоянно стремится перенести свое производство из необходимо порождаемого капитализмом большого города в сферу сельского производства»².

¹ Без горной промышленности Алтайского округа.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XIV, стр. 301.

Общая неразвитость экономических условий служила причиной того, что промышленность часто предпочитала сельскую местность, где она находилась в непосредственном контакте с местным рынком сбыта, рынком сырья или местом заготовки древесного топлива.

Рассялаясь вне городов, эта промышленность вместе с тем не была способна превратить деревню в город по той причине, почему она была бессильна двигать и развивать те мелкие города, в которых она частью осела.

Какие именно отрасли промышленности тяготели преимущественно к городам или преимущественно к деревням, какие обнаруживали своего рода «безразличия» к месту своего пребывания, представление об этом может дать распределение промышленных предприятий (так называемых «заводов» и «фабрик») между городом и деревней.

Распределение промышленных предприятий между городом и деревней в Тобольской губ. в 1860 г.¹

Отрасли промышленных производств	Число промышленных предприятий		
	в городах	вне городов	всего
Всего	354	226	580
В том числе:			
Промышленные предприятия по обработке животного сырья	194	154	348
Промышленные предприятия по обработке растительного сырья . . .	23	46	69
Промышленные предприятия по обработке ископаемого сырья	138	11	149

«Городскими» по преимуществу производствами были: свечное (производство свечей для канцелярий и более зажиточного городского населения), мыловаренное, кирпичное (для городского строительства отдельных домов, церквей, присутственных мест), гончарное (производство горшков, чашек, блюд для городского и сельского потребителя). «Сельскими» по преимуществу про-

изводствами были: винокуренное, маслобойное, стеклянное и др., употреблявшие большое количество дровяного топлива. К «нейтральным» принадлежали салотопенное и кожевенное. Это были самые распространенные производства; свыше половины всех предприятий губернии были заняты обработкой кожи и перетопкой сала. Они почти ровно наполовину делились между городом и деревней (144 в городах, 152 в деревне).

В процессе формирования населения городов более значительную роль, чем промышленность, играла торговля, особенно оптовая, и связанные с нею складочно-распределительные функции. Развитию торговли и выяснению значения ее в жизни городов было уделено достаточно места в предыдущих главах этой книги.

К сожалению, невозможно уточнить характеристику этого процесса выяснением его количественной стороны, ввиду отсутствия статистических данных о товарообороте и грузообороте городов. Некоторое значение приобретают сведения о количестве числящихся в гильдии торговцев по отдельным городам.

В Тобольской губ. в 1860 г. было выдано торговых свидетельств 848. Капиталов 1-й гильдии, т. е. капиталов, занятых преимущественно в оптовой торговле, было всего 18, из них в Тюмени — девять, в самом Тобольске — всего один. Наибольшее число торговцев с торговыми свидетельствами было в Петропавловске (173), но это были преимущественно мелкие торговцы, торговавшие по свидетельствам 2-й гильдии, затем Курган и др.

Совершенно очевидно, что капиталы, занятые в торговле, принадлежали в подавляющем своем большинстве к мелким¹. Каждый город был «как бы заключен в самом себе» и связан только с окрестными жителями потребностями в жизненных припасах.

Разрозненность городов и неоживленность в них торговой деятельности послужила, главным образом, к образованию большого числа сельских ярмарок и торжков, расплывших огромное количество мелких торговцев, переезжавших в течение всего года с одного рынка на другой. Торговля, распыленная по мелким торжкам и

¹ «В Тобольской губернии есть такие купцы (в уездных городах в особенности), что иному и самому поехать нечего!» Заваляшин И. Западная Сибирь, ч. II, стр. 32.

¹ Памятная книга для Тобольской губернии на 1861—1862 г.

ярмаркам, не могла явиться фактором централизации населения в немногих городах.

Известную роль в процессе централизации городского населения играли административные и отчасти военные функции городов, которые вызывали и определенные экономические последствия.

Под влиянием административно-военных функций создается в городах известный круг жителей (чиновники, военные). Войдя в общий состав населения, они влияют на экономическую жизнь города своими потребностями, способами удовлетворения этих потребностей. В Омске военно-чиновничья среда наложила реальную печать на жизнь города, но она была заметным фактором также в Тобольске, Томске, Барнауле.

Народнохозяйственные функции городов являются тем фактором, который определяет вместе с тем социальный состав населения.

Некоторые более или менее приближенные представления об этом могут дать сведения о сословных группах среди городского населения. Попытаемся выяснить на основании этих материалов некоторые наиболее характерные черты социального состава городского населения в середине XIX в.

Распределение городского населения по сословным группам в 1851 г.¹ в ‰ в их сумме.

Сословные группы	Губернии		Обе губернии
	Тобольская	Томская	
Купцы	4,0	5,0	4,3
Мещане и цеховые .	45,5	58,4	49,6
Чиновники и дворяне	10,0	8,3	9,3
Военные	37,8	26,6	34,4
Духовенство	2,7	1,7	2,4

Наиболее характерной для городов группой населения является та, которая объединяет мещан, цеховых и купцов. Эта группа составляла в городах Тобольской губ. половину населения, в Томской губ. около $\frac{2}{3}$ всего городского населения.

К этой группе принадлежали купцы, мелкие торговцы, ремесленники, чернорабочие, мелкие служащие и мещане, не имевшие определенных занятий или занимавшиеся сельским хозяйством и рыболовством. Типичным в этом отношении городом была Тюмень. Среди населения Тюмени 78,3% принадлежали к «городской» сословной группе. Следующее место после него занимал Томск, в котором мещане и купцы составляли около половины всех жителей.

Торговые функции некоторых городов должны были сказаться в относительной многочисленности той части населения, которая принадлежала к купеческому сословию. Действительно, в таких городах, как Тюмень, Томск и Петропавловск, которые выделялись на общем фоне своими торговыми операциями, носившими преимущественно оптовый характер, лица купеческого сословия составляли почти половину всего этого сословия в крае: 1 529 человек из общего количества в 3 218 человек.

Выполняемые городами административные функции обусловили наличие в составе городского населения группы чиновников. По количеству жителей, примыкающих к этой группе, выделялись прежде всего губернские города: Тобольск, Томск, а также местопребывание генерал-губернатора всей Западной Сибири — город Омск. Эти же города выделялись относительной многочисленностью военных. Однако в отношении военного населения побивал рекорд город Омск: военные составляли 60% всего населения этого города и почти $\frac{1}{3}$ всего военного населения в крае.

Таковы те статистические данные о городском населении и его социальном составе, весьма скудные и не совсем достоверные, но единственные, которыми можно для этой цели воспользоваться. Этого, однако, далеко недостаточно. Для того, чтобы экономическая жизнь городов получила более конкретное, предметное освещение, следует обратиться к характеристике хозяйственной деятельности жителей каждого отдельного города.

¹ Гагемейстер А. Г. Статистическое обозрение Сибири, ч. II, табл. VIII, 1854.

V. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Города в конце водного пути по Оби и Иртышу в местах пересечения его Московско-Сибирским трактом (Тюмень и Томск). Города на южной укрепленной линии (Омск, Петропавловск, Семипалатинск и др.). Города в северной и таежно-промысловой полосе (Тобольск, Березов и др.). Города и поселки Алтайского горного округа (Барнаул и др.). Древние города, превратившиеся в селения (Кузнецк, Туринск и др.). Выводы.

Выяснив в общих чертах наиболее важные перемены, происшедшие в народном хозяйстве, в его территориальной организации, мы имеем теперь возможность перейти к изучению тех основных перемен, которые наблюдаются в географии городов Западной Сибири. Эти перемены выразились отчасти в появлении новых городских поселений и в исчезновении некоторых старых; но в гораздо большей степени они выразились в перераспределении элементов хозяйственной жизни между существующими городами в зависимости от их географического положения. Наиболее существенный результат этих перемен заключается в том, что некоторые военные поселения, возникшие в Западной Сибири, в связи с расширением государственной территории начинают, подобно губке, впитывать в себя элементы хозяйственной жизни и постепенно превращаться в экономические города. Уже как хозяйственные организмы, все более крепнущие, эти города под влиянием географического положения обнаруживают известное разделение труда и становятся важными звеньями территориальной организации народного

хозяйства Западной Сибири. Проследить процесс трансформации городов в зависимости от их географического положения в рамках рассматриваемого периода (XVIII и первая половина XIX в.) составляет задачу этой главы.

* *
*

Среди городов Западной Сибири выделяются в первой половине XIX в. города Тюмень, Томск, тесно связанные друг с другом географическим положением, вследствие чего хозяйственная жизнь обоих городов приобрела некоторые общие черты.

Тюмень и Томск занимали пограничное положение: первый между Европейской Россией и Сибирью, второй — между Западной и Восточной Сибирью, на противоположных концах длинной водной линии сообщения, они замыкали с востока и запада дугу Оби и Иртыша длиной свыше 3 000 км. В 40-х годах между Тюменью и Томском началось пароходное сообщение. К этим городам с запада и с востока подходили сухопутные линии сообщения. Начальными пунктами западной линии были: Москва, Нижегородская ярмарка и Петербургский порт; начальным пунктом восточной линии была Кяхта на границе с Монголией.

Между Тюменью и Томском эта сухопутная линия отклонялась к югу, образуя тот участок Московско-Сибирского тракта, который в зимнее время связывал эти два города. Тюмень и Томск были, таким образом, не только западными и восточными воротами Западной Сибири, но и местами необходимой перевалки грузов с тракта на водный путь и временного их хранения до отккрытия навигации. Оба города являлись важными транспортными узлами обозного и речного движения и наиболее крупными центрами оптовой торговли и смешанных сухопутно-водных перевозок. Среди товаров главное значение имели: китайский чай, железо, шерсть и др.

Немалое влияние на хозяйственное формирование этих городов имело их положение на границе леса и лесостепи, между земледельческим югом, изобилующим хлебом, маслом, салом, кожами, и таежно-промысловым севером, богатым рыбой, дичью, пушниной, орехами, ягодами. Но кроме этих черт сходства, в географическом положении этих городов были существенные различия.

В самом деле, к югу от Тюмени земледельческая лесостепь переходила в безбрежную степь с пастбишным скотоводством: напротив, к югу от Томска узкая полоса лесостепи стиснута между таежно-промысловыми территориями: низменной на севере, горной на юге.

Тюмень находилась в западной части Западной Сибири, которая к середине прошлого столетия была более населенной и лучше освоенной по сравнению с восточной частью, тяготевшей к Томску.

Тюмень оказалась в центре экономически развитой территории, среди населения которой сложились разнообразные мелкие крестьянские промыслы; она лежала вблизи горнопромышленного Урала, единственного в то время производителя железа в России.

Иной характер имели окружающие Томск хозяйственные территории: горнопромышленный Алтай значительно уступал по своей мощи Уралу.

Город Тюмень выделялся среди городов Западной Сибири развитием хозяйственной деятельности своего населения. Еще в XVIII в. тюменские жители занимались большей частью хлебопашеством, но в городе и тогда заметную роль играла промышленность и прежде всего кожевенная. Сырые кожи закупались в южных степных районах, выделанные кроенные кожи отпускались в большом количестве в Казахскую степь. Тюмень удовлетворяла спрос на кожаные коты, которые заменяли сибирякам лапти из лыпы¹.

Другой промысел, которым занимались преимущественно женщины, было плетение сетей, так что рыбопромышленники из отдаленных частей севера запасались в Тюмени сетями. Женщины также занимались ткачеством шелковых кушаков из привозного китайского шелка.

Значительные изменения претерпели хозяйственные функции Тюмени в первой половине XIX в. Здесь прежде всего обращало на себя внимание выдающееся участие, которое принимало население города в водных и сухопутных перевозках в связи с тем, что весь поток грузов, шедших с запада на восток, и значительная часть шедших с востока на запад проходила через Тюмень. Неда-

ром герб города, ставшего уездным с 1782 г., изображал на синем поле серебряную реку с золотой мачтой судна в знак того, что от этого города начинается плавание по рекам Сибири и перевозка по ним товаров из России. Но особенно значительного развития достигли обозные перевозки. «В дождливую погоду, во время движения бесконечных обозов с товаром, преимущественно чая, идущего из Кяхты, жить на главных улицах становилось невыносимо. Крики и ругань ямщиков, лай и визг множества собак — все это сливается вместе, и только крепкие нервы тюменцев могут переносить этот шум, продолжающийся с утра до позднего вечера»¹.

В организации обозных перевозок большую роль играли подрядчики, которые брали на себя доставку товаров, для каковой цели они подражались с ямщиками, каждый из которых имел по несколько лошадей. С этой транспортной деятельностью была тесно связана промышленность по обслуживанию перевозок как в самом городе, так и в ближайших волостях: изготовление телег, саней, повозок, сундуков, ящиков, кузнечное дело, литье дорожных колокольчиков.

В самой промышленности города резко преобладала одна отрасль — кожевенная и изготовление изделий из кожи: шитье обуви, выделка овчин, шорное дело. Нам уже известно, что выделка кож была стародавним занятием жителей города, занесенным сюда его первыми жителями, выходцами из Поморья. Положение города в том месте московского транспорта, где начинается водный путь, объясняет нам, почему эти промыслы развились здесь и пустили такие глубокие корни. В 50-х годах в городе насчитывалось до 50 предприятий, которые вместе выделяли до 400 тыс. воловьих, конских и других шкур². Кроме юфтовой и подошвенной кожи, выделялись рукавицы, примитивная обувь (бродни, чирки). Все изделия кожевенно-обувной промышленности расходились преимущественно среди казачьего, ссыльного, тюремного населения и населения золотых приисков Сибири. Сырые кожи приобретались в Петропавловске, Семипалатинске, на ярмарках в Тобольской губ.

¹ «Сибиряки, хотя и вышли из внутренних русских областей, но по недостатку в лесах лыпы нужда научила их ходить в котях и упоках, так привыкли, что лаптями гнушаются» (Из словаря Шекатова).

¹ Ядринцев Н. М. Западная Сибирь. «Живоп. Россия», т. XI, стр. 75—76.

² Абрамов Н. История города Тюмени. «Вестник ИРГО», ч. 23, 1858, № 8.

Кожевенная промышленность сообщала Тюмени характер промышленного города. По своей организации эта промышленность принадлежала к мануфактуре. Например, шитьем бродней на окраине города занимались целые семьи чуть не в каждом доме. Материал для изготовления бродней представляли мелкие заводчики, которые и держали всю массу кустарей в экономической зависимости от себя. Посредниками выступали зажиточные кустари: одни из них принимали подряд на шитье, другие имели небольшие заведения и вели торговлю броднями непосредственно. Между кустарями, работавшими на дому, существовало разделение труда: одни шили голенища, другие—головки, третьи—пришивали голенища к головкам. В этом промысле участвовало и женское население, но женщины больше занимались тканьем разных холстов, ковров, рогож, вязанием сетей¹.

В 1845 г. в Тюмени по настоянию сибирского купечества была учреждена ярмарка (Васильевская), имевшая целью подорвать значение Ирбитской ярмарки. Однако Тюменская ярмарка оказалась не в состоянии вытеснить своего конкурента, так как она открывалась в первых числах каждого нового года, когда обозы из Восточной Сибири, где санный путь устанавливался поздно, не могли успеть к открытию ярмарки. С другой стороны, не успевали приходить пушные товары, так как на севере в это время происходил меновой торг. Между тем, Ирбитская ярмарка открывалась в феврале и имела на своей стороне другие преимущества. С 1849 г. торговые обороты Тюменской ярмарки стали быстро падать.

В составе населения Тюмени резко выделялись две группы: мелкие заводчики, раздатчики матернала, скупщики и подрядчики—с одной стороны; ремесленники, кустари (чеботари, сапожники, шорники и т. д.)—с другой.

В городе было много мелких торговцев, которые, начиная с Тюменской или Ирбитской ярмарки, все остальное время находились в постоянных разъездах по торговым делам по окрестным селениям и местным ярмаркам.

¹ «И целый день сиднем сидят за работой»,— добавляет автор, описывающий Тюмень 50-х годов (Абрамов Н. История города Тюмени. «Вестник ИРГО», ч. 23, 1858, № 8, стр. 148).

Г. Н. Потанин, знавший города Сибири по личным наблюдениям, считал Тюмень самым типичным буржуазным городом в Сибири. Буржуазия этого города отличалась крайне низким умственным и культурным развитием. «Тюмень чистойшей воды Тит-Титыч»,— пишет он. «Жизнь в Тюмени—это был театр Островского, импровизированный самой жизнью»¹.

Географическое положение города Томска было оценено Палласом, который прожил в нем некоторое время. Находясь городом «благословенным», он далее объясняет, что «водная коммуникация подает прекрасный случай к торговле, и вся торговля отправляется через город Томск. К тому хлеб здесь дешев, также мясо и рыба, коею Томь и Обь весьма изобильны, в толиком множестве имеют, что отселе оною снабжают в зимнее время и прочие места». «Томские жители имеют по большей части свое пропитание ремеслом: фабрик здесь не имеется никаких, кроме юфтяной и набойчатой».

В его время еще сохранилась крепость или «кремль» города, обнесенный стеной с башнями по углам и воротам; но главная часть города переместилась вниз к берегу р. Томи. Однако наружный вид этой нижней части города был довольно печальный. «Нельзя себе ничего беспорядочнее представить, как узенькие, кривые и одна другую пересекающие улицы, дома, один другой загораживающие, и скверные лачужки, которые, как еще по остаткам видно, все сие многолюдное место составляли».

Географическое положение Томска привлекло к себе внимание и другого путешественника XVIII в., а именно М. Фалька. Он писал: «Томск по своему положению при большой дороге и по причине отдаленных городов, делающих здесь закупки, производит значительный торг иностранными европейскими, китайскими и бухарскими товарами. Последние привозятся, но не всякий год, бухарскими караванами, а первые из Макарьевска, Ирбита и Кяхты».

Иногородние Российские купцы покупают в Томске сибирские продукты. Томская мягкая рухлядь в великом уважении»². В городе проживало в его время свыше 8 000 человек.

¹ Потанин Г. Н. Города Сибири в сборн. Сибирь, ее современное состояние и ее нужды», 1908, стр. 252.

² Фальк М. Записки путешествия 1768—1774 гг. 1824, стр. 541.

Часто случалось, что шедшие из Тобольска по р. Кети в Енисей суда опаздывают и по мелководью Кети пройти не могут, тогда они берут направление в Томск и там выгружают товары, отправляя их сухим путем в дальние сибирские города.

В 1763 г., по данным П. А. Словцова, в Томске насчитывалось 542 купца. Наиболее богатые ездили в Кяхту с пушниной и кожей. Китайские товары, вымененные в Кяхте, вывозили в Ирбит, где променивали на российские товары, часть их променивали на южной границе Западной Сибири бухарцам, казахам на скот и кожи, последние опять шли в обмен на китайские товары¹.

Подмеченная путешественниками особенность положения Томска резко усилилась в последующее время под влиянием происшедших перемен в условиях хозяйственной жизни, и Томск к середине XIX в. превратился, как мы знаем, в крупный транзитный пункт, в город большого торгового значения.

«Торговое значение Томска определилось его положением в такой точке меридиана, которая является наилучшим пунктом для перевоза товаров из западной половины Сибири в восточную, ибо всякое переселение меридиана к югу от города встретит скалистые горы, всякое переселение к северу от города—лесные трупцы, выбуны и болота»².

Эти географические условия местности делали наиболее удобным направление сухопутных перевозок из Красноярска на Томск. Томск лежал в начале судоходства по Томи, выше Томска перекаты затрудняют судоходство, ниже перекатов нет. Было естественно поэтому сплавливать летом прибывшие с востока грузы вниз по реке.

Томск как бы руководил движением по Сибирскому тракту от Тюмени до Иркутска и водным путем по р. Оби. Торговое значение Томска заключалось в том, что он служил складочным местом для проходящих через Томск транзитных товаров. Приходящие сюда сухопутным грузы, главным образом чай,³ дожидались открытия навигации.

¹ Силин Е. П. Кяхта в XVIII в. Иркутск, 1947, стр. 172.

² Потанин Г. Н. Города Сибири в сборн. «Сибирь, ее современное состояние и ее нужды», 1908, стр. 249.

³ В Томске проверялась доброта чая посредством совка, откуда и название «совочный» чай.

В Томске все грузы перекадываются или перегружаются с возов на суда и обратно. Перевозка грузов составляла важный промысел города. Видное место среди городских жителей занимали подрядчики, которые подырались на сухопутную перевозку чая из Кяхты. Суда, на которых перевозились в Тюмень и Тобольск товары сибирские и китайские, принадлежали преимущественно томичам. С 1846 г. суда буксировались пароходами. На барках, построенных в самом Томске, сплавлялся хлеб в низовья Оби.

Хозяйственные функции города обусловили и пульсацию населения. Число жителей города увеличивалось обычно весной, благодаря притоку чернорабочих, частью нанятых на золотые прииски, частью к рыбопромышленникам или для загрузки и выгрузки судов. В Томск свозился зимним путем весь улов рыбы по Оби, начиная от Нарыма, а также по Кети и Чулыму. Из Томска рыба распределялась по Сибири: в Мариинск, Красноярск, Минусинск и далее на восток¹.

Как и в Тюмени, в мелкой промышленности Томска (а другой в то время не было) первое место занимал кожевнный промысел, выделка юфтовых и подошвенных кож. Часть выделанной кожи отправлялась в Кяхту для обмена на чай, другая часть предназначалась для выделки конской упряжи, обуви для населения золотых приисков.

В 1830 г. золотопромышленность, появившаяся в Мариинской тайге, усилила торговую деятельность города, который снабжал прииски хлебом, мясом, живым скотом, увеличился грузооборот, идущий через Томск. Здесь в Томске тратились деньги, попавшие в руки в связи с добычей золота.

«В городе появилось несколько миллионеров... Все эти томские золотопромышленные тузы 30-х годов: Филимоновы, Отопковы, Сосулины, Гороховы прожгли свои капиталы на пирах и на безвкусных затеях, теща свое тщеславие случайно разбогатевших выскочек»².

¹ Торгово-промышленное значение гор. Томска, «Тобольск, губ. вед.», 1893, № 48.

² Потанин Г. Н. Города Сибири в сборн. «Сибирь и ее современное состояние и ее нужды», 1908, стр. 244. Один из названных золотопромышленников Горохов построил себе в городе дом с зеркальными окнами. Около своего дома, под горой, Горохов сделал

В городе появились каменные дома. В 1782 г., по свидетельству М. Фалька, в Томске не было ни одного каменного дома, а в 1850 г. их было 50. «Оживляются промысел и торговля. В 1823 г. было 140 лавок, в 1835 г. уже их 228. Открывается первый банк (Сибирский общественный в 1843 г.). Увеличивается число обозов, проходящих через Томск»¹.

Но кратковременный блестящий расцвет Томской золотопромышленности не оставил никаких серьезных следов в хозяйственной жизни города. Замедлился ускоренный темп экономической жизни, сократился извозный промысел, которому был нанесен новый удар развитием пароходства по Оби.

* *

Вторая группа состояла из южных городов, выросших преимущественно из казачьих поселений и слобод, возникших на укрепленных линиях, отделивших русскую оседлость от степных кочевых соседей и постепенно передвигающихся к югу. Здесь проходила граница между хозяйственно различными территориями: к северу — земледельческая полоса, а к югу — пастбищно-скотоводческая. Длинные караванные пути вели через Казахские степи в далекие оазисы Средней Азии и Джунгарии. В тех пунктах, где эти караванные степные пути и удобные скотопрогонные тракты соприкасались с пограничной линией, развилось несколько торговых поселений: Петропавловск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, своего рода ворота в южную степь и в далекие зарубежные страны. Остальные города, возникшие ранее (Ишим, Курган, Омск и др.), оказались к середине XIX в. в глубоком тылу, в центре сравнительно густого земледельческого населения.

В хозяйственной жизни городов второй группы можно легко подметить одну общую черту. Она состоит в том, что эти города, благодаря своему географическому поло-

сад, обошедшийся ему в четверть миллиона рублей, где он воздвиг павильоны, киоски, бельведеры с вычурными надписями: «Храм любви», «Убежище для уединения», оранжереи. Здесь в саду Горюхов задавал пиры. В своем доме Горюхов, которого звали томским «герцогом», принимал поздравления с праздником всей губернской знати с губернатором во главе.

¹ Город Томск, 1912, стр. 11.

жению, теснейшим образом связаны со скотоводством Казахской степи: они ведут торговлю в глубине степи, стягивают к себе живой скот и продукты животноводства (шерсть, сало, кожи), производят первоначальную обработку собираемого сырья и переправляют в места потребления во внутренние части Западной Сибири, на Урал, в Европейскую Россию. Обратно отсюда шел поток русских промышленных изделий, которые расходились по степным кочевьям и попадали в отдаленные оазисы Средней Азии.

Таким образом, создавалась малая сеть городских поселений, которая выполняла хозяйственные функции по установлению экономических связей между Казахстаном и Средней Азией, с одной стороны, Западной Сибирью и Европейской Россией, с другой.

В том месте, где идущая из глубины Казахстана караванная дорога подошла к Горькой пограничной линии укрепления, в том месте, где последняя пересекла р. Ишим, в 1752 г. была основана «Крепость Петра и Павла», в начале XIX в. переименованная в город *Петропавловск*. К востоку и западу от нее расположены были десять других меньших укреплений. Уже во второй половине XVIII в., т. е. вскоре после своего основания, Петропавловская крепость, занимая наиболее южное положение на Ишиме, приобретает большое значение. Почти с самого основания своего она сделалась местом торговли с Бухарой, Ташкентом и Казахской степью. Кроме казахов, проживало здесь по торговым делам много иногородних купцов: русские, ташкентские, бухарские, казахские. Казахье население постепенно растворялось в гуще пришлого торгового и промыслового населения. Здесь производится изрядный меновой торг со Среднею киргизскою ордою. Близ крепости на месте, огороженном рогатками, стояли в два ряда деревянные лавки, в которые летом ежедневно привозят свои товары и вечером опять увозят в город¹. Казахи пригоняли в Петропавловск лошадей, рогатый скот и овец. В середине XIX в. в иные годы собиралось свыше 500 тысяч голов крупного и мелкого скота только из одной Казахской степи. В 100 км от Петропавловска местность Тапичикуль ежегодно в июле превращалась в крупную скотопригонную ярмарку, куда являлись скотопромышленники и их

¹ Фальк М. Записки путешествия 1768—1774 гг, 1824, стр. 364.

приказчики из Кургана, Ишима, Шадринска. Последние проникали в самые отдаленные углы Казахстана (на оз. Балхаш, к р. Чу), скупая или выменивая рогатый скот и овец.

Большая часть скота откармливалась до поздней осени вначале в степи на подножном корму, затем овсом и сеном вблизи, салотопен. Значительная часть сделок имела меновой характер.

В самом Петропавловске на салотопнях вытапливалось сало, на кожевенных и овчинных «заводах» выделялась мерлушка, очищали собранную шерсть. Все это затем отправлялось на Ишимскую ярмарку или, минуя Ишим, прямо на Ирбитскую ярмарку. Петропавловск был тесно связан с Ишимом, с его зимней Никольской ярмаркой. Ишим был следующим торговым звеном после Петропавловска.

В город Ишим доставляли сало, кожи, овчины из Петропавловска и хлеб из окрестностей. Сюда съезжались оптовые скупщики, частью из отдаленных городов Европейской России (Москвы, Одессы, Ростова на Дону, Таганрога). Покупка сала мелкими торговцами производилась почти всегда на наличные деньги, но главные продавцы и покупатели заключали условия по торговым записям с отсрочкой платежа до ярмарок Ирбитской, Шадринской или даже до продажи сала в Петербурге.

По данным И. Завалишина, из оборота ярмарки в 2½ млн. руб. сер. на сделки с салом приходилось до 700 тыс. руб., на кожи и изделия из кожи 330 тыс. руб., на коровье масло 350 тыс. руб.¹

Ишим, небольшой поселок, превращался во время ярмарки в город с населением свыше 20 тыс. человек. В городе становилось «тесно, неудобно, товары лежат горами не только на дворах, но и на улицах; приезжие теснятся не только в домах, но и в избах, даже в банях, а приезд растет — значит, потребность есть настоящая, не спрашивающаяся у власти и закона»².

Сало с ярмарки уходило в города Европейской России, часть его в петербургский порт на экспорт, сырые

кожи в Тюмень для обработки, масло в Шадринск и Екатеринбург для горнозаводского населения Урала, хлеб в северные районы.

Местная промышленность Ишима состояла из салотопенных заводиков. Плотники и кузнецы применяли свое мастерство в устройстве ярмарочных балаганов, в ремонте возов и экипажей, собиравшихся в большом количестве во время ярмарки.

Петропавловск был непосредственно связан также с Кураном.

Город Курган в середине XIX в. был связан как со скотоводством, так и с земледелием. Скот гуртами скупался в Петропавловске, откармливался в Куранском округе. Сало перетапливалось в салотопнях города и вывозилось для экспорта в Петербург, мясо на уральские заводы, сырые кожи в Тюмень.

Хлеб, собираемый из ближайших земледельческих местностей, перерабатывался на единственной в Сибири паровой мельнице, сравнительно крупной, и вывозился мукой в северные районы. Можно отметить местный пряничный промысел, связанный с мукомольным производством. Пряники расходились по сельским ярмаркам Западной Сибири.

Город Семипалатинск во времена Палласа представлял собою укрепление обычного типа на Иртышской линии. Выше и ниже крепости были расположены два предместья, обнесенные палисадами и рвом. Жители их состояли из купцов, казаков и отставных солдат. В 15 верстах выше крепости находился меновой двор, где совершалась меновая торговля с караванами, приходившими из Казахстана и Средней Азии. Меновой двор состоял из нескольких деревянных домиков и лавок, разделенных на ряды и обнесенных рогатками и рвом. Постройки двора предназначались для жилья и для хранения товаров. Приходившие сюда караваны из Ташкента и Бухары привозили изделия из хлопчатой бумаги; наиболее выгодная торговля велась с казахами Средней орды, пригонявшими сюда овец, лошадей.

Сильное развитие получила торговля в Семипалатинске в первой половине XIX в., когда увеличился привоз из Коканда и Бухары шелковых и бумажных тканей, сушеных фруктов; из Китая — чая; из Казахстана — верблюжьей шерсти и овчин, войлоков, кожи, сала, живого

¹ Завалишин И. Описание Западной Сибири, ч. I, 1862, стр. 172.

² Там же, стр. 69.

скота; из Западной Сибири—юфты, хлеба, чугуна, железа, металлических изделий.

В самом городе часть населения занималась выделкой кожи, шуб из мерлушки, перетопкой сала, заготовкой мяса.

Привезенные из Средней Азии и Западного Китая товары расходились по ярмаркам Западной Сибири, живой скот гнали в Томск, оттуда на золотые прииски.

Город Омск, построенный в 1716 г., по своему географическому положению стал центром расходившихся от него двух укрепленных линий: Горькой и Иртышской. Ввиду такого важного стратегического положения Омска здесь находилось главное начальство этих линий¹. До 1763 г. Управление Иртышской линией находилось в Ямышеве, но Омск имел преимущество перед последним, так как мог удобнее снабжаться из Тобольска, Тары, Барабы и Томска².

Во времена Палласа Омская крепость состояла из двух частей: старой и новой. В старой, уже развалившейся, крепости, построенной на Иртыше, выше впадения р. Оми, сохранилась лишь деревянная стена с бастионами и рвами. Ниже впадения р. Оми на ее правом берегу, на возвышенном месте, была заложена в 1768 г. новая, усовершенствованная вобановская крепость против кочевников. Но этой грозной по виду крепости, построенной по всем правилам фортификации, не суждено было участвовать ни в одном военном действии. Туда и стали постепенно переноситься казенные учреждения из старой крепости. В новой крепости были построены существующие и поныне здания. По обеим сторонам Оби были построены небольшие предместья («форштадты») для казаков и оставших солдат.

Население крепости состояло из казаков, свободных переселенцев и так называемых «подлых» людей, т. е. ссылаемых за разные преступления после наказания кнутом. П. Фальк отмечает среди жителей «ссылных и преступников с вырванными ноздрями», часть которых («не

столь важные») живут в городе и отмечены пришитым на спине красным лоскутом¹.

На левом берегу Иртыша против Омска стоял Маякский редут, построенный для прикрытия менового торгового, производимого купцами с казаками Средней орды. «Коль скоро летом киргизы приедут для торгового, то на башне редута бьют в барабан, и тогда приехавшие из Омска купцы с товарами собираются для торгового»².

В 1838 г. Омск стал центром гражданского и военного управления Западной Сибири, местопребыванием генерал-губернатора. Из чисто военного городка Омск превратился в военно-чиновничий город.

В 1822 г. в Омске была построена суконная фабрика для снабжения линейного казачьего войска сукном. Это было небольшое предприятие, на котором в 1826 г. работало 226 человек. Мастерские и рабочие люди состояли из неспособных к службе казаков, частью из мальчиков, увечных и глухонемых, главная же часть рабочих состояла из людей, сосланных за маловажные проступки и бродяжничество³. Для обеспечения фабрики шерстью в казачьих станицах были устроены образцовые овчарни, находившиеся на попечении полкового командира и чиновников, но опыт трехлетней практики дал плохие результаты, и овчарни были ликвидированы, а шерсть стали покупать на рынке. Впоследствии была ликвидирована и суконная фабрика как приносящая убыток и дававшая плохое сукно.

Остальные промышленные предприятия Омска состояли из «заводов», под которыми в действительности фигурируют рабочие избы, где хозяева с тремя-пятью работниками выделывают кожи или сальные свечи для омских канцелярий.

¹ О нравах Омска в середине XVIII в., о полном бесправии жителей и о царившем в городе кнутовой режим можно легко представить себе хотя бы по такому факту. «Командир Сибирского корпуса, Карл Львович Фрауендорф (1758 г.), не ходил иначе по улицам, как в сопровождении ординаров, которые были вооружены плетью и т. п. орудиями. «Бей до смерти» были в его устах самым обыкновенным выражением. Были случаи, когда он в запальчивости в утреннюю прогулку до обеда истязал людей целыми сотнями». Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири, ч. II, стр. 44.

² Фальк М. Записки путешествия 1768—1774 г., 1824, стр. 380.

³ Словцов И. Я. Материалы по истории и статистике Омска, ч. I, 1880, стр. 61.

¹ Командир Сибирского корпуса Шпрингер в 1764 г. признал крепость «главным местом, где должно всегда находиться главному тем (пограничным) линиям командир».

² Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири, ч. II, 1889, стр. 54.

Омск не имел какого-либо торгового значения. На Иртыше между Семипалатинском и Омском не было никакого судоходства, за исключением только сплава казенной соли из Коряковского форпоста мимо Омска и провианта в обратную сторону для снабжения казачьих станиц. Обозы по Московско-Сибирскому тракту не заходили в Омск, а проходили в 50 верстах мимо Омска. Главным источником существования населения служили те средства, которые получали военные и гражданские чиновники в виде «казенного» содержания. Эти средства и обращались между торговцами и жителями города.

Г. Н. Потанин отмечает одну характерную особенность города, вполне гармонирующую со сделанной выше характеристикой. «Значительный процент населения составляли отставные чиновники и отставные офицеры и солдаты. В Омске была самая дешевая жизнь на всем расстоянии от Петербурга до Иркутска, и в то же время, благодаря генерал-губернаторской резиденции, здесь было веселее, чем в каком-либо другом губернском городе; здесь бывали концерты, спектакли, балы и фейерверки. Поэтому омские чиновники, вышедшие в отставку, нигде не уезжали и оставались здесь жить; из других городов Сибири, даже из Иркутска и Оренбурга, отставные чиновники съезжались сюда доживать свой век на пенсию. Это обилие чиновников, служивых и отставных, превращало Омск в город Акакьев Акакьевичей»¹.

О военном происхождении города напоминала сохранившаяся крепость, которая служила началом развития города, его историческим ядром. «Крепость, окруженная эспланадой, выглядывала чем-то вроде уединенного монастыря, и казавшаяся замкнутость ее осязательно поддерживалась тем, что ее башни (ворота) на ночь были постоянно запираемы на замки, а пред прилегающим к ним мостами чрез ров снаружи, по линии рогаток, шедших по гласису, опускались шлагбаумы. Правда, и тогда между строениями было немало каменных, но простота казенной их архитектуры, а тем более вид, преимущественно, низменных или от вежости вросших в землю деревянных домов не представлял ничего приятного для глаза. Еще более скудны были хорошими зданиями фор-

штадты, тогда еще очень небольшие»¹. Они состояли из небольших деревянных построек, немощенных улиц, дощатых тротуаров, придававших городу, в целом, вид широко раскинувшейся степной казачьей станицы.

Город *Бийск*, построенный как укрепление в 1709 г. близ соединения р. Бии с р. Катунью, оказался в местности, богатой плодородными почвами, усиленно заселявшейся крестьянами, превращавшими ее в район хлебопашества, скотоводства и пчеловодства. Местность эта занимала удобное положение как в отношении Алтайского горного округа с его чисто индустриальным населением, так и в отношении пастбищно-скотоводческого Алтая. Такое взаимное положение разнотипных производственных районов с течением времени вызвало между ними торговое движение. На равнине оно шло со стороны Московско-Сибирского тракта в горнозаводские поселки, в районы горного Алтая и лежащую за Алтаем Западную Монголию. В пределах горного Алтая главной артерией был так называемый «Чуйский тракт», получивший свое название от р. Чуи (правого притока р. Катунь), по долине которого тракт достигает границы Монголии. Город Бийск оказался отчасти в фокусе этого движения.

Торговля бийских купцов с Алтаем началась с 80-х годов XVIII в. Сперва она велась с жителями собственно Алтая, которые в то же время служили посредниками в торговле с монголами. Торговые связи Бийска с Алтаем вместе с проникновением русского населения в его долины распространялись все далее на юг и впоследствии достигли юго-восточных границ с Монголией. Здесь в Чуйской степи на берегу р. Чуи вырос русский поселок Кош-Агач, состоявший из десятка избушек, служивших для склада товаров. Недалеко от Кош-Агача ежегодно происходила ярмарка. Бийские купцы привозили на ярмарку юфтовые кожи, простое сукно, бисер, пуговицы, медные чайники и тазы, чугунные котлы, железные замки, капканы, топоры. Часть привозимых товаров приобреталась на Ирбитской ярмарке. С Чуйской ярмарки купцы вывозили сурковые шкурки, кирпичный чай, китайскую дабу, рогатый скот, баранов, лошадей. Кирпичный чай и китайскую дабу купцы сбывали среди населения самого Алтая. Са-

¹ Золотов П. А. Несколько слов об Омске, «Акмолинск. ведомости», 1872, № 20.

¹ Потанин Г. Н. Города Сибири в сборн. «Сибирь, ее современное состояние и ее нужды», 1908, стр. 250.

мой важной статьёй торговли был скот, который купцы гнали гоним на золотые прииски Томской и Енисейской губ. или в поселки Алтайского горного округа. Последние снабжались бийскими купцами хлебом, который приобретался в окрестностях Бийска.

*
*

Хозяйственная жизнь северной группы городов Западной Сибири во главе с городом Тобольском формировалась в связи с промысловым хозяйством населения тайги и тундры. Она была основана на жестокой эксплуатации малых народов Севера, занимавшихся охотой, рыболовством, оленеводством.

Главная часть населения этих поселков и Тобольска экономически существовала за счет того продукта, который извлекался из хозяйства непосредственного производителя при помощи торгово-ростовщических операций. Вся система эксплуатации северного жителя имела своим центром город Тобольск, а щупальцами те гнезда мелких посредников и торговых, которые были рассеяны по северным поселкам (Березов, Обдорск, Сургут и пр.). Жизнь людей этих поселков была непрерывной охотой за хантами, маньсями и ненцами, которых они ловили с выносимыми ими из глуши продуктами промыслов. Получая в долг у более крупных торговцев, преимущественно тобольских, хлеб и мануфактуру, они выменивали их на пушнину, рыбу, кедровый орех, после чего сводили расчеты с тобольскими купцами, продавая им также добычу из собственных рыболовных промыслов. Меновую торговлю производили путем объезда юрт.

Город Березов был последним пунктом, в котором закон позволял торговлю спиртными напитками, дальше на север ввоз водки и торговля водкой были запрещены. Жители Березова были главными поставщиками водки на север.

В Березове было несколько водочных складов и множество кабаков. Захватив с собою пять-десять ведер водки, березовец отправлялся за пушшиной, особенно охотно на Обдорскую ярмарку. Водка сильно развлеклась водой. Возвращался житель Березова обратно из Обдорска с барышами, которые обеспечивали его на целый год.

Обдорская зимняя ярмарка служила местом общего съезда населения тундры и тайги. Съезжались манься, ненцы для ввоза ясака и для меновой торговли пушшиной, моржовыми клыками, тюленьими шкурами и т. д.; ханты с Конды и Ляпина, зыряне из Архангельской губ., приезжали сюда и тобольские купцы и их приказчики, мещане, крестьяне и казаки из Березова и Сургута.

В ожидании ярмарки обдоряне еще с октября начинали готовить хлеб для хантов и ненцев, которые брали его в запас. Многие выпекали тысячи ковриг черного хлеба. Испеченный хлеб складывали в амбары и сараи в поленицы, как дрова. Хлеб здесь слеживался, смерзался и заносился сугробами снега, рассчитывали на то, что он все равно будет съеден кочевым населением. Вот одно из описаний того, что происходило здесь в ожидании ярмарки и на самой ярмарке.

«Гости движутся все ближе и ближе к Обдорску, с побережья Ледовитого океана, от Тазовской губы, с высот седого Урала, из лесов — словом с севера, юга, востока и запада». С севера сюда стекаются ненцы, с востока ханты. Ненцы везут клыки моржей, шкуры белого медведя. «Они пробывли значительную часть года в безлюдных тундрах, припасы их истощились, дети подросли, завязались свадьбы, нужен калым, для этого нужны и сукно и бусы, наконец, главное хлеб. Ярмарка начинается попойками, драками, шумом, гамом; село кишит народом, улицы, площади, дома полны гостями». Но вот в начале февраля утихает ярмарочная сумятица. Тобольяки нагружают нарты пушшиной и едут в далекий обратный путь в Тобольск, откуда в Ирбит на ярмарку. Ненцы со своими стадами уходят на север с вымененными предметами: печеным хлебом, кирпичным чаем, оружием, котлами, топорами, огнивом, деревянной посудой. Все эти товары скверного качества и забраны преимущественно в кредит втридорога с обязательством отдать долг пушным товаром к следующей ярмарке. Вторую половину года (лето и осень) поселок живет заботами и интересами рыбного промысла.

Со вскрытием рек все ждут «воньзя»¹. К Обдорску начинают подплывать сверху тобольские купцы и про-

¹ Воньзь — хантыйское слово, означает первый подъем рыбы с моря.

мышленники на дощаниках и каюках. Суда, кроме закон-
тракованных в Тобольске рабочих, везут товары для ме-
новой торговли: хлеб, соль и разные промышленные изде-
лия, частью закупленные на Ирбитской ярмарке, частью
изделия тобольских кустарей. Летом почти все дома наглу-
хо заперты. Население уезжает на север и возвращается
обратно в Обдорск к осени. Суда, нагруженные обдорской
рыбой, отправляются в обратный путь в Тобольск.

Город *Нарым*, центр Нарымского края, по складу
своего экономического быта во многих отношениях был
сходен с Березовом и другими поселениями северо-за-
падной части, но с тем отличием, что, ввиду своего гео-
графического положения, он тяготел не к Тобольску, а к
Томску. Экономическая его жизнь основывалась на сно-
шениях с промысловым населением тайги и тундры се-
веро-восточной части и на его эксплуатации. Торговля
хлебом и торговля рыбой, мехами соединялись в Нарыме
в одних руках, поскольку главным средством получения
от промыслового населения их продуктов был хлеб. Вот
почему торговля хлебом являлась деятельностью первой
важности.

Хлеб, как правило, закупался в южных сибирских се-
лах и деревнях Алтайского округа, затем он сплавлялся
в барках вниз по реке. Будучи в то же время рыбопро-
мышленниками, торговцы расплачиваются хлебом с ра-
бочими принадлежащих им промыслов и выменивают
на хлеб у местных жителей и у городских мещан рыбу,
пушнину, пух. Для сбора пушнины нарымские купцы са-
ми и их приказчики выезжали осенью в известные пунк-
ты по рекам Кети, Тыму и Васюгану, иногда за
1 500 верст от Нарыма, где их уже ожидали ханты в
зимних юртах. Каждый торговец имел своих клиентов.
Большую роль в этих операциях играл кредит, в резуль-
тате которого в накладе всегда оставались туземцы¹.

Приобретенную из первых рук рыбу, подвергнутую на
месте первоначальной обработке, отправляли для про-
дажи по вскрытии Оби водою в Томск; пушнина шла че-
рез Томск на Ирбитскую ярмарку.

Город *Тобольск* — губернский и главный город Сибирь,
«матерь» сибирских городов, «твердыня правления

гражданского, военного и духовного» (Словцов) — во
второй половине XVIII в. продолжал еще сохранять свое
административное и экономическое значение.

В 1708 г., при разделении России на восемь губерний,
Тобольск был назначен губернским городом Сибирской
губернии; в 1782 г. Тобольское наместничество состояло
из двух областей: Тобольской и Томской; в 1822 г., при
разделении Управления Сибирью на Западное и Восточ-
ное, Тобольск служил местопребыванием генерал-губер-
натора Западной Сибири. В 1838 г. Главное Управление
Западной Сибирью было перенесено из Тобольска в Омск.

Гражданская, военная и церковная администрация
сосредоточивалась на нагорной части города. В 1763 г.
в составе 6 663 жителей мужского пола было 2 069 куп-
цов, 2 119 военнослужащих и 75 духовных лиц¹.

«Тобольские купцы имеют во многих сибирских горо-
дах приказчиков или компаньонов, которые на их счет
покупают и продают товары большими и малыми пар-
тиями» (М. Фальк). Торговля русскими и иностранными
товарами производилась в Тобольске главным образом
весною, а именно тогда, когда прибывшие с запада купцы
ожидали вскрытия рек, чтобы отправиться в дальние си-
бирские города по р. Оби и Кети на дощаниках. Круп-
ные тобольские купцы были тесно связаны с кяхтинской
торговлей². В конце лета они возвращались в Тобольск
с востока на судах со всякими сибирскими и китайскими
товарами, с которыми они затем отправлялись по перво-
му зимнему пути на ярмарки в Ирбит и Березов. В Ир-
бите они променивали свои товары у российских купцов
на европейские товары, а в Березове они сбывали их
народом Севера. Часть товаров шла в обмен на товары
Казахстана и Средней Азии.

При наступлении зимы приходили джунгарские и бу-
харские караваны, которые вели торговлю своими това-
рами в течение всей зимы. Караваны эти останавлива-

¹ «Завсегда находится в Тобольске от пяти до шести тысяч че-
ловек обученного войска, как конницы, так и пехоты. Сей гарни-
зон присовокуплялся к природной крепости места, защищает его
от всех набегов живущих в соседстве татар». «Белевые путешествия
через Россию», ч. I, 1776, стр. 168.

² «Торг на Кяхте почать можно основанием торговли Тоболь-
ской губ.», Шекатов А. М. Словарь Географической Российской
империи, т. VI, стр. 78.

¹ Костров Н. Историко-статистическое описание городов Том-
ской губ., стр. 15—16.

лись у живущих в особой Татарской слободе знакомых бухарцев. В городе существовал гостинный двор, а в нем лавки с погребами, куда складывали иностранный товар, который продавался оптом. Мелочная торговля велась на базарах, как в нагорной части, так и в нижней части города. Одновременно велась торговля с хантами и маньсями, для чего торговцы из Тобольска ежегодно весною отправлялись водным путем в город Березов, осенью возвращаясь в Тобольск обратно. Таким образом Тобольск в XVIII в. превратился в центр торговли, в котором сошлись торговые пути из отдаленных районов и даже стран.

Географическое положение Тобольска, центра всей северной группы городов, к середине XIX в. существенным образом изменилось. Переход к эксплуатации непахотных сил лесостепья земледельческим населением способствовал перенесению туда центра тяжести хозяйственной жизни края. Московско-Сибирский тракт с его грузовым движением обошел с юга Тобольск и пошел на восток по кратчайшему направлению. С другой стороны, Тобольск сохранил свое узловое положение по отношению к промысловому северу, будучи связан с ним речными путями, и таким образом пульс его хозяйственной жизни бился в зависимости от состояния северного промыслового хозяйства. Тобольск по своему положению был единственным пунктом, который связывал Приобский север с южными районами. Деградация северного промыслового хозяйства, дававшая о себе знать многими признаками, угрожала Тобольску неизбежным экономическим упадком.

В связи с переносом в 1838 г. Управления Западной Сибирью в город Омск произошел отлив части военноточиничьего населения, но положение Тобольска в отношении двух основных хозяйственных территорий, между которыми он выступал посредником, продолжало поддерживать его значение в первой половине XIX в. Многократные бедствия от пожаров и наводнений, которые заставляли его несколько раз спускаться с горы под гору и снова возвращаться на гору¹, совершенно разорили его

¹ Тобольск всегда жил под угрозой двух врагов: огня и воды. В летописях города большие пожары отмечаются в 1643, 1658, 1659, 1677, 1678, 1680, 1686, 1690, 1701, 1757, 1788 (самый опустошительный, сгорело 1800 домов, девять церквей, монастырь и др.), 1839, 1846 гг.; большие наводнения, заливавшие нижнюю часть города

население. Под влиянием всех обстоятельств, сложившихся для Тобольска крайне неблагоприятно, город стал падать год от году. Сохранилось несколько богатых купеческих домов, которые имели большие дела с Кяхтой, торгующая чаями и китайскими товарами. В остальном торговая деятельность чрезвычайно сократилась. Главные предметы торговли—«красный» товар и предметы первой необходимости. Всё это привозится и продается только в размерах, необходимых для города и его округа, отчасти для торговли с населением Севера. Современник отмечает, что в гостинном дворе не более десяти лавок с «красным» товаром, далее несколько лавок с бакалеей и посудой, остальные с кожей, с кошмами, крестьянской конской сбруей, железом, железными и медными изделиями, сундуками и пр. «Торговля всех этих лавок довольно неоживленная, и часто видишь, что продавцы сидят без покупателей, исключая только воскресных и предпраздничных дней, когда наезжает в город сельское население — тогда только город становится живее».

Другая картина толкучего рынка (по-здешнему — толкучка) внутри гостинного двора, где продаются и старые вещи и меновенное платье: в противоположность гостинному двору, он находится каждый день в оживленном состоянии. «На нем беспрестанно толпятся продавцы и покупатели, и шумный и живой говор и движущаяся с разных направлений толпа разнообразит несколько мертвенное состояние гостинного двора»¹.

Видное место в экономике города занимала торговля рыбой. Ею занималась группа рыбопромышленников, каждый из которых имел по дощанику или каюку. Часть горожан занималась на рыбные промыслы во время лета.

Промысел велся в низовьях Иртыша и Оби. Суда отправлялись в мае с рабочими, захватив муку и соль, в Березов и Обдорск. Рыбу покупали у мелких промышленников на месте добычи, выменивали ее у хантов и маньсеев, заодно с этим шла меновая торговля мехами и шкурами. На месте добычи рыба сушилась и солилась,

(подол).—в 1636, 1637, 1784, 1799, 1800, 1835, 1847, 1854, 1856, 1857, 1858, 1859 гг. Наводнения последних лет, повторявшиеся ежегодно, совершенно разорили прибрежных жителей.

¹ Памятные книжки для Тобольской губ. на 1861 и 1862 гг., стр. 225.

и с этим грузом суда возвращались в октябре обратно в Тобольск. Небрежное соленье и укладка были причиной порчи рыбы, и хотя ее вывозили много, но она не могла выдержать конкуренции с уральской и даже волжской, поэтому радиус ее распространения был невелик. Сообщение с Приобским низовьем тяжелоходными судами отнимало много времени: 30—40 дней вниз, до 50 дней вверх по течению. В иные годы суда замерзали в пути.

Некоторая часть городского населения занималась кожным промыслом: обрабатывали олени и лосиные шкуры, а также кожи, покупаемые в сыром виде в самом краю или в Казахстане меновым торгом; другая часть изготовляла снасти и рукавицы для рыбаков, мыло и свечи для городского населения.

* * *

Особую и своеобразную группу составляли горнозаводские поселки Алтая и Кузбасса, во главе с городом Барнаулом.

Эти поселения возникли в процессе развития горнозаводской промышленности. О численности этих поселений и о доле городского населения в горнозаводских округах Алтая можно судить из следующих данных.

Городские поселения и процент городского населения в 1858 г.¹

Горнозаводские округа Алтая	Кузнецкий	Барнауль- ский	Бийский
1. Число горнозаводских поселений городского типа	14	3	15
2. Численность жителей в них:			
а) человек	17 091	8 809	24 781
б) в % от всего населения	19,08	6,08	19,08

Хотя социальная основа производства была общекрепостнической, но особенность производства в каждом поселении наложила известный отпечаток на их хозяйственный тип. Каждый поселок сложился вокруг или вблизи какого-либо промышленного предприятия. Это были — рудники (серебряные, железные), золотые прииски, копи, заводы (железодельный, сереброплавильный). Некоторые из них возникли на месте ранее сложившихся здесь земледельческих поселков, но горнозаводской труд и весь экономический уклад жизни в этих поселках в течение долгого времени оказали влияние на их население, выработав более высокие, чем в земледелии, навыки труда и формы жизни.

Постоянное население этих поселков состояло из мастеровых или горнорабочих, совершенно отказавшихся от земледелия. Кроме того, они стягивали к себе на отхожие работы окрестное сельское население и, таким образом, служили для них местом сезонной работы или сбыта сельскохозяйственной продукции.

П. С. Паллас, описывая Змеиногорскую крепость, около которой находились самые известные Алтайские рудники, отмечал, как характерную особенность этого поселения, сочетание горных предприятий и военного укрепления. Крепость состояла из каменных бастионов и земляного вала. Внутри крепости находились квартира военного и горного начальства, запасные амбары и др. По обеим сторонам крепости, к югу и к северу от нее, вытянуты предместья с длинными улицами. Большая часть населения была занята в горных работах, остальные в промысловых и на других работах. Кроме того, от 400 до 500 крестьян были заняты на работах по разбивке и очистке руды, по валке леса и др., выполняемых ими за подушный оклад. В более позднее время военные черты поселков сглаживались, но никогда не исчезали, поскольку работа на горных предприятиях была принудительной, и служили они для многих местами ссылки и каторги. Вокруг этих предприятий завязывалась жизнь, которая соединяла в себе черты и деревни и городского поселения.

Один более поздний наблюдатель, описывая Гавриловский сереброплавильный завод, пишет, что «жители Гавриловска подходят под тип кузнецких крестьян-хлебопашцев, отличаясь от них городским платьем, некото-

¹ Список насел. мест Российской империи, Томская губ. 1868 г.

рым лоском в обращении, в походе и в манере говорить»¹.

Эти поселения служили очагами новой производственной культуры. Тот же Д. Поникаровский отмечает, что когда к середине XIX в. в Гурьевске, в связи с упадком производства на заводе, видное место приобрел кузнечный промысел по Кузбассу, Гурьевск представлял место, в котором «приготавливали много мастеров по кузнечному, по слесарному и литейному делу, которые, не находя работы на заводе, так как на нем не всегда есть много заказов, уходят на стороны для заработков. Многие из них поступали на винокуренные заводы, также на пороховые, в помощники машинистов, в машинисты и по разным специальным частям, другие ездят весною по Кузнецкому округу ковать, некоторые имеют свои кузницы и занимаются izdelaniyaми дома»².

Тесные экономические связи между производствами находили свое внешнее отражение в характере движения по дорогам и между горнозаводскими поселениями. По направлению к ним тянулись вереницы подвод, груженых продовольствием, фуражом, рудой, древесным углем, лесом, дровами, флюсами, от них — железом и изделиями из него.

Особое место среди этих горнозаводских поселений занял *Барнаул* — город крепостного труда.

Когда первый Колывано-Воскресенский завод для выплавки меди, основанный Демидовым в 1726 г. на речке Локтевке, левом притоке р. Чарыша, истребил вокруг себя леса и снабжение топливом стало затруднительным, пришлось подыскивать другие места вблизи лесных массивов для постройки новых заводов, и среди других одно место было выбрано при впадении речки Барнаулки в Обь. В 1730 г. были возведены первые постройки, а с 1738 г. начал строиться сереброплавильный завод, который был пущен в ход в 1744 г. После того, как в 1747 г. все заводы на Алтае перешли в ведение «Кабинета его величества», Барнаул был сделан центром управления всеми рудниками и заводами на Алтае.

Экономической основой города был сереброплавильный завод, вокруг которого, как вокруг ядра, формиро-

вался будущий город. Приближение к Барнаулу отмечалось заводским дымом, запах которого Паллас обонял еще издали. Кроме того, вне городской черты того времени, но в непосредственной близости к нему находилось несколько предприятий, работа которых была направлена на удовлетворение потребностей города-завода. Паллас в своем описании Барнаула отмечает места, где обжигают известь, колокольное литье, кирпичные сараи, снабжавшие кирпичом заводы и жителей городов, и др.

Основная масса руд доставлялась с рудников Алтая по Змеиногорскому тракту. В конце XVIII в. часть руд получалась с Салаирского рудника. Уголь обжигался в лесах, расположенных по течению рек Барнаулки и Касмалы, а также на правом берегу р. Оби. Завод нуждался в ряде подсобных материалов, в частности в железе. В первые годы железо привозилось с Урала, а с постройкой Томского железоделательного завода в 1771 г. снабжение Барнаула железом производилось с этого завода¹. Необходимый для очистки золотоносного серебра свинец привозился из Нерчинска. Доставка нерчинского свинца производилась крестьянами на лошадях, которые в Нерчинск отвозили хлеб². После постройки Алейского завода³ свинец привозился оттуда. Несколько раз в году караван с драгоценным металлом отправляли из Барнаула в Петербург под начальством одного из горных чиновников. Во время пребывания в Барнауле П. С. Палласа заводские постройки состояли из двух заводов, расположенных у плотины, между которыми находилась пильная мельница, мукомольная и крупяная мельницы, промывная и толчея, в которой толкут известковый камень. Тут же находилась канцелярия Главного правления Колывано-Воскресенских заводов и рудников, пробирный дом и целый ряд производственных и складских построек: кузница, сарай, кладовые, амбары. Несколько выше по течению р. Барнаулки находилась стеклянная фабрика, в которой была поставлена изобретенная Ползуновым «огнедействующая машина». Фабрика производила как

¹ Фальк М. Записки путешествия 1768—1774 г., 1824, стр. 460—463.

² Там же, стр. 508.

³ Завод этот назывался Алейским потому, что был построен на крутом изгибе р. Алей, известном под именем «локтя».

¹ Поникаровский Д. Зап. Сиб. отд. РГО, кн. 4, 1882, стр. 22.

² Там же, стр. 49.

простое зеленое, так и довольно чистое и белое хрустальное стекло.

Жилые дома, которых насчитывалось до тысячи, располагались правильными улицами по обеим сторонам р. Барнаулки, но преимущественно по левой, или северной, стороне речки.

При переходе Барнаульского завода в ведение Казны он представлял собою немногочисленный поселок.

В 1747 г. в Барнаульском заводе (как именовался поселок) насчитывалось 430 жителей обоего пола. В 1858 г. в нем проживало 11 681 человек, и, таким образом, за 111 лет Барнаул вырос в 27 раз. Социальный состав населения полностью отражал основное направление в экономической жизни города.

Первую и основную группу населения составляли заводские рабочие, или мастера. Это были бесправные люди, находившиеся в неограниченной власти горных чиновников, которые пользовались правом их мстить на изнурительной работе, длившейся более 12 часов в день.

Вторую бесправную группу населения, сливавшуюся с первой, составляли крестьяне, которые, будучи приписаны к заводу, должны были выполнять различные работы, связанные с горнозаводским производством: рубить дрова, разламывать угольные кучи, перевозить руду, флюсы, уголь, чинить плотину.

Третью группу составляли ремесленники, занятые на вспомогательных работах: в пильной, меховой кузнице. Они производили ремонт мехов для плавильных печей, изготовляли мебель и экипажи для горных чиновников и т. д.

Торговцы составляли четвертую группу и также были зависимы от завода. Они должны были привозить служащим «для продажи всякие вещи, на одежду и пропитание необходимые»¹. Горное начальство имело право привлекать их по очереди к выполнению обязанностей по заводу.

Солдаты держались для охраны завода и города, а также для подавления возможных выступлений против начальства. Полными хозяевами города были горные чиновники, составлявшие небольшую горстку. Представляя в одном лице инженера и офицера, они были олицетво-

¹ Алтай, Историко-статистический сборн., под ред. П. А. Голубева, 1890, стр. 394.

рением жестокого режима крепостного труда, царившего в городе.

Знатные путешественники, которые в разное время посещали Барнаул, приходили в изумление, когда, после долгого странствования по сибирским просторам, они встречали неожиданное для себя в домах чиновников пышную обстановку, изысканные костюмы, богато сервированные обеды, что дало А. Г. Гегемейстеру повод назвать Барнаул «оазисом в пустыне», а сами горные инженеры говорили, что «Барнаул — уголок Петербурга»¹. Но эта показная внешняя культура ничтожной по численности группы населения прикрывала поистине жатворжную жизнь трудящегося населения города.

В жизни Барнаула и особенно горных чиновников отправление каравана с драгоценным металлом в Петербург было событием исключительной важности. Для чиновников поездка с караваном в столицу была заветной мечтой. Сопровождение каравана не только давало возможность соприкоснуться со столичной жизнью, но вместе с тем и хорошо нажиться. Яркое описание этого момента в жизни города дано И. А. Кушевским. «Золото для выгод караванных начальств возилось на лошадях вплоть до Петербурга, причем оси в отчетах ломались на каждой версте, и за каждую ось, по отчету, крестьянам платилось по девяти — двенадцати рублей». И. А. Кушевский сравнивал удовольствие барнаульского чиновника, назначенного для сопровождения каравана, с удовольствием петербуржца, проезжающего на казенный счет в Париж. «Приехавши в столицу на казенный счет, даром, он (чиновник — Р. К.) получает всегда из казны еще столько денег, что обыкновенно украшает все пальцы своих рук бриллиантовыми перстнями, вешает на грудь золотую цепочку, заказывает у Альшванга три или четыре чемодана платья, не считая того, что он может сорить деньгами в Петербурге до полного пресыщения: бросать десятки рублей с большей легкостью, чем плевать или сморкаться»².

¹ Потанин Н. Г. в более позднее время (1908 г.) в своей статье «Города Сибири» (см. «Сибирь, ее современное состояние и нужды», 1908) построил характеристику Барнаула главным образом на описаниях Палласа и Гегемейстера. Поэтому жизнь в Барнауле в XVIII в. у него получилась полной блеска, роскоши и богатства.

² Сборн. «Сибирь в художественной литературе», Новосибирск, 1938, стр. 73.

Носителями подлинной культуры были не они, а те талантливые люди, которых судьба закинула в эти дебри и связала с работой завода, с Барнаулом. Среди них был солдатский сын Иван Ползунов, русский изобретатель, сумевший в обстановке полного безразличия построить паровую машину и пустить ее в ход в декабре 1765 г.

*
*
*

Наряду с городами, географическое положение которых при изменявшихся условиях хозяйственной жизни в Западной Сибири способствовало их росту, мы обнаруживаем ряд поселений, которые, наоборот, находились либо в состоянии застоя, неподвижности, либо даже в состоянии деградации, упадка. К числу застойных городских поселений относятся Тара и Каинск; к числу деградирующих — Кузнецк, Верхотурье и др.

Общей чертой, объединяющей все эти поселения, было то, что, возникнув как военноопорные пункты и пункты, наделенные административными функциями, эти поселения по ряду сложившихся исторических условий, вполне конкретных и своеобразных для каждого из них, не были в состоянии развить городские экономические функции и превратиться в пункты концентрации торговли, ремесла и промышленности.

Все эти города объединяются общим признаком географического положения: почти все они оказались в стороне от основных линий торгового движения, по которым совершалось это движение. В тех из поселений, в которых бился пульс экономической жизни, он постепенно замедляется; угасает торговое движение, в некоторых случаях абсолютно уменьшается население. В новых условиях географического положения такие города, как Тара и Каинск, осуждаются на скромную роль чисто местных центров своих малоразвитых в экономическом отношении округов; другие же, как Кузнецк и др., остаются паразитическими наростами на экономически слабом организме своих районов; наконец, третьи (Сургут) вовсе вычеркиваются из списка городских поселений.

Город *Тара*, один из древнейших городов Сибири, в течение XVII столетия считался пограничным городом с Джунгарией и казахскими кочевьями. Город имел для

того времени важное значение как пункт, из которого снаряжались военные экспедиции и отправлялись посольства к тамошним владетелям. Постепенному устройству и увеличению города способствовали, кроме того, другие обстоятельства: проходившая через Тобольск и Тару большая дорога на восток и завязавшаяся вскоре меновая торговля с кочевыми народами, с Бухарой и Ташкентом, откуда ежегодно двигались торговые караваны к Таре. В XVIII в. Тара оказалась обойденной Сибирским трактом, который из Тюмени пошел на Ялуторовск, Ишим, Тюкалинск, тем не менее была связана с главным трактом дорогой, отходившей от последнего у села Голопузова (Ишимского округа) и ведущей в тупик. Он остался в стороне вместе с тяготевшей к нему хозяйственной территорией, редко населенной и слабо освоенной, которая примыкала непосредственно к Васюганью.

Положение города не способствовало развитию его экономической жизни и не дало возможности оправиться от тех ударов, которые были нанесены Таре в XVIII в.

Первый удар выразился в кровавой расправе над тарскими раскольниками. Тара сделалась в начале XVIII в. гнездом раскола в Сибири. В 1722 г. по случаю присяги о наследии престола раскольники, к которым принадлежала значительная и притом зажиточная часть города, отважились на открытое сопротивление. Когда началось следствие, они, запасшись порохом, приготовились к вооруженному отпору. До 1000 человек было казнено; одних сажали на кол, другим рубили головы. Остальные участники мятежа были разосланы по дальним местам Сибири¹.

Вторым ударом было устройство Ишимской укрепленной линии и основание Омска, который занял на Иртыше более южное положение, отрезав, таким образом, Тару от непосредственных сношений с Казахской степью, что привело к изменению направления торговли кожами.

В середине XIX в. экономическая жизнь Тары сложилась на основе первичной обработки сырья, поступающего из тяготеющего к нему района. Главный вид сырья доставляло местное животноводство: кожи, сало, масло. Торговля этими товарами не имела самостоятельного значе-

¹ В память этой страшной кары за жителями Тары осталось прозвище «коловничей», потому что их в 1722 г. «сажали на кол».

ния, но находилась в подчинении от таких центров торговли, как Ишим (ближайший к Таре) и Курган.

Город *Каинск*, основанный в 1722 г. на р. Оми в качестве небольшого укрепления под названием «Каинский Пас», с небольшим гарнизоном, служил для защиты барабинских татар от нападения казахов. С устройством новой казачьей линии по Иртышу укрепление сделалось ненужным и было упразднено, а возникшая около него слобода была в 1772 г. перенесена на то место, где находится ныне город. Хотя городок и находился на Сибирском тракте, но, с одной стороны, он фактически был отрезан от путей, ведущих из глубины Казахских степей; с другой же стороны, тяжелые природные условия и общее неустройство Барабы не привлекали к ней земледельческое население. В силу этих причин нити экономических связей с южными скотоводческими областями и со среднеазиатскими оазисами были перехвачены другими городами, далеко выдвинувшимися на юг (Семипалатинск, Петропавловск), а в пределах Барабы и вокруг Каинска не успел сложиться достаточно плотный и производительный сельскохозяйственный массив, как в более западных округах (Курганском, Ишимском).

Торговая деятельность жителей Каинска вращалась в рамках только своего округа, причем торговля имела передвижной характер: торговцы все время переезжали с товарами с одной местной ярмарки на другую. Один раз в неделю на площади перед гостиним двором устраивался базар, на который съезжались жители окрестных сел и деревень; ежегодно в ноябре происходила ярмарка. Ничтожная по размерам промышленности (салотопенная, мыловаренная, свечная, кирпичная) работала на местных рынках.

Город *Кузнецк*, с самого начала своего основания стоявший в стороне от больших путей сообщения, и впоследствии оказался вне какого-либо влияния транзитной торговли.

Пушной промысел, бывший ранее экономическим основанием города, в первой половине XIX в. упал. Горнозаводское производство обошло его стороной. На его долю оставалось сельское хозяйство, которое и составило экономическую основу этого поселения и определило его тип, как сельскохозяйственного поселения. Но, поскольку он был центром округа и стоял в XVIII в. на Колыван-

ско-Кузнецкой укрепленной линии, административные функции придавали его сельскому облику некоторые черты военно-чиновничьего центра.

В 1819 г. Кузнецкая крепость была исключена из штатных оборонительных укреплений и навсегда перестала быть военным городом в крае, который был им завоеван. Земледелие не создавало условий для его развития, и население его уменьшалось.

Для того, чтобы дать более ясное представление о внутренней хозяйственной жизни Кузнецка и на его примере осветить жизнь аналогичных западносибирских городов, т. е. городов, стоявших в стороне от линий торгового и грузового движения, полезно обратиться к замечательному произведению Н. Флеровского («Положение рабочего класса в России»), в котором автор, на основании личных наблюдений в 60-х годах прошлого столетия, дал живое и вместе с тем глубокое описание жизни трудящихся города и деревни России и в том числе Западной Сибири.

В главе «Зауральский рабочий» он передает свои наблюдения над Кузнецком. Он спрашивает: «Чем занимаются жители этого города, не имеющие ремесла? Как отзывается их существование на окрестных селениях?» Заметим, что в Кузнецке автор насчитал одного портного и пять кузнецов. У этих ремесленников были работники, которые жили из-за одного хлеба. Но так как доход от ремесла был скуден, то занятие ремеслом приходилось дополнять другими, главным образом, сельским хозяйством.

«О занятиях остальных жителей можно сказать, что они занимаются кое-чем, лишь бы прожить кое-как: держат скот, имеют пчел, сами для себя косят сено, а затем, кто во что горазд, кто землю пашет, кто ямщину правит или с обозами ходит, а кому нечем жить, тот табак садит. Кроме людей, занятых сбытом крестьянского хлеба, мяса, меда и воска, в городе существует лишь самая незначительная торговля с крестьянами предметами промышленности, привозимыми с Ирбитской ярмарки; весь оборот едва ли достигает пяти тысяч рублей; почти единственная обработка сырых произведений состоит в обращении сала в свечи и мыло... Прибавьте к этому пряников на сто и полтора рубля в год, и вы будете иметь приблизительное понятие о том, чем снабжает

Кузнецк окрестные села. Самая значительная торговля — торговля вином, которого продается в округе с лишком на пятьдесят тысяч рублей из Кузнецких складов».

Неудивительно, что «промышленность» города дает окрестным деревням, снабжаемым Кузнецком, от одиннадцати до четырнадцати копеек на человека. «Общий уровень экономического дозольства стоит немногим выше нуля; целые части города состоят из жалких, убогих избенок. Жители города, если отделить купцов и чиновников, по благосостоянию своему не отличаются от общего положения деревни»¹.

Отметим бегло еще эволюцию других поселений, принадлежавших к типу умирающих городов.

Город *Верхотурье* испытал удары с двух сторон. Во-первых, рядом с Верхотурьем возникла Ирбитская слобода, которая становится местом знаменитой Ирбитской ярмарки, где Сибирь встречалась лицом к лицу с Европейской Россией. В 1753 г. была закрыта в Верхотурье внутренняя таможня и отменены предписания об обязательности прохождения всех товаров между Сибирью и Европейской Россией через Верхотурье. Во-вторых, Московско-Сибирский тракт отодвинулся на юго-запад, к Екатеринбургу.

Памятниками прошлого остались в городе каменный гостинный двор, соляные и хлебные запасные магазины и много каменных домов.

П. А. Словцов пишет о Верхотурье: «В 1828 г. я нашел этот город опустелым, не лучше села, видел два ряда беднейших лавчонок. Но небогатое купечество продолжало по старинному навыку заниматься лавочным торгом, перекупая и перепродавая рухлядь, кожевным делом, отпускном рогож в Сибири, добыванием извести и жерновов, сплавляемых Турою, а прочих жителей хлебопашеством и лесными промыслами»².

С судьбою Верхотурья были тесно связаны судьбы двух других древних городов: Туринска и Пельма.

Древний *Пелым* с его двумя десятками почерневших старинных домов находился в состоянии крайнего упадка. Город, в котором некогда жили воеводы, где была

крепость, кипела жизнь, торговое движение, сделался маленьким сельцом: в 1860 г. в нем осталось 73 человека. Еще в конце XVIII в. он был вычеркнут из списка городов. Причина упадка Пельма коренилась в судьбе Верхотурья. Когда торговая дорога шла через Верхотурье и по ней совершалось торговое движение, тогда процветал Пелым, вывоза в Верхотурье всю пушнину, орехи, рыбу; но когда дорога отодвинулась, исчезла торговля, и торговцы разошлись в разные стороны.

Город *Туринск* во второй половине XVIII в. посетил путешественник И. И. Лепехин. Следов бывшего укрепления он не нашел, но город попрежнему разделялся на ямскую слободу и собственно город. Исчезло транзитное торговое движение, остались лишь слабые экономические связи с окрестными деревнями. Ежедневно бывает торговый день: купцы сидят в своих лавках, а окрестные крестьяне приезжают со своими товарами. Более зажиточная часть, не удовлетворяясь скудной базарной торговлей, скупает в уезде мягкую рухлядь для сбыта в Ирбите или на своих судах ведет рыбный промысел на Оби, доходя до Березова и Сургута.

Прочее население занималось хлебопашеством. И. И. Лепехин, между прочим, отмечал, что в городе много столяров, резчиков иконостасов, иконописцев.

Город *Колывань*, основанный в 1713 г. в долине р. Оби под именем Чаусского острога и переименованный в 1822 г. в Колывань, после одной безуспешной попытки придать ему административное значение (в 1822 г. он был назначен губернским городом Томской губ., но уже в следующем году оставлен уездным) на деле оставался селом, жители которого занимались земледелием, скотоводством, но главным образом рыболовством на Оби. В 1866 г. Колывань был сделан заштатным городом.

Город *Сургут* в эпоху покорения Сибири играл выдающуюся роль, мало сибирских городов могли равняться с Сургутом по размаху и смелости военных подвигов его жителей. С середины XVII в. после того, как весь север Западной Сибири был прочно закреплен за Московским государством, Сургут быстро обнаружил свою экономическую ненужность, как городского поселения в новых условиях исторической жизни. В дальнейший период он влечит жалкое существование реликта давно исчезнувших исторических обстоятельств. В 50-х годах

¹ Флеровский Н. Положение рабочего класса в России, стр. 68—69.

² Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири, ч. II, стр. 46.

XIX в. Кастрен нашел уже здесь картину полного упадка: «Жалкие хижины, лежащие разбросанно и без всякого порядка между развалинами сгоревшего в 1840 г. города — таковы жалкие остатки некогда столь могучих укреплений. Здесь нет ни одной приличной улицы, ни одной хорошей постройки, здесь редки даже окна из стекла, целая чашка является редким исключением»¹.

Список официальных городов в 50-х годах XIX в. обогатился именем только одного города — *Маринска*. Там, где Сибирский тракт, приближаясь к Енисею, пересекал р. Кню (левый приток Чулыма), еще в первые годы развития золотопромышленности в Марининской тайге стало быстро под ее влиянием расти село Кийское. Оно сделалось центром снабжения жизненными припасами и служило посредствующим звеном между золотыми промыслами и городом Томском. В 1857 г. село Кийское было сделано городом и переименовано в Маринск. Детище золотой промышленности, городок этот был осужден разделить судьбу местного золотого промысла, который появился здесь по игре слепого случая, и после короткого периода, в течение которого шло хищническое разграбление только богатых россыпей, начал быстро падать. Упадок золотого промысла в тайге отразился на развитии не только близкого Маринска, но и более далекого Томска.

* * *

Изложенное в этой главе позволяет сделать следующие выводы:

К концу XVIII в. отмирают военно-стратегические функции городских поселений, а в первой половине XIX в. постепенно исчезают внешние различия, отделявшие город от деревни, т. е. укрепления, стены, валы, рвы. В связи с этим некоторые города перестали называться этим именем или, если они и продолжали официально считаться городами, то фактически они потеряли на это право.

Однако целый ряд чисто военных в прошлом городов успели выработать в предыдущий период чисто экономические качества, отличавшие их от деревни.

Развиваясь в условиях феодального общества и при том на окраине страны, где царил режим необузданной хищнической эксплуатации не столько природных богатств, сколько живого труда коренного населения (северных промысловых и южных скотоводческих) и труда русских крестьян, ссыльных, — города целиком отразили в своем облике характерные черты общественного строя и созданных этим строем условий.

Возникший на неразвитом экономическом базисе торговый капитал, посредством своей разветвленной агенты проникший во все поры тогдашнего общества, целиком овладел сферой товарного обращения. Торговый капитал к середине XIX в. успел вступить на путь проникновения в промышленность, которая находилась в начальной стадии своего отделения от земледелия. Проникая в промышленность, он оставлял почти нетронутыми те допотопные технические условия, которые он застал в облюбованных им видах производства.

Не промышленный, а торговый капитал превратил города в центры экономического господства над обширными районами Западной Сибири. В зависимости от географического положения этих городов в отношении к хозяйственным территориям и друг к другу происходит формирование хозяйственных функций этих городов. Выполняемые ими торговые функции были однородны и вместе с тем дифференцированы в зависимости от того, каковы были те хозяйственные территории, в отношении которых торговый капитал выполнял свои торговые функции.

Экономические черты городов, которыми они отличались друг от друга, дополнялись особенностями тех видов промышленного производства, которые оседали в отдельных городах, опять-таки в зависимости от ведущих торговых функций. Некоторое значение в смысле различия городов имели выполняемые ими административные и военные функции, которые также оказывали свое влияние на экономический облик городов.

¹ Цит. по примеч. М. П. Алексеева в кн. «Сибирь в известиях западно-европейских писателей и путешественников»,

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Доведя изложение до того важного исторического рубежа, который завершил военно-феодальный период развития западносибирских городов, полезно бросить краткий взгляд на дальнейший путь, пройденный этими городами до и после Великой Октябрьской революции. Зная, *откуда* началось их развитие и *как именно* оно шло на первом этапе, следует теперь представить, через какие последующие этапы оно прошло и в какие формы вылились *результаты* этого развития.

В капиталистическую эпоху социально-экономическая структура Западной Сибири соответствовала ее положению колонии царской России. Западная Сибирь служила аграрно-сырьевым придатком капиталистической и более развитой в промышленном отношении метрополии, а после проведения Сибирской железной дороги превратилась в рынок сырья и рынок сбыта промышленных товаров капиталистических стран Западной Европы, в район вложения иностранного капитала, преимущественно в отрасли, связанные с сельским хозяйством. Следовательно, Западная Сибирь, над которой попрежнему тяготела эксплуатация Российской метрополии, одновременно превратилась в объект эксплуатации иностранного капитала. В связи с этим существенным образом изменилась система общественно-географического разделения труда на территории Западной Сибири. Могучим рычагом перестройки территориальной организации произво-

дительных сил этого района в интересах капитализма служила Сибирская железная дорога. После ее проведения южная лесостепная и степная полосы Западной Сибири вступили в период бурного экономического развития. Сюда шел непрерывный поток переселенцев из Европейской России, принимавшихся за распашку новых земель, вследствие чего степная и лесостепная полосы вскоре превратились в район товарного земледелия и животноводства, в зерновую житницу России и ее крупнейший маслодельческий район. Произошли и другие важные перемены в системе общественно-географического разделения труда. В связи с изменением производительных сил в различных районах Западной Сибири изменились и пространственные отношения этих районов друг относительно друга, а также взаимоотношения Западной Сибири с другими районами и странами. Социально-экономическая необходимость городов изменила, по сравнению с предыдущим периодом, свое содержание. Главным фактором централизации неземледельческого населения в городах стало капиталистическое земледелие, которое нуждалось в создании цепи торгово-транспортных пунктов, способных концентрировать сельскохозяйственные продукты распяленного крестьянского производства, их первоначальную обработку и перевозку в другие производственные и потребительские районы.

К выполнению этих экономических функций приспособились некоторые старые города, а именно те, которые занимали с этой точки зрения наиболее благоприятное географическое положение. Кроме того, возникло несколько новых городов и поселков, главным образом, вдоль железнодорожного пути.

В городских пунктах оседала пролетаризированная часть переселенцев, которая оказалась вытолкнутой из земледелия. В городах открываются склады и конторы, среди которых видное место занимают конторы иностранных фирм по закупке масла и хлеба, по сбыту сельскохозяйственных машин, а также филиалы сибирского кооперативного маслоделия. В более крупных городах располагаются отделения русских и иностранных банков, производящих в широких масштабах учетные операции и тем самым ускоряющие процесс обращения товаров.

Экономическое значение этих городов, развитие которых оказалось тесно связанным с ростом торгового

земледелия Западной Сибири, определялось их ролью не столько в производстве, сколько в товарном обращении.

В рамках изменившейся территориальной организации производительных сил Западной Сибири существенно изменились сравнительно с предыдущим периодом условия экономического развития отдельных городов, в зависимости от географического положения каждого из них.

Географическое положение одних городов резко ухудшилось, например, Тобольска, оказавшегося далеко к северу от железной дороги, или Колывани, жители которой спешно заколачивали свои домишки, перебираясь поближе к железной дороге. Положение других городов столь же резко улучшилось, например, Омска, оказавшегося в месте пересечения Иртыша Сибирской железной дорогой и превратившегося из затхлого военно-чиновничьего города, каким он был до того, в бурно растущий торговый центр Западной Сибири.

Вскрываются экономические возможности, связанные с местоположением новых поселков, возникших по железной дороге. Этим объясняется поразительный рост Ново-николаевска (Новосибирска), положение которого оказалось наиболее удачным с точки зрения сложившейся к этому времени территориальной организации хозяйства Западной Сибири. Омск и Новосибирск — самые крупные центры вывоза западносибирского сырья в узле железных дорог и водных путей; они стягивали хлеб, масло, шерсть из крестьянских хозяйств всей Западной Сибири, доставляемые к ним различными путями и средствами, и отправляли на запад.

Появились новые мелкие торгово-складочные пункты (Татарск, Славгород). Вместе со старыми городами земледельческой полосы (Курган, Ишим, Кайнак) они образовали сеть второстепенных хлебо- и масловозящих пунктов. Оказавшись в районе земледелия и маслоделия, они служат местопребыванием для контор по покупке масла и хлеба, складов сельскохозяйственных орудий, оборудования для молочного хозяйства, мельниц.

Разрывается непосредственная экономическая связь таких городов, как Томск и Тюмень, и каждый из них вступает в новые взаимоотношения с другими районами и городами, утратив, однако, навсегда свое главенствующее экономическое значение в крае.

Крепостническая организация Алтайского горного ок-

руга помешала горной промышленности приспособиться к новым условиям капиталистического производства. К тому же дешевый железнодорожный транспорт не позволял этой промышленности конкурировать с Уралом, который стал доставлять в Сибирь металл и металлические изделия. Наглухо закрываются заводы и прекращается добыча руды во многих рабочих поселках с индустриальным населением, вынужденным вернуться к земледельческому труду. Один только Барнаул находит новые источники своего существования в развитии сельского хозяйства в окружающих его приалтайских пространствах, которые стали быстро заселяться.

В районах северного промыслового хозяйства, находившихся в результате безудержного ограбления народов Севера, в состоянии сильнейшего экономического упадка, не было ни одного поселка, поднявшегося выше уровня захудалого села (Обдорск, Березов, Самарово).

В таком состоянии упадка одних городов, бурного роста других, растерянности и неопределенности третьих застаёт Западную Сибирь Великая Октябрьская революция. Возвещая наступление новой эры в истории страны, в том числе и Западной Сибири, она поставила ее города в совершенно новые условия развития, создала новые возможности и развернула перед ними ни с чем несравнимые перспективы. В связи с коренным изменением общественного строя Сибирь из аграрно-сырьевого придатка капиталистической метрополии превращается в экономически равноправную часть Советского Союза. Коренным образом изменяется социально-экономическая структура Западной Сибири, что привело к резкому изменению системы общественно-географического разделения труда и к созданию новой территориальной организации социалистической экономики Западной Сибири.

На территории Кузбасса возник комплекс новых отраслей промышленности (добыча угля и руд, коксохимия, производство черного и цветных металлов, электроэнергетика, машиностроение и т. д.). Преобразованное на основе колхозов и совхозов в крупное производство, сельское хозяйство Западной Сибири не только расширило занимаемую им площадь, но, в тех же условиях природной среды, стало получать более обширную и более разнообразную продукцию, увеличивая тем самым во много раз ресурсы сырья для обрабатывающей промышленности.

Социалистические производственные отношения и национальные взаимоотношения, основанные на дружбе народов, привели к преобразованию традиционных отраслей хозяйства среди народов Севера (ханты, маньси, ненцы) в техническом и экономическом отношениях, к увеличению их продукции, подняли материальное благосостояние этих народов. На крайнем севере Западной Сибири создаются впервые очаги промышленности, вовлекающие в индустрию и часть коренного населения.

В отличие от капиталистического периода, рычагом перестройки в социалистическую эпоху выступает не железная дорога, а крупная индустрия, в первую очередь — тяжелая, которая, в свою очередь, перестраивает железнодорожный транспорт.

Новый тип общественно-географического разделения труда должен был вызвать географическую перегруппировку населения и элементов хозяйства между старыми городами, создать сеть новых городов, которые вместе со старыми превратились в пункты размещения промышленности, стали транспортными узлами. В отличие от капиталистического общества, где этот процесс протекал стихийно, в порядке борьбы отдельных городов между собой за «место под солнцем», в порядке вытеснения одних городов другими, — в новых условиях социалистического общества он протекает как процесс, управляемый плановой мыслью. Плановая мысль создает как бы экономические модели городов, намечает сеть их географического размещения прежде, чем замысел получит реальное воплощение.

Вызванная процессом социалистической индустриализации Западной Сибири централизация неземледельческого населения в городах и городских поселках является выражением трех взаимосвязанных процессов: 1) отвлечения части сельского населения Западной Сибири от земледелия к промышленности и в связи с этим перехода части населения из села в город; 2) индустриального, по преимуществу послереволюционного переселения в Западную Сибирь; 3) преобразования ряда сельских поселений в города и в рабочие поселки.

В противоположность неравномерности развития и размещения городов в условиях капитализма, вследствие чего одни из них медленно угасают, другие, наоборот, бурно растут, новые условия социалистического общества

делают необходимым экономическое развитие всех без исключения городов путем создания для каждого из них благоприятных экономических условий. Все города Западной Сибири растут и развиваются, но, в связи с перестройкой территориальной организации производительных сил Западной Сибири, народнохозяйственные функции каждого из них различны, как различны и темпы их развития, что в значительной степени зависит от географического положения городов.

Многочисленная группа современных городов и индустриальных поселков сосредоточена в Кузбассе, где их развитие связано с добычей и транспортировкой угля и других ископаемых, с промышленной переработкой ископаемого сырья. Одни из этих городских поселений представляют собой типичные шахтерские города (Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий и др.) или горняцкие поселки (Тельбес); другие представляют собою города с обрабатывающей промышленностью и транспортными функциями. Далее идет группа городов, расположенных полукольцом вокруг Кузбасса и сросшихся с ним (Томск, Новосибирск, Барнаул, Рубцовск, Бийск). К их числу следует также отнести выдвинутый по направлению к Уралу Омск. По своему географическому положению эти города (кроме Омска) лежат у самого выхода грузопотоков угля и металла из Кузбасса и представляют собою наиболее мощные в Западной Сибири индустриальные узлы.

Новые железные дороги из Кузбасса (например, по направлению к Барнаулу) еще крепче сольют в одно мощное экономическое целое Кузбасс с окружающими его городами. Грузопотоки, идущие в эти города из Кузбасса, сочетаются с грузопотоками из тех особых районов, с которыми преимущественно связан каждый из названных городов (Томск с лесным Севером, Барнаул со Средней Азией, Новосибирск с Барабой, Бийск с Алтаем и т. д.). Связь с Кузбассом сообщает экономическому облику этих городов черты сходства, связи каждого из них со своими особыми районами — черты различий. Те и другие связи зависят от географического положения каждого из этих городов.

Характер промышленности этих городов, как и их народнохозяйственная специализация в целом, зависят в большей степени от хозяйственной разнородности тех районов, которые связаны между собой городами. На-

пример, Омск своей промышленностью связывает между собой лесной Север, металлургический Урал, угольный Кузбасс, скотоводческие степные районы Западной Сибири и Казахстана, обширный земледельческий район, в центре которого он сам расположен, Сибирскую железнодорожную магистраль и Иртышский водный бассейн. Особое место среди городов Западной Сибири занимает Новосибирск, который сходен с Омском в общих чертах, по характеру выполняемых им народнохозяйственных функций, но отличается обширностью сферы своего экономического влияния и более сильной хозяйственной разнородностью районов, которые он соединяет друг с другом. Это зависит от положения Новосибирска в узле железнодорожно-водной системы путей, идущих из Кузбасса, Урала, Средней Азии, Казахстана и Восточной Сибири.

Следующая по экономическому значению группа городов (Курган, Ишим, Ялуторовск, Славгород, Куйбышев и др.) сама находится в сфере непосредственного экономического влияния более крупных городов, и поэтому имеет более узкую территориальную область, на которую она оказывает свое влияние. По народнохозяйственным функциям города этой группы служат центрами собирания сельскохозяйственного сырья ближайших районов. Оно поступает частью в предприятия городов предыдущей группы, частично же перерабатывается на местных промышленных предприятиях. Эти города раскинуты по широкому пространству, более густо на юге, редкой цепочкой на севере, по судоходным рекам и грунтовым магистралям (Колпашево и др.). Эти же города в послевоенное время превращаются в очаги промышленного производства орудий труда для сельского хозяйства, промышленности и строительства.

Последнюю группу образуют такие города, как Салехард, Ханты-Мансийск, Горно-Алтайск, которые служат центрами советско-государственной, хозяйственной и национально-культурной жизни местного коренного населения. В этом их главное назначение. Но одновременно с этими функциями, и отчасти под их влиянием, эти города превращаются в промышленные очаги местного значения, (лесопиление и рыбоконсервная промышленность для северных городов; легкая и пищевая промышленность для Горно-Алтайска).

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Сокращения: г. — город, губ. — губерния, д. — деревня, др. г. — древний город, з. — завод, заст. — застава, оз. — озеро, раб. пос. — рабочий поселок, р. — река, с. — село, сл. — слобода, у. — уезд, укр. — укрепление, ф. — фабрика, яр. — ярмарка.

Абакан, р. 45
Абацкая сл. 127
Абакский острог 98, 102, 144
Акмолинский приказ (Акмола) 146
Ак-тау, укр. 146
Алей, р. 101
Алтай 29, 30, 45, 100, 117, 132, 136, 145, 188, 207.
Алтайский горный округ 136, 138, 142, 145, 181, 182, 184, 204
Алтын-нор (оз. Упса) 45
Ангара, р. 120, 121
Аремзянка, д. 139
Архангельск, г. 18, 27, 88
Архангельская губ. 183
Ачинск, г. 145
Ачинский острог, см. Ачинск
Аягуз, р. 146
Аягузский приказ 146.

Бабинова дорога 41,
Балхаш, оз. 176
Балык, р. 38
Бараба, лесостепь 39, 45, 55, 73, 97, 109, 110, 132, 133,
140, 141, 145, 178, 196, 207
Барабинская степь, см. Бараба
Баренцово море 88
Барнаул, г. 156, 157, 164, 188, 190—194, 205, 207

Барнаулка, р. 135, 139, 190, 191
Барнаульский з. 135, 190—191
Барнаульский округ 112, 136, 188
Белозерская сл. 102, 104
Березов. г. 22, 32, 36—37, 43, 57, 58, 64, 66, 67, 76, 80, 86—
87, 89, 92, 105, 148, 156—157, 182, 185, 186, 187, 199, 205
Березовский округ 111, 112
Березовский уезд 31, 101
Бийск, г. 133, 145, 156, 158, 181—182, 207
Бийская крепость 101
Бийский округ 112, 136
Бия, р. 181
Булгарское царство 27, 34
Бухара 34, 68, 70, 71, 93, 118, 146, 175, 177, 195
Бухарцы 70, 83

Вагай, р. 22, 98, 106
Вагайский острожек 80
Васюган, р. 184
Васюганье 195
Вах, р. 89
Великие Луки, г. 92
Верхнеудинск, г. 142
Верхотурский у. 31, 64, 66, 104, 131
Верхотурье, г. 32, 41, 42, 43, 57, 64, 65, 71, 73, 76, 82, 101,
105, 115, 194, 198, 199
Вишера р. 36, 41
Вогулы, см. Маньси
Волга, р. 116
Вологда, г. 117
Волочайка, р. 88
Восточная Сибирь 67, 109, 115, 119, 120, 121, 142, 208
Воялы, см. Ялынская волость
Вятская губ. 133
Вятский край 28, 58, 72
Вятский у. 64

Гавриловский з. 136, 189
Галич, г. 92
Голодная степь 146
Голопузово, с. 195
Горно-Алтайск, г. 208
Горный Алтай, см. Алтай
Городок Обский Большой 34, 38
Горькая укрепленная линия, см. Пресногорьковская
Гурьевский з. 136, 190
Гыдан 30.

Двина, см. Сев. Двина
Демьяновский Ям 110
Джунгария, см. Ойрато-Джунгарское государство

Екатеринбург, г. 142, 144, 145, 177
Екатерининский з. 139
Еланское, с. 145
Енисей, р. 29, 30, 40, 44, 75, 86, 87, 88, 89, 90, 121, 172
Енисейск, г. 38, 40, 57, 86, 89, 93, 115, 120, 121
Енисейская Мангазея, см. Туруханск
Енисейский острог, см. Енисейск
Епанчин, см. Туринск

Звериноголовское укр. 107
Зеленая, р. 88
Зменогорск, г. 189
Зменогорская крепость, см. Зменогорск
Зменогорский тракт 191

Ижемская сл. 86
Ижма, р. 86
Иковская сл. 102, 104, 127
Ирбит, г. 76, 120, 121, 125, 171, 172, 198, 199
Ирбитская сл., см. Ирбит
Ирбитская яр. 119, 120, 122, 170, 176, 181, 183, 184, 185, 198
Иркутск, г. 120, 142, 180
Иртыш, р. 17, 18, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 34, 35, 36, 38,
39, 43, 46, 54, 68, 69, 77, 80, 86, 89, 97, 98, 100, 101, 104,
107, 108, 109, 120, 128, 131, 132, 139, 148, 178, 179, 187; 204
Иртышская укрепленная линия 100, 106, 132, 145, 177, 178,
196
Исеть, р. 35, 103, 107, 108
Искер, г. («Сибирь», «Кашлык») 23, 24, 25, 35,
Ишим, г. 97, 98, 102, 103, 106, 107, 145, 156—157, 175, 176—
177, 195, 204, 208.
Ишим, р. 18, 22, 47, 102, 106, 107, 108, 174, 175
Ишимская лесостепь 132
Ишимский округ 111, 112, 127, 196
Ишимская укрепленная линия, см. Пресногорьковская
Ишимская (Никольская) яр. 127, 134, 176
Июс, р. 45

Казанская губ. 133
Казанское царство 18, 27
Казань, г. 34, 76, 77, 117, 120
Казахи 97
Казахские степи 34
Казахстан 100, 116, 118, 129, 131, 133, 177, 185, 188, 208
Казачья (Казахская) Орда 98, 175
Казым, р. 37
Кайгород 27
Каинск, г. 109, 142, 156, 194, 196, 204, 208
Каинский округ 112
Каинское укр., см. Каинск
Калмыцкая сл. 104

Кама, р. 27, 29, 30, 36, 41, 43, 72
 Каменный пояс, см. Урал
 Камень, см. Урал
 Канск, г. 142
 Каргат, р. 109
 Каргатское укр. 109, 144
 Каргополь, г. 28
 Каркаралы 146
 Карское море 29
 Касмала, р. 139, 191
 Катунь, р. 181
 Каурдацкий острожек 80
 Кашгария 146
 Кашлык, см. Искер
 Кетск, см. Кетский острог
 Кетский острог 40, 57, 105, 120
 Кеть, р. 29, 38, 40, 89, 120, 172, 184, 185
 Кийское с., см. Марининск
 Киртаская заст. 87
 Китай 68, 71, 116, 117, 118, 147, 177
 Кия, р. 104, 138, 200
 Кодский городок 21
 Коканд, г. 146, 177
 Кокбектинский приказ 146
 Кокчетавские горы 146
 Колпашево, г. 208
 Колывано-Воскресенские заводы 100, 132
 Колывано-Воскресенская укрепленная линия 101
 Колыванское оз. 100
 Колывань г. 109, 142, 156—157, 199, 204
 Конда, р. 183
 Кондома, р. 46
 Копал, г. 146
 Коркила сл., см. Ишим
 Коркинский острог, см. Ишим
 Коряковское оз. 139
 Коряковский форпост 138, 180
 Косва, р. 41
 Кош-Агач, поселок 181
 Крапивна, г. 92
 Красноярск, г. 57, 73, 142, 145, 173
 Красный Яр, см. Красноярск
 Кузбасс 136, 137, 188, 205, 207, 208
 Кузнецк, г. 46, 55, 57, 58, 92, 93, 94, 96, 97, 101, 104, 105, 145, 156—158, 194, 196—198
 Кузнецкая тайга 45
 Кузнецкая укрепленная линия 101
 Кузнецкий Ала-тау 45
 Кузнецкий округ 111, 136
 Кузнецкий острог, см. Кузнецк
 Кузнецкий у. 104
 Кузнецко-Алтайская горная страна 130
 Кузнецко-Барнаулский тракт 145
 Куйбышев, см. Канск

Кулундинская степь 139
 Кульджа, г. 146
 Кунгур, г. 142
 Курган, г. 22, 98, 102, 103, 108, 139, 156—158, 163, 174, 176, 177, 204, 208
 Курганская яр. 127
 Курганский округ 127, 132, 196
 Курдюмка, р. 54
 Кучумово городище, см. Искер
 Кырья, р. 41
 Кяхта, г. 68, 118, 119, 120, 125, 142, 169, 171, 172, 173, 187
 Кяхтинский форпост, см. Кяхта

Лальский городок 27
 Лена, р. 75
 Ленинск-Кузнецкий, г. 207
 Лозьва, р. 36, 41
 Лозьвинский городок 36, 41, 42
 Локтевка, р. 135, 190
 Локтевский з. 135
 Луза, р. 27
 Ляля, р. 41
 Ляпин, р. 183

Маковский острог 40, 120
 Мангазейский городок (Мангазея) 44, 57, 66, 86, 88—90
 Маймачен, г. 142
 Макарьевская яр. 117
 Маньси 17, 21, 36—37, 42, 67, 86, 87, 183, 206
 Марининск, г. 142, 156—157, 173, 200
 Марининская тайга 45, 138, 173
 Марининский округ 112
 Маякский редут 179
 Мезень, г. 92
 Мезень, р. 88
 Меркушино, д. 72
 Минусинск, г. 173
 Минусинский край 117
 Монголия 116, 117, 133, 147, 181
 Московско-Сибирский тракт 132, 134, 140—141, 142—145, 180, 181, 186, 195, 196
 Мутная, р. 88.

Нарым, г. 40, 44, 67, 73, 93, 105, 120, 131, 156—157, 173, 184
 Нарымский край 184
 Нарымский округ 111, 112.
 Нарымский острожек, см. Нарым
 Нарымский у. 104.
 Ненцы 17, 30, 37, 43, 86, 87, 183, 206
 Нером-Карра, г. 42
 Нижегородская яр. 120, 122
 Ница, р. 119

Новгород, г. 92
Новониколаевск, см. Новосибирск
Новосибирск, г. 204, 207

Обдорск, с. 37, 86, 182—184, 187, 205, 208
Обдорское зимовье («Обдорский острожек», «Носовой городок»), см. Обдорск
Обдорская яр. 183
Обская губа 21, 43, 67, 87, 88
Обь, р. 20, 21, 29, 30, 34, 36, 37, 38, 39, 40, 44, 45, 80, 86, 87, 88, 89, 109, 120, 128, 131, 148, 171, 172, 173, 178, 184, 185, 187, 190, 191
Обь-Иртышский бассейн 29, 48, 148
Ойратско-Джунгарское государство 47, 54, 93, 118, 119
Омск, г. 98, 100, 108, 139, 144, 145, 146, 156—158, 164, 165, 174, 178—181, 185, 186, 195, 204
Омская крепость, см. Омск
Омский округ 112
Омская суконная ф. 179
Омская таможня 147
Омь, р. 23, 46, 47, 97, 98, 100, 109, 144, 178
Ордынская дорога 104
Орелбург, г. 180
Островка, р. 44
Остяки, см. Ханты
Оша, р. 108

Павда, р. 41
Павловский з. 135
Падунский з. 139
Парабель, р. 104
Пелым, г. 33, 36, 37, 57, 64, 67, 74, 76, 105, 198—199
Пелым, р. 22
Пермская земля 27
Пермский край 28
Пермский у. 64
Петербург 120, 177, 180, 191, 193
Петра и Павла крепость, см. Петропавловск
Петровский з. 139
Петропавловск, г. 100, 116, 118, 121, 133, 146, 147, 156—158, 163, 165, 169, 174—176, 177.
Петропавловская таможня, 147
Печора, р. 30, 37, 43, 87
Пинлигримка, р. 54
Пима, р. 38
Пингега, г. 92
Пингега, р. 88
Поволжье 34
Полуй, р. 37
Поморье 27, 28, 48, 58, 72, 169
Пресногорьковская укрепленная линия 100, 104, 106, 132, 145, 178, 195

Приангарский край 117
Прокопьевск, г. 207
Пудовольный мыс 36
Пулноват-ваш, др. г. 21
Пур, р. 43, 89

Ратилиха, р. 44
Роголиха, р. 139
Рубцовск, г. 207
Рязань, г. 92

Салаир, см. Салаирский край
Салаиро-Барнаульский тракт 145
Салаирский край 45, 137
Салаирский рудник 191
Сале-Хард, см. Обдорск
Самарово, с. 22, 73, 110, 206
Самаровский Ям, см. Самарово
Самоеды, см. Ненцы
Сары-су, р. 97, 146
Св. Николая пристань, см. Архангельск
Северная Двина, р. 18, 43, 89
Северный Урал, см. Урал
Семипалатинск, г. 116, 118, 121, 133, 146, 147, 169, 174, 177—178, 180
Семипалатинская таможня 147
Семипалатинский округ 111
Сибирка, р. 24, 25
Сибирская железная дорога 204, 208
Сибирский тракт, см. Московско-Сибирский тракт
Сибирский юрт, см. Сибирское царство
Сибирское царство 18, 23, 26, 35, 69
Синюха, гора 100
Славгород, г. 204, 208
Собская заст. 87
Собь, 87
Соликамск, г. 27, 41, 74, 75, 92, 119
Соликамский у. 64
Сольвычегодск, г. 28, 92
Сольвычегодский у. 64
Соль-Камская, см. Соликамск
Сосьва, р. 36, 37, 87
Средняя Азия 34, 54, 69, 71, 77, 98, 116, 118, 145, 177, 178, 185, 207, 208
Сугмут-ваш, г. 22, 37
Суерская сл. 103, 104, 108
Суерский острог, см. Суерская сл.
Сузунский з. 135
Сургут, г. 22, 32, 38, 40, 57, 67, 73, 80, 89, 92, 105, 182, 183, 194, 199
Сургутка, р. 38
Сургутский округ 111

Сургутский у. 104
Сыр-дарья, р. 97, 146

Тавда, р. 22, 29, 36, 41
Газ, р. 43, 44, 88, 89, 90
Газовская губа 88, 183
Газовская Мангазея, см. Мангазейский городок (Мангазея)
Тара, г. 39, 46, 47, 51, 52, 55, 56, 57, 60, 66, 69, 70, 73, 80, 85—
86, 97, 98, 105, 106, 108, 142, 144, 178, 194—196, 156—158
Тара, р. 39
Тарский г., см. Тара
Тарский округ 111, 112, 132
Тарский у. 31, 104, 106
Тартас, р. 109
Тарханский острожек 80, 104
Татарск, г. 204
Татары 34, 44—45, 85
Ташкент, г. 146, 175, 177, 195
Телеуты, 30, 45, 93
Тельбесс, раб. пос. 207
Тобол, р. 17, 18, 22, 23, 28, 30, 35, 36, 77, 80, 97, 98, 102, 103,
104, 106, 107, 108, 148
Тоболо-Ишимская лесостепь 97
Тобольск, г. 23, 31, 32, 35, 36, 39, 41, 50, 53—54, 57, 58, 60,
62, 63, 64, 65, 66, 69, 70, 72, 73, 74, 77, 80—85, 87, 92, 93,
94, 105, 117, 119, 120, 121, 125, 139, 142, 144, 145, 148, 156—
158, 163, 164, 172, 173, 178, 182, 184—188, 195, 204
Тобольская губ. 106, 112, 113, 126, 131, 132, 133, 139, 140,
153—154, 159, 161, 163, 164
Тобольский округ 111, 112
Тобольский оружейный з. 139
Тобольский у. 31, 62, 65, 104, 131
Томск, г. 38, 45—46, 49, 51, 54—55, 57, 58, 63, 64, 68, 69, 70,
73, 82, 90—94, 97, 105, 117, 119, 138, 139, 141, 142, 144, 145,
148, 156—158, 164, 165, 167—168, 171—174, 178, 200, 204
Томская губ. 112, 113, 131, 133, 139, 153—154, 159, 161, 164,
199
Томский з. 136, 191
Томский округ 111, 112
Томский у. 104
Томь, р. 44, 45, 46, 104, 171, 172
Травьюган, р. 38
Тунгуска (Нижняя и Средняя), р. р. 89
Тура, р. 22, 23, 29, 30, 34, 35, 41, 42, 43, 52, 62, 72, 82, 107
Туринск, г. 31, 43, 57, 64, 65, 72, 74, 76—77, 78, 82, 105, 156—
158, 199
Туринский округ 111, 112
Туринский у. 31, 65, 66, 71, 131
Турухан, р. 44, 88, 89
Туруханск, с. 89, 121
Туруханское зимовье, см. Туруханск
Тым, р. 184
Тюкала, см. Тюкалинск

Тюкалинск, г. 144, 145, 156—157, 195
Тюкалинская сл., см. Тюкалинск
Тюменка, р. 35, 52, 77
Тюменская яр. 170
Тюменский у. 31, 65, 66, 71, 78, 79, 104, 131
Тюменский округ 111, 112, 132, 134
Тюмень, г. 22, 31, 32, 33, 34—35, 42, 49, 51, 52—53, 56, 57, 58,
60, 62, 63, 64, 66, 68, 70, 72, 76, 77—79, 82, 94, 97, 101, 105,
106, 117, 119, 135, 141, 142, 144, 145, 148, 156—158, 163,
165, 167—171, 173, 177, 195, 204.

Уба, р. 101
Убинское оз., 109
Убинское укр., см. Каргатское
Уковский з. 139
Улутавская станция 146
Урал 17, 18, 19, 27, 28, 29, 30, 34, 35, 41, 67, 72, 87, 88, 89, 108,
116, 133, 145, 177, 183, 191, 205, 207, 208
Усть-Каменогорск, г. 100, 174
Усть-Каменогорская крепость, см. Усть-Каменогорск
Усть-Суерская сл. 104
Усть-Тартасское укр. 109, 144
Устюг, г. 27, 28
Утяцкая сл. 98, 104
Утяцкий острог, см. Утяцкая сл.
Уфа, г. 34, 77

Ханты, 17, 21, 36—37, 67, 86, 87, 183, 206
Ханты-Маньсийск, г. 208
Холмогоры, г. 28, 77

Царево Городище, см. Курган

Чарыш, р. 101, 190
Чаусский острог, см. Колывань
Чердын, г. 27, 35, 41, 42
Чернолуцкая сл. 108
Чимги-Тура, г., см. Тюмень
Чу, р. 97, 146, 176
Чугучак, г. 146
Чуйская степь 181
Чуйская яр. 181
Чуйский тракт 181
Чулым, р. 29, 45, 73, 104, 138, 173
Чусовая, р. 74
Чуя, р. 181

Шадринск, г. 165, 177
Шория, 45
Шорцы, 30, 46
Шульба, р. 135
Шульбинский з. 135

Юг, р. 27
Юган, 38
Югорская земля 17

Явлу-Тура, см. Ялуторовск
Яйва, р. 41
Ялуторовск, г. 22, 98, 106, 108, 156, 158, 195, 208
Ялуторовская сл. 103
Ялуторовская яр. 127
Ялуторовский округ 111, 112, 127, 134
Ялуторовский острог, см. Ялуторовск
Ялынка, р. 43
Ялынская волость 39
Ямал 30
Ямышево (Ямышевское) оз. 32, 39, 46, 68—69, 82, 86, 93, 97,
98, 138
Ямышевская крепость 98, 138
Ямышевская сл. 121
Ярославль, г. 92, 117
Яя, р. 104

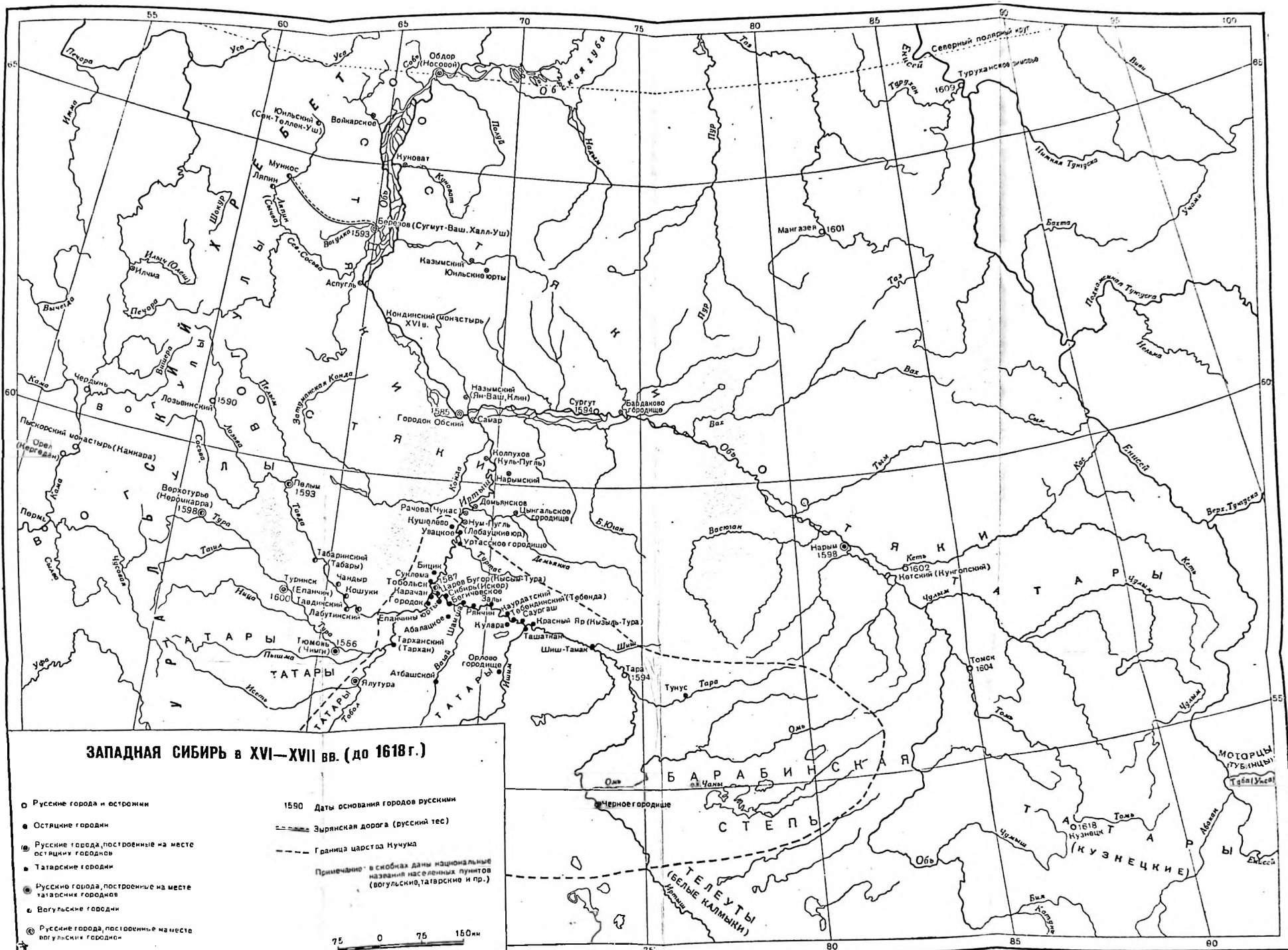
ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
I. География первых русских городов в Западной Сибири.	17
II. Хозяйственная жизнь русских городов в XVII в.	49
III. Перемены в условиях хозяйственной жизни Западной Сибири в XVIII и в первой половине XIX в.	96
IV. Рост и состав населения городов в первой половине XIX в.	150
V. Хозяйственная жизнь городов в первой половине XIX в.	166
Заключение	202
Указатель географических названий	209

Редактор И. И. Тензина.
Редактор карт. Г. Н. Мальчевский.
Технич. редактор Д. А. Глейх.

Сдано в производство 29/VII-49 г. Подписано
к печ. 13/X-49 г. № А—11690. Формат 84×108 1/2.
Тираж 10000. Печ. л. 13 1/4+1 л. вкл.
Уч.-изд. л. 13,65. Цена 6 р. 50 к.
Заказ № 1339.

Набрано в 6-й типографии Главполитграф-
издата при Совете Министров СССР, Москва,
1-й Самотечный, 17. Отпечатано в типографии
«Известия Советов депутатов трудящихся
СССР» имени И. И. Скворцова-Степанова,
Москва, Пушкинская площадь, 5. Зак. № 2266.

Карта первых русских городов в Западной Сибири (составлена по карте К. Н. Сербинной, приложенной к «Истории Сибири», т. I. Г. Ф. Миллера, 1937 г., с изменениями).